

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

М.Л. Апажев

**ЛЕКСИЧЕСКАЯ СЕМАСИОЛОГИЯ
КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКА
В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМ**

Рекомендовано Редакционно-издательским советом университета
в качестве учебного пособия

НАЛЬЧИК 2004

УДК 616.89 (075)
ББК 67.99 (2)

Рецензенты:

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник,
зав. отделом кабардинского языка Кабардино-Балкарского
института гуманитарных исследований

Б.Ч. Бижоев

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований

Р.Х. Дзуганова

Апажев М.Л.

Лексическая семасиология кабардино-черкесского языка в сопоставлении с русским. Учебное пособие. – Нальчик: Каб. -Балк. ун-т, 2004. – 153 с.

Данное учебное пособие представляет собой первую работу по лексической семасиологии кабардино-черкесского языка. В ней также впервые сопоставляются лексико-грамматическая, лексико-тематическая, лексико-семантическая и лексико-стилистическая системы в кабардино-черкесском и русском языках.

Предназначено для студентов педагогического факультета и института филологии КБГУ.

Издание приурочено к 50-летию педагогической и научной деятельности автора в КБГУ (1954-2004 г.).

Рекомендовано РИСом университета

УДК 616.89 (075)
ББК 67.99 (2)

© Кабардино-Балкарский государственный
университет, 2004

ВВЕДЕНИЕ

В системе наук о слове и словарном составе языка в целом наименее изученной в лингвистическом адыговедении является семантика (от греч. *semantikos* – “означающий”, *sema* – “знак”), изучающая значение различных единиц языка, функционирующих в словарном составе и грамматическом строе. В соответствии с этим она подразделяется на лексическую семантику и грамматическую семантику. Первая изучает лексическое (предметное) значение, вторая – грамматические, формально-структурные значения.

Изучение значения в лексической семантике, как в грамматической, может проводиться в двух направлениях: от формы слова к его значению, или, как принято в специальной литературе, от плана выражения к плану содержания, либо от значения слова к его форме, т.е. от плана содержания к плану выражения. В зависимости от этого выделяют два взаимосвязанных и противоположных по своей направленности аспекта семантики: семасиология и ономасиология.

Семасиология (от греч. *semasia* – “значение” + *logos* “учение”) – раздел или аспект семантики, в котором значение изучается в направлении от плана выражения к плану содержания, т.е. от слова к понятию. При семасиологическом подходе мы спрашиваем или нас интересует: что значит или означает данное слово или словосочетание? Какие значения имеет в кабардино-черкесском языке слово *щхъ*, а в русском – *голова*? Данный подход к семантике является отражением точки зрения человека, воспринимающего звучащую речь или читающего определённый текст, и совпадает с основным назначением толковых словарей, раскрывающих содержание одной из главных категорий не только лексико-семантической системы, но и всей системы языка, – полисемии (многозначность).

Ономасиология (от греч. *onomasia* – “обозначение” + *logos*) – раздел семантики, в котором значение изучается в противоположном направлении: от плана содержания к плану выражения, т.е. от понятия к слову. При этом ставится другой вопрос: Какие имеются в данном языке слова или сочетания слов для выражения этого или иного значения, содержания, понятия? Как называется этот предмет или явление? При ономасиологическом подходе к семантике человек занимает другую, активную, позицию – позицию говорящего или пишущего. Отражение того аспекта – задача иных словарей- идеографических, синонимических, семантических, аналогических и других, основным критерием расположения единиц в которых является не алфавитный порядок, а принцип смысловой близости. Из сказанного ясно, что задачи семасиологии и ономасиологии решаются в рамках объединяющей их дисциплины – семантики.

Слова того или иного языка, например, кабардино-черкесского, могут изучаться в сопоставлении с другим языком, например, русским. Этим занимается конфронтационная, или контрастивно-типологическая (сопоставительная) лексикология, которая изучает соотносительные единицы и крите-

рии лексики с точки зрения их сходств и различий. Конфронтационная лексикология пользуется данными лексикологии тех языков, которые сравниваются, сопоставляются.

В данной работе рассматриваются главным образом вопросы лексической семасиологии. Такое ограничение основывается на том, что значения слов представляют собой совершенно иную реальность, чем значения других элементов или компонентов языка. Как отмечает академик Д.Н. Шмелев, «лексическое значение слова выступает в двояком аспекте. Оно определяется местом слова в лексической системе языка (парадигматическими и синтагматическими связями слова), и оно определяется соотнесенностью слова с понятиями и его «предметной» прикрепленностью» (Шмелев 1964:3).

Необходимость создания специальной работы по семасиологии кабардино-черкесского языка вызвана тем, что при всех несомненных достижениях лингвистического кабардиноведения в исследовании лексики до сих пор студенты и преподаватели – филологи, учителя начальных классов и все, интересующиеся вопросами родного и русского языков, не имеют учебного пособия, в котором была бы представлена общая характеристика изучения проблем семасиологии и лексико – семантических категорий в свете учения о лексике как системе. В связи с этим одно из центральных мест в данной работе отводится проблеме системности лексики, трактуемой автором как совокупность четырех взаимосвязанных группировок слов, а именно: лексико – грамматической, лексико – тематической, лексико – семантической и лексико – стилистической.

Особое внимание в работе обращается на характеристику лексико – тематической и лексико – семантической систем и принципиальное их разграничение, так как случаи смешения и даже полного их отождествления довольно часты в практике специальных исследований, не говоря уже об учебниках и учебных пособиях для вузов.

Необходимо иметь в виду еще одно обстоятельство. Если при рассмотрении лексики исследователи адыгских языков обычно ограничивались небольшим числом тематических групп, внутри групп лексические единицы привлекались несколько фрагментарно, то здесь лексико – тематические группы охвачены почти исчерпывающе (выделено 115 групп), а в каждой группе несравненно полнее представлена соответствующая лексика. При этом хотелось бы обратить внимание читателя на то, что внутриязыковой (внутриструктурный) контрастивно – типологический анализ тематических групп проводится с различных точек зрения, а именно: 1) количественного параметра, 2) генетического состава (исторического происхождения), 3) морфемного строения, 4) семантической структуры, 5) деривационной (словообразовательной) активности, 6) фразеологических связей и 7) валентностных (сочетаемостных) способностей. Лексика адыгских и других северокавказских языков в названных семи аспектах ни в теоретических исследованиях, ни в учебно-методических работах, насколько нам известно, ранее не рассматривалась. По каждому из этих аспектов устанавливаются сходства и различия в функционировании тематических групп в кабардино-черкесском и

русском языках, что несомненно представляет большой интерес в научном и практическом отношении. Особо выделяется семантический аспект, при освещении которого ставится вопрос о генеративной (порождающей) способности лексических единиц в сопоставляемых языках, и в связи с этим автор вводит понятие семантического потенциала или диапазона слова (сокращенно СПС или СДС). Под этим термином подразумевается число лексико-семантических вариантов (ЛСВ), которым практически обладает та или иная лексема в том или ином языке.

Контрастивно-типологическое, или сопоставительное, рассмотрение лексики неродственных языков обнаруживает много нового, обычно не замечаемого монолингвами. Кроме того, такой подход создает необходимые, можно сказать, идеальные условия и надежный научно – теоретический фундамент для разработки научно – выверенной и национально ориентированной лингводидактики, для подготовки высокопрофессиональных методистов, преподавателей этих языков в школе и вузе, для подготовки таких одноязычных и двуязычных общефилологических, тематических, идеографических, семантических, картинных и других типов словарей, а также учебных пособий, которые объективно отражали бы потенциальные и реальные источники интерференции, прогнозировали бы возможные отклонения и нарушения литературных норм одного языка под влиянием другого языка. Пособия, содержащие такие методически ценные сведения, могли бы успешно выполнять роль активного инструмента в овладении вторым языком. Надо ли доказывать, что такого рода пособия с нетерпением ждут тысячи представителей нерусских народов. Подобные издания – учебники, пособия и справочники – с возможно полным перечнем трудных, сложных, «опасных», так называемых «ошибкогенных» источников вмешательства другого языка принесли бы несомненную пользу не только нерусским, но и огромному числу русскоязычных читателей, проживающих в национальных республиках и желающих практически овладеть местными языками.

Миллионы представителей нерусских народов России хотят в совершенстве овладеть русским языком, будучи убежденными в том, что в боль-
шой мир можно войти только с помощью большого языка.

Не секрет, что одним из серьезных пробелов в теоретическом курсе современного русского языка и методики его преподавания в классических и педагогических университетах, педагогических колледжах, педучилищах и общеобразовательных школах национальных республик является недостаточный учет или почти полное отсутствие учета особенностей родного языка обучаемых, учета лингвистического уровня подготовки, а также запросов, интересов, реальных и потенциальных возможностей учащихся и студентов. Между тем любой язык может изучаться в трех аспектах – как родной, неродной или иностранный. Не нужно доказывать, что каждый из этих аспектов требует соответствующего разностороннего теоретического осмысления и практического учета таких лингвистических явлений и закономерностей, а также высокопрофессионального владения специальными специфическими

методами и приемами, сознательное или бессознательное игнорирование которых делает обучение второму языку методически порочным, коммуникативно беспомощным, национально безадресным, а потому и социально ущербным, научно несостоятельным.

Из четырех перечисленных выше типов объединения слов наиболее специфичной для семасиологии оказывается лексико-семантическая система. В работе дается обоснование правомерности выделения в рамках данной системы, наряду с традиционными **полисемией, омонимией, синонимией и антонимией**, впервые описанными профессором Н. Ф. Яковлевым (1948), еще восьми других лексико-семантических категорий, таких, как **паронимия, гипонимия, конверсия, семантическое поле, ассоциативное поле, лексическая синтагматика** (валентность слова), **лексико – деривационная группа** и **лексико – фразеологическая группа**, которые обнаруживают интересные совпадения и существенные расхождения как по характеру функционирования, так и по степени их распространенности в русском и кабардино-черкесском языках. Установление схождений и расхождений этих 12 лексико-семантических категорий в сопоставляемых языках представляется весьма важным как при исследовании данных языков, так и в методике их преподавания на всех уровнях и всех этапах.

Таким образом, изучение лексики как системы в указанных выше аспектах и параметрах, разработка на этой основе принципов составления однопольных и двуязычных словарей различных типов и назначения, а также создание национально ориентированных учебных пособий имеют важное значение и представляются весьма актуальными и перспективными не только для семасиологии и тесно связанных с ней лексикологии и лексикографии, но и для методики преподавания родного и русского языков.

В основу данной работы положен лексический материал современно-го кабардино-черкесского языка, охватывающий не менее 20 тыс. слов исконного происхождения, отраженных в существующих словарях, и значительно дополненный автором, а также более 15 тыс. заимствованных лексем, собранных им в течение последних 50-ти лет.

Лексический материал русского языка, сопоставляемый с кабардино-черкесским, извлечен из словаря Даля, ТСУ, БАС, СО, МАС, СОШ, БТС и др.

При освещении проблем лексической генетики привлекались факты из современного состояния и исторического прошлого языков и диалектов других кавказских, а также славянских, тюркских, семитских, иранских, романских, германских, финно-угорских и некоторых других народов.

Работа адресуется студентам-филологам, преподавателям-словесникам, учителям начальных классов, а также учащимся колледжей, лицеев, гимназий, и классов с углубленным изучением гуманитарных дисциплин в Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Адыгее. Ею могут пользоваться также переводчики, писатели, журналисты, работники книжных издательств и другие категории читателей, интересующихся вопросами родного и русского языков.

ЛЕКСИКА КАК СИСТЕМА И ЕЕ СЕМАСИОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

ГЛАВА 1. ПРОБЛЕМА СИСТЕМНОСТИ ЛЕКСИКИ И ТИПОЛОГИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ МИКРОСИСТЕМ ЯЗЫКА

Значительные достижения отечественного языкознания в изучении лексики прежде всего связаны с тем, что в его основе лежали принципы, разработанные такими выдающимися лингвистами, как А.А. Потебня, И.А. Бодуэн де Куртенэ, Ф.Ф. Фортунатов, А.А. Шахматов, М.М. Покровский и др. Эти принципы получили дальнейшее развитие в исследованиях Л.В. Щербы, В.В. Виноградова, Н.Ф. Яковлева, А.И. Смирницкого, Д.Н. Шмелева, Р.А. Будагова, В.А. Звегинцева и др. Понимание языка как явления общественно функционирующего и системно организованного сыграло огромную роль в развитии лингвистики. Важным достижением последних десятилетий является приложение теории системности к лексическому материалу. В разработку данной проблемы значительный вклад внесли О.С. Ахманова, А.А. Уфимцева, А.И. Кузнецова, Ю.Н. Караулов, Л.А. Новиков, В.В. Морковкин, П.Н. Денисов, А.Е. Супрун, Ю.С. Сорокин, Л.П. Крысин, Э.В. Кузнецова и др. Тем не менее концепция системности лексики все еще встречает возражения со стороны ряда исследователей как у нас, так и за рубежом. Причина негативного взгляда на системность объясняется следующими обстоятельствами. Во-первых, своеобразием и необычайной сложностью самого объекта, значительно отличающегося от других, стабильных устойчивых уровней языка как по характеру, так и по ограниченности количества составляющих ее единиц. Во-вторых, тем, что курсы лексикологии, семасиологии и лексикографии не имеют той богатой традиции системного описания, какой давно располагают другие уровни языка, как, например, фонетика, морфология со своим строго ограниченным числом и многократно описанным кругом составляющих их единиц (фонем, морфем, морфологических категорий – рода, числа, падежа, лица, склонения, спряжения...). В-третьих, возможно, тем, что недостаточно учитываются результаты исследований лексикологов, которые, на наш взгляд, не оставляют места для сомнений в системности лексики.

К сказанному следует добавить еще то, что в зарубежных вузах, в том числе в западноевропейских, до недавнего времени не было курса лексикологии и семантики. Кстати сказать, в период нашей педагогической работы в Чехословакии (1971) мы с удивлением узнали о том, что проф. Л. В. Копецкий был первым в Центральной Европе филологом, включившим курс лексикологии в программу философских и педагогических факультетов. Впервые лекции по лексикологии русского языка в ЧССР были прочитаны в Пединституте в Праге в 1954-1955 уч. г., сам Л.В. Копецкий читал курс лексикологии студентам и преподавателям философского факультета университета им. П.Й. Шафарика в Прешове (см. Русский язык за рубежом. 1994. №4. – С.135).

Весьма показательным является мнение одного из ведущих лексикологов нашей страны А.А. Уфимцевой, согласно которому до последних десятилетий в западноевропейских лингвистических школах обычно «лексические элементы и их значения четко не противопоставляются грамматическим, что отодвигает на задний план исследование специфики структурной организации лексики» (Уфимцева 1972:401).

С развитием в 40-50-е гг. XX в. структурных и формализованных методов описания языка вся лексикологическая и семасиологическая проблематика, охватывающая в основном двусторонние единицы языка – слова, в целях «большей объективности» и «строгости метода» была сознательно исключена из программы многих исследовательских направлений. Не случайно и по сей день основными языковыми уровнями (подсистемами) считаются фонематическая и морфологическая, в то время как лексикологическая и семантическая, как бы их ни интерпретировать, относятся к периферийным подсистемам языка (Hockett 1958: 137) или при анализе языковой структуры объявляют «неструктурными ярусами» языка (Chafe 1962). Не без оснований главную причину отставания американской лексикологической науки У. Вайнрейх видит в том «семантическом параличе», который перенесла американская лингвистика в блумфилдианский и последовавший за ним периоды своего развития (Weinreich 1963). Более подробно об этом: Уфимцева 1972: 401-402.

По мнению сторонников негативного взгляда на системность в лексике, в последней нет другой системности, кроме той, которая обусловлена отношениями между явлениями самой действительности, иначе говоря, системен мир, отражаемый словарем, и лишь потому системен словарь. Такой точки зрения придерживался, например, акад. В.М. Жирмунский (1960:70). Касаясь проблемы системности лексики, акад. Н.Ю. Шведова в 1998 г. отмечала, что часть лексикологов полагает системность существующей в лексике объективно, имманентно, другие же считают системность лексики привнесенной исследователями. Коллектив, который под ее руководством составляет шеститомный «Русский семантический словарь», придерживается первого мнения, с которым трудно не согласиться (Хан-Пира 1999:49).

Противники системности лексики признают лишь логическую классификацию лексики, то есть лексико-тематическую классификацию словарного состава языка. Такого прямого вывода у сторонников этого взгляда на лексику нет, но иного заключения из их понимания сделать нельзя. Однако при этом оппонентами упускается из виду то обстоятельство, что системность словаря может отражать лишь познанную системность действительности, включая даже и явные заблуждения, суеверия людей, иначе говоря, и такие системные отношения, которые гипотетически допускались человеком, но впоследствии были опровергнуты наукой. Важно учесть также, что сами способы систематизации явлений действительности и лексем в словаре различны.

В каждом национальном языке имеются специфические способы систематизации лексических единиц. Так, для каждого очевидна связь между словами *брат* и *сестра*, с которыми связаны *отец* и *мать*, *сын* и *дочь*, *бабушка* и *дедушка*, *дядя* и *тетя*, *внук* и *внучка*... Невозможно отрицать связь таких слов, как *один*, *два*, *три*, *сто*, *тысяча*... Можно ли усомниться в тесной связи между словами: *понедельник*, *вторник*, *среда*, *четверг*, *пятница*, *суббота*, *воскресенье*? Бесполезно оспаривать наличие связи таких слов, как *варка*, *читка*, *поливка*, *оценка*, *подготовка*, *отписка*; *горка*, *травка*, *речка*, *ножка*, *головка*; *кабардинка*, *черкешенка*, *адыгейка*, *грузинка*, *испанка*, *финка*, *кубинка*, *чешика*, *словачка*, *армянка*, *украинка*... Стоит ли возражать против связи между словами: *нос*, *носовой*, *переносица*, *носок*, *долгоносик*, *остроносый*... Едва ли можно отрицать наличие связи между словами: *доехать*, *докончить*, *допить*, *довести*, *доверить*, *догрузить*, *доделать*, *дописать*, *дочитать*... Трудно не согласиться с тем, что слова *день* – *ночь* выражают противоположные понятия так же, как и *белый* – *черный*, *высокий* – *низкий*, *друг* – *враг*, *мир* – *война*, *храбрость* – *трусость*, *начало* – *конец*, *близко* – *далеко*, *хорошо* – *плохо* ... Разве не связаны слова: *наука*, *филология*, *языкознание*, *адыговедение*, *кабардиноведение*. Или: *суффикс*, *морфема*, *морфемика*, *морфонология*, *лингвистика*, *наука*. Давно замечена связь таких слов, как *бояться*, *опасаться*, *остерегаться*, *пугаться*, *тревожиться*, *беспокоиться*; *болеть*, *хворать*, *недомогать*; *большой*, *огромный*, *великий*, *гигантский*, *громадный*, *крупный*; *исправлять*, *чинить*, *ремонттировать*, *поправлять*, *реставрировать*. Не вызывает сомнений связь между словами: *купить* – *продать*, *учитель* – *ученик*, *предшественник* – *преемник*. В сознании помимо нашей воли объединяются слова: *болезнь*, *больница*, *врач*, *укол*, *шприц*, *операция* и др.

Единством стержневого слова объединены фразеологизмы: *с глазу на глаз*, *во все глаза*, *для отвода глаз*, *глаз набит*, *не сводить глаз*, *не смыкать глаз*, *не верить своим глазам*, *хоть бы в одном глазу*, *глаза бы мои не видели* и др.

Что-то общее объединяет такие слова, как *миленький*, *родненький*; *дурачок*, *дуралей*, *грязнуля*, *трусика*, *дурашка*, *глупыш*; *бабуля*, *дедуля*, *мамуля*, *сынуля*, *дочурка* и т.п. Говорящие по определенным признакам сближают, группируют, а иногда и смешивают между собой такие слова, как *абонент* и *абонемент*, *аксакал* и *саксаул*, *космический* и *косметический*, *ампула* и *ампула*, *черкеска* и *черкешенка*, *полька* (чешский танец) и *полька* (от поляк), *эвен* и *эвенк*; *коса* (прическа), *коса* (орудие), *коса* (береговая полоса); *мука* и *мука*, *атлас* и *атлас*, *порты* и *порты*, *пора* и *пора*, *наголо* и *наголо*, *почесть* и *почесть*, *замок* и *замок* и мн. др.

Своеобразную системную группировку составляют, например, такие безэквивалентные слова (экзотизмы, локализмы, партикуляризмы, регионализмы), характерные для тех или иных стран или регионов мира, как напр.: *аул*, *боржом*, *шашлык*, *сакля*, *бурка*, *башлык*, *газыри*, *мацони*, *гедлибже*, *жарума* и др. (для Кавказа); *милорд*, *лорд*, *леди*, *дэнди*, *мисс*, *миссис*, *мистер*, *доллар*, *фунт стерлингов* (для англоязычных стран); *сеньор*, *сеньора*, *сеньо-*

рита, сафра, фиеста, песо, пикадор, тореро, матадор, эспада, коррида, то-реадор (испаноговорящие страны); *аят, сура, мечеть, минарет, гиджера, хадж, хаджи, намаз, ураза, гарем, гяур, янычары, ислам, Коран* (Ближний Восток); *бешибармак, пиала, плов, лагман, кумыс* (Средняя Азия) и мн. др.

Как явствует из приведенных примеров, синонимические, анатомические, омонимические, паронимические, гипонимические, ассоциативные, словообразовательные и другие связи и отношения, а также эмоционально-экспрессивная окраска, грамматическая и стилистическая принадлежность слова и нек. др. играют ведущую роль в сцеплении этих элементов друг с другом и, следовательно, в организации лексики в определенную систему. Таким образом, расчленение закреплённой в языке системы наших представлений об окружающем мире производятся не единственным путем, как утверждают оппоненты, т.е. не только с помощью логических понятий, лежащих в основе лексико-тематического объединения слов. Адекватная лингвистическая классификация лексики национального языка может быть достигнута, как нам представляется, лишь с позиции комплексного, разноаспектного анализа — лексико-семантического, лексико-грамматического, лексико-стилистического и лексико-тематического (Апажев 2000: 33).

Лексика кабардино-черкесского языка, как известно, до последнего времени не подвергалась системному описанию в синхронном аспекте, хотя определенная ее часть (как правило, ядерная) специально рассматривалась в плане историко-генетическом и социально-лингвистическом (Яковлев 1927, 1948; Шагиров 1962, 1970, 1977; Апажев 1963, 2000}. Тем не менее из сказанного можно заключить, что системность лексики кабардино-черкесского языка уже не является проблематичной, но что же касается вопроса о том, как она должна или может быть подвергнута системному описанию, распределению, так сказать, без «остатка» по различным смысловым полям и разрядам, большим и малым группам, макро- и микросистемам, то это далеко не всегда практически решается удовлетворительно. Действительно, распределяя словарный состав по известным осям (парадигматическим и синтагматическим), а также по другим типам объединения (напр., полевым, групповым), исследователь сталкивается с рядом трудностей, когда некоторые элементы лексики как бы противятся такому распределению, составляя своеобразный «остаток», нечто вроде неделимого числа. Подобные исключения — асимметричные явления, согласно мнению некоторых ученых, не должны чрезмерно нас тревожить, хотя каждый лексиколог вправе поставить (и довольно часто ставит) вопрос: почему все же возникает асимметрия, если лексика действительно системна? Кроме общеизвестных теоретических положений отечественных и чехословацких лексикологов (Апажев 1992:73-84; 2000: 25-34), здесь, по-видимому, следует иметь в виду еще некоторые моменты. Во-первых, асимметрия может возникать из-за того, что основание для деления выбрано исследователем неверно. Иначе говоря, сумму он делит не на то число. Когда приходится иметь дело с громадным числом разнообразных слов, трудно

рассчитывать на то, что каждый раз удастся найти единственно верное основание, по которому производится распределение. Лингвисту не всегда удается найти то понятие, под которое может подвести определенные слова, да еще осложненные переносными, фразеологически связанными или синтаксически обусловленными значениями.

Во-вторых, сама лексика в отдельных сферах еще не получила достаточного развития (хотя язык сам по себе может быть и развитым, с длительной, богатой письменной традицией) чтобы она могла быть представлена во всех звеньях (семантических, ассоциативных полях, группах) одинаково полно, симметрично, системно. Л.М. Васильев отмечает, что «нерегулярность семантических противопоставлений и, следовательно, неполная симметричность системы обусловлены прежде всего тем, что отдельные ее части неодинаково развиты, т.е. по-разному представлены лексически» (Васильев 1981: 180). Далее автор приводит большое количество примеров, свидетельствующих о том, что в составе глаголов восприятия очень слабо развиты лексические микросистемы со значениями осязания и обоняния, а также с некоторыми другими значениями. Сказанное не в меньшей степени можно отнести и к кабардино-черкесской лексике. В-третьих, не исключено, что лексика уже утратила некоторые свои элементы, выпали из нее отдельные единицы, служившие некогда прочными звеньями в лексических микросистемах, и теперь отсутствие их вызывает асимметрию и препятствует восстановлению былой системы. Для подтверждения сказанного сошлемся на некоторые факты:

Русские слова

баранина от баран
козлятина – козел
конина – конь
курятина – кура
гусятина – гусь
телятина – теленок
говядина – ?

Кабардино-черкесские слова

Шыфэ- шы «лошадь»+фэ «шкура, кожа»
Выфэ- вы «вол»+ фэ ----
Мэлыфэ – мэл «овца» + фэ ----
Бжэныфэ – бжэн «коза» + фэ ----
Мыщафэ – мышэ «медведь» + фэ ----
Бажафэ – бажэ «лиса» + фэ ----
Хъурыфэ – ? ? + фэ ----

В приведенных примерах последние лексические единицы (говядина и хъурыфэ) в русском и кабардино-черкесском языках представляют собой типичные асимметричные явления. Картину системности можно здесь восстановить, устранив асимметрию только диахронически. Так, в древнерусском языке было известно слово «говядо», которое исчезло, заменившись словом «корова». Однако «говядо» оставило следы в виде производных «говядина», «говяжий», вместо которых по логике вещей могли быть другие лексемы, напр.: «Коровина», «коровятина» (ср. фамилии: Коровин, Коровников, Корович, Коровушкин), однако этого не произошло: у языка своя логика и свои законы. В случае с русским «говядо» исследователя выручила традиционная письменность, уходящая в далекое историческое прошлое. Представитель младописьменного кабардино-черкесского языка лишен этой счастливой

возможности. Тем не менее нередко ученым лингвистам, исследователям младописьменных языков, удастся путем сравнительно-исторического анализа лексики родственных языков восстановить недостающие звенья системы. Одной из наиболее удачных находок в этом плане следует считать этимологию хъурыфэ – «смушка», предложенную А.К. Шагировым, согласно которому слово хъурыфэ состоит из ист. хъур – «овца» + фэ «кожа, шкура» (Шагиров. Этимологический словарь. Т.2. – М., 1977. – С. 114).

В-четвертых, необходимо, на наш взгляд, иметь в виду еще одно обстоятельство. В отличие от грамматики и фонологии в лексике есть, наряду с древними единицами, существующими тысячелетия (термины родства, соматизмы, названия явлений природы и др.), также новые области, только что созданные, особенно в общественно-политической, научной, технической и других терминологических системах, множество заимствований, сотни инноваций, своеобразно включаемых в общую лексическую систему языка. Естественно, эти две области – ядерная и периферийная – по-разному сцеплены, взаимосвязаны, неодинаково системно организованы, специфично также их распределение по лексическим группам, полям, различна и степень их активности в языке.

В специальной литературе известны многочисленные случаи асимметричности лексических микросистем, обнаруженные в различных языках мира. Так, в осетинском языке нет соответствующих трех-четырёх слов для обозначения цвета – синего, голубого, зеленого, серого, но, как заметил В.И. Абаев, это не значит, что все осетины – дальтоники (Абаев 1970:248). В ряде европейских, кавказских, африканских и других языков нет категории грамматического рода, но это не означает, что носители этих языков не отличают мужчин от женщин. Китайское *цин* переводится как *темный, синий, голубой, зеленый, черный* (см.: Китайско-русский словарь. – М., 1952. С. 356 № 3602). В испанском, французском, английском, финском, адыгейском, кабардино-черкесском и многих других языках лексически не различаются понятия «*ехать*» и «*идти*», «*ломать*» и «*разбить*» и др. Ограничимся несколькими примерами:

Транскрипция		Перевод
англ. go [гоу]	-	идти, ехать
исп. Ir [ир]	-	идти, ехать
фин. mennä [мення]	-	идти, ехать
каб. -черк. кIуэн [кон]	-	идти, ехать
англ. break [брэк]	-	ломать, разбить
исп. romper [ромпер]	-	ломать, разбить
фин. särkea [сяркея]	-	ломать, разбить
каб. – черк. кьутэн [кутан]	-	ломать, разбить

Расхождения такого рода в языках можно объяснять сколь угодно различно, но не может быть квалифицировано как результат отсталости одних и

развитости других языков. Нельзя не согласиться с П.Н. Денисовым, который также, говоря о системности лексики, считает допустимой «возможность внесистемного изолированного расположения слова и соответственного этому механизма хранения. Возможны и внесистемные изолированные понятия, не вошедшие еще в какие бы то ни было классификации. Но общую упорядоченность хранения лексики в памяти приходится признавать как факт» (Денисов 1980: 121).

В связи с таким особым положением лексики известная Пражская лингвистическая школа различает или, лучше сказать, предлагает два понимания системности лексики, соответствующих двум формам проявления системы в ней. В основу первого понимания системы кладутся шесть признаков:

- 1) Система является целостным комплексом соотнесенных компонентов.
- 2) Система находится в специфическом единстве с ее окружением.
- 3) Система является компонентом вышестоящей системы.
- 4) Каждый компонент системы также представляет собой систему (подсистему).
- 5) Каждая система является иерархизованной.
- 6) Структура является множеством отношений между компонентами, субсистемами, системами (Филипец 1978:376).

В отличие от такого ортодоксального, по терминологии чехословацких лексикологов, – «сильного» понимания системы в лексике пражцы второе свое понимание считают более «слабым» и связывают его с учением о центре и периферии системы, согласно которому в словарном составе выделяют пять областей: центр системы, переходную область, периферию, или же пограничную область, другие языковые системы объективной реальности, в различной степени затрагивающие собственно языковую систему и являющиеся причиной ее открытости. Такая интерпретация лексики дает возможность понять, почему в языке вместе с ее системными элементами находятся явления, еще не приобретшие системного характера или уже его утратившие, и почему существуют различные этапы системной включенности языковых фактов (Филипец 1978: 377).

Исходя из всего вышесказанного, нетрудно понять, почему объем и разнообразие лексических единиц нельзя сопоставить с количественными параметрами других уровней языковой системы. Можно сослаться еще на такие факты, которые представляют определенный интерес в научном и практическом планах и в известной степени проливают свет на специфику лексической системы языка. Выдающемуся кавказоведу Н.Ф. Яковлеву для изложения всей системы кабардино-черкесского языка с его фонетикой, лексикой, словообразованием, морфологией и синтаксисом понадобилось всего лишь около 150 статей, авторам же «Грамматики кабардино-черкесского языка» (М.: АН СССР, 1957) – около 290 статей. А вот для размещения лишь словарного состава кабардино-черкесского языка авторам «Кабардино-русского словаря» (М.: ГИИНС, 1957) потребовалось не менее 20000 статей,

составителям «Толкового словаря кабардино-черкесского языка» около 31000 статей. Для одного только аспекта – этимологического исследования лексики – А.К. Шагирову пришлось разработать не менее 2000 статей, фразеологического аспекта Б.М. Карданову – 6000 статей, ономастического аспекта Дж.Н. Кокову – 8000 статей. Одна лишь заимствованная лексика русского происхождения в современном кабардино-черкесском языке потребовала у автора этих строк свыше 15 000 статей. Аналогичный пример из русского языкознания. В хорошо зарекомендовавшем себя многотомном монографическом исследовании «Русский язык и советское общество», в котором впервые глубоко и всесторонне описаны важнейшие тенденции развития русского языка за годы советской власти (1917-1967), все изменения в области морфологии и синтаксиса уместились в одном томе (причем порядочное место в нем заняли многочисленные предложения-длинные синтаксические конструкции, приводимые в качестве иллюстративного материала), тогда как для изложения изменений в одной лишь лексической системе русского языка потребовался целый том. То же самое и для словообразования, которое одно заняло объемистую книгу. Чем объясняется эта разница? Какая здесь наблюдается закономерность и взаимозависимость? Дело в том, что чем ближе область языка к реальной действительности, к социальной жизни, тем она многообразнее, сложнее и изменчивее, более открыта для внешнего влияния, менее устойчива, тем она труднее и поддается системному описанию и анализу, нередко даже просто обычной практической классификации, систематизации, параметризации.

С отмеченными явлениями тесно связаны и такие особенности лексических значений слов, как неопределенность и диффузность, в которых заключен источник необычной подвижности лексики, что дает некоторым исследователям повод для интерпретации ее как антисистемно функционирующего компонента (сферы) языка. Возражая против такого понимания лексики, Р.А. Будагов призывал «считаться с взаимодействием системных и антисистемных, структурных и антиструктурных тенденций во всех языковых сферах и уровнях» (Будагов 1978: 17), а Балли напоминал, что «словарный состав не представляет собой геометрически правильной конструкции, которая была бы столь желанной ленивой мысли, стремящейся идти легким путем аналогии» (Балли 1961: 62). А.А. Реформатский писал: «Если обычные слова языка все-таки системны, это не значит, что их системная характеристика систематически идеальна» (ВТ 1961: 54).

Таким образом, развитие и функционирование разных «уровневых» систем языка – фонетической, грамматической и лексической – при всей их безусловной взаимосвязи все же происходит с известной самостоятельностью, автономностью, например, в отношении скорости изменений, степени динамичности и специфики восприятия внешних влияний со стороны общества. Важнейшими причинами основных качественных изменений лексической системы, по П.Н. Денисову, являются следующие: 1) бурное развитие терминологии в век научно-технической революции; 2) вхождение в словари

новых слов нетерминологического характера; 3) дальнейший рост стилистически маркированной лексики, в особенности самого многочисленного ее разряда – разговорных слов; 4) интенсивное развитие многочисленных специальных терминологий, общая интеллектуализация языка, престиж науки среди других форм общественного сознания фактически взорвали исконную «языковую картину мира», так что целесообразно выделить две системы в лексической системе языка: 1) исконную (обыденное сознание), воспроизводимую приблизительно в идеографических словарях; 2) современную научную (научное сознание и теоретическое мышление), воспроизводимую в научно-технических и отраслевых словарях-тезаурусах (Денисов 1980: 54). К этим выводам автор пришел в результате глубокого анализа лексики современного русского литературного языка, однако, как нам (представляется, они имеют важное научно-теоретическое и практическое значение и для исследования словарного состава других литературных языков, в частности-младописьменных языков народов СНГ. При этом особого внимания заслуживает, на наш взгляд, роль общественно-политической лексики в обогащении и развитии многих других ее сфер и групп в современных литературных старописьменных и младописьменных языках народов Содружества.

Если словарь, по метафорическому определению А. Франса, – это Вселенная, расположенная в алфавитном порядке (а известно, что даже лучший из словарей, созданных человеком, всего лишь сравнительно, приблизительно и относительно полно отражает лексику языка), то сама лексика языка, еще не «загнанная» в строгие рамки словаря, с большим основанием может быть названа Вселенной, расположенной, правда, не по алфавиту, а совсем по иному порядку. Задача лексиколога и лексикографа как раз в том и состоит, чтобы объективно объяснить и показать этот порядок. В этом плане проделана значительная работа советскими лингвистами, в особенности Л.В. Щербой, В.В. Виноградовым, Д.Н. Ушаковым, Л.А. Булаховским, Ф.П. Филиным, В.И. Чернышевым, С.И. Ожеговым, А.И. Смирницким, Р.А. Будаговым, Д.Н. Шмелевым, Б.А. Лариным, Г.О. Винокуром, В.А. Звегинцевым, О.С. Ахмановой, А.М. Бабкиным, Ю.Н. Карауловым, Г.С. Бархударовым, А.П. Евгеньевой, А.А. Уфимцевой, Ю.Д. Апресяном, А.И. Кузнецовой, К.А. Левковской, Ю.С. Сорокиным, П.Н. Денисовым, Л.А. Новиковым, В.Г. Костомаровым, В.В. Морковкиным, Е.М. Верещагиным, Н.М. Шанским, С.Г. Бережаном, Э.В. Кузнецовой, В.Г. Гаком, О.Н. Трубачевым, В.П. Берковым, Н.З. Котеловой, Н.И. Фельдман, Н.Ю. Шведовой, В.И. Абаевым, Н.Ф. Яковлевым и мн. др.

В отличие от других систем языка, отмечает Л.А. Новиков, лексика тесно связана с внешними, экстралингвистическими факторами, что обуславливает отражение ею изменений, происходящих в окружающей действительности. Это выражается как в отмирании слов (или их значений), так и в появлении новых лексических единиц и лексико-семантических вариантов, а также в их изменении. Этим объясняется то обстоятельство, что словарный состав никогда не образует замкнутого класса. Кроме того, следует подчерк-

нуть, что сложность и труднообозримость лексической системы языка как характерная ее особенность и вместе с тем объективная трудность ее исследования как бы компенсируется другой особенностью: лексическая система никогда и никем не используется во всем ее объеме (Новиков 1982: 62). Ведь каждый носитель языка всегда имеет дело с ограниченным составом употребляемых единиц и определенным количеством терминов соответствующих специальностей, тогда как трудно себе представить нормального человека, который бы не пользовался всеми фонемами или всеми грамматическими категориями (род, число, лицо, падеж и т.п.) своего родного языка.

П.Н. Денисов, исследовавший социологические, социально-лингвистические, психолингвистические, ситуативно-коммуникативные и лингвистические факторы, убедительно показал важность изучения этих факторов для понимания внутренних, качественных, собственно лингвистических особенностей строения лексического (лексико-семантического) уровня языка, самого обширного по числу единиц в системе языка (Денисов 1980: 61).

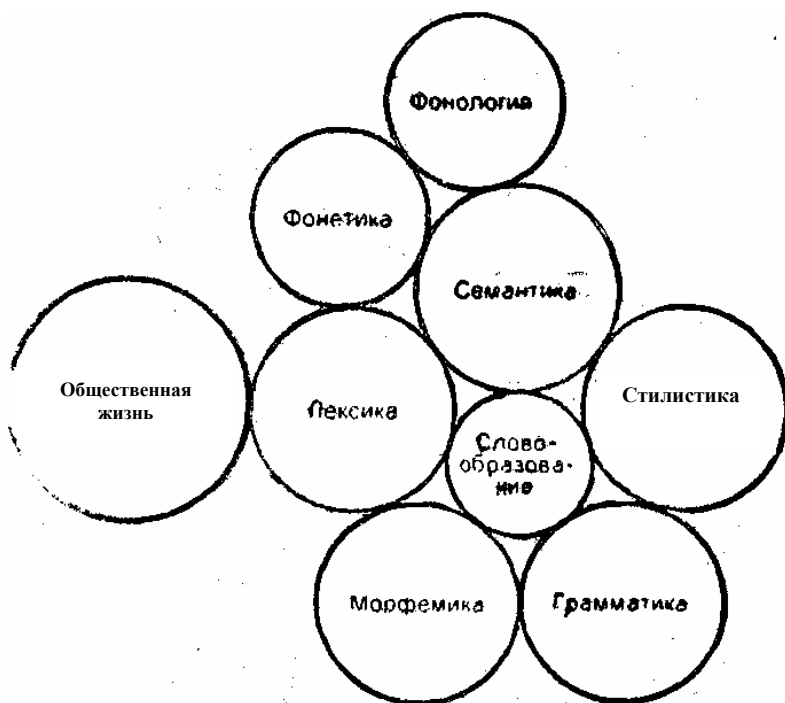
Итак, лексический уровень языка, как самый обширный, несопоставим ни по числу единиц, ни по сложности и многообразию ни с фонетическим, ни с морфологическим, ни с синтаксическим уровнями. Лексика не только самый многочисленный, но и самый динамичный и вместе с тем самый многомерный, многопараметровый компонент языка. Совокупность всех этих признаков и характеристик обуславливает то, что лексика не только находится в постоянном движении, но, по существу, и не очерчена в каждый данный момент существования языка с достаточной определенностью (Шмелев 1973: 20). Пытаясь определить границы словарного состава современного литературного языка, мы неожиданно оказываемся перед целым рядом трудностей, которые ярко обнаруживаются при составлении словарей, причем их нельзя всецело объяснить недостаточностью или несовершенством лексикографических приемов и критериев. В значительной степени они являются следствием указанных особенностей лексики, которые обуславливают и «размытость» ее границ, их принципиальную неопределенность. Существенно при этом, что границы остаются зыбкими и открытыми с разных сторон: нет четкой демаркационной линии ни между словами, которые можно считать архаизмами современного языка, и словами, которые должны рассматриваться как историзмы, ни между ассимилированными заимствованиями (вошедшими в систему языка-рецептора) и «чужими словами», экзотизмами и иноязычными вкраплениями, называемыми еще варваризмами; ни между признанными нормой, закрепившимися в литературном языке неологизмами и все еще остающимися за гранью кодифицированного языка новообразованиями; ни между примелькавшимися в литературных текстах «диалектизмами» и диалектными словами, лишь спорадически выходящими за пределы своих говоров.

«Очевидно также, что литературная лексика находится в непрерывном взаимодействии с просторечной и жаргонной лексикой, а также специальными терминологиями, состав которых исчисляется многими тысячами единиц и влияние которых на общелитературный словарь в наше время все возрастает. Нужно добавить, что лексика – это единственная сфера языка, которая открыта для всевозможных индивидуальных и окказиональных образований. Значение этого обстоятельства нельзя недооценивать, так как, хотя подобные образования, как правило, остаются на периферии речевой деятельности, самая возможность их появления в речи ярко отражает особый характер лексической системы языка» (Шмелев 1973: 20-21). Важно при этом иметь в виду также, что лексика оказывается и той единственной сферой языка, только через которую общественная жизнь получает доступ к языку и оказывает медленно, но неуклонно свое влияние и на другие его уровни – на семантику, словообразование, стилистику, фонетику, синтаксис и, наконец, даже на морфологию. Маховик общественной жизни постоянно вращается, сообщая свое действие сначала лексике, а через нее и другим сферам языка.

Картина влияния общественной жизни на язык и языка на общество может быть изображена приблизительно следующей схемой [см. *след.* стр.]

При изучении явления системности в лексике исследователи, естественно, обращаются к различным типам объединения слов, являющимся в той или иной степени объектами лексикологии, однако центральным, узловым вопросом собственно семасиологии и лексикологии в широком смысле все же, по-видимому, следует признать вопрос о лексико-семантической системе языка. Правда, нет единства в понимании самой этой системы, которая иногда называется «лексико-семантическими группами» или даже «лексической системой» (Новиков 1982: 60). Это говорит не столько о терминологических затруднениях (хотя и этого нельзя не учитывать), сколько о сложности рассматриваемого явления и недостаточной изученности его, тем более в младописьменных языках, к числу которых принадлежит кабардино-черкесский язык. Как показывают факты, в современной лексикологии в той или иной степени разрабатываются, с одной стороны, различные лексические объединения, которые получают одинаковые или близкие терминологические обозначения, а с другой стороны, одинаковые, аналогичные лексические объединения получают различные терминологические обозначения, и в результате, как это нередко бывает, вместо углубления темы, познания ранее неизвестных фактов и объективной их интерпретации, происходит, согласно Е.А. Земской, «только «переназывание» уже известного» (Земская 1985: 7). Это обусловлено, главным образом, отсутствием четких границ между рассмат-

риваемыми лексическими объединениями, что, в свою очередь, препятствует успешной их разработке, особенно в младописьменных языках.

Таким образом, напрашивается вывод о необходимости построения типологии лексических микросистем, групп, объединений, реально существующих в каждом языке структурированных областей, зон, сфер лексики. Не претендуя на окончательное решение поставленной задачи, осмеливаемся предложить хотя бы в качестве рабочего варианта наш опыт классификации типов систем и микросистем, выявляемых в словарном составе языка.

По сравнению с грудой вещей и предметов, какой иногда кажется неопытному глазу словарный состав, всякая группировка его представляет шаг вперед в исследовании необозримого океана слов и, несомненно, практически полезна, однако эти группировки не в равной степени помогают выяснению специфики языка. Одни из них действительно эффективно помогают выявлению определенных закономерностей в языке, другие способствуют обнаружению новых, ранее не замеченных граней лексики и семантики, третьи оказываются малоэффективными собственно для лексикологии и сема-сиологии.

Так, во-первых, изучение лексико-грамматической организации слов по частям речи – занятие, безусловно, полезное для ряда областей языкознания, но не столь продуктивное для лексикологии, хотя весьма важное для лексикографии. Поэтому лексико-грамматический аспект должен быть в известной мере объектом лексикологии, и мы уделяем ему должное внимание, посвятив специальный раздел в работе.

Во-вторых, тщательное исследование лексико-тематических групп необходимо не только для составления специальных и универсальных энциклопедий, но и для полной репрезентации лексического материала в толковых, двуязычных и многих других общелингвистических словарях.

В-третьих, осведомленность в области лексико-стилистической системы – важное условие глубокого познания специфики функционирования лексических единиц и языка в целом, что, в свою очередь, дает возможность наметить более эффективные методы повышения культуры устной и письменной речи.

В-четвертых, лексико-семантическая организация, как наиболее специфичная группировка слов, позволяет правильно понять такие кардинальные явления языка, как ассоциативные, парадигматические отношения в лексике, которые в известной степени определяют дух языка, помогают постижению его национального своеобразия.

Л.В. Щерба видел ценность работ по лексико-семантической, лексико-тематической классификации... в том, что они открывают доступ к системе, которая «в конечном счете является функцией производственных отношений (в самом широком смысле) данного коллектива и условий его жизни». Поскольку производственные отношения и условия жизни не совпадают в разных странах, хотя и обнаруживают сходные моменты и являются, «величиной переменной», то система слов и обозначаемых ими понятий должна вскрываться отдельно «для каждого языка в каждый определенный момент времени». Л.В. Щерба считал неудачной классификацию лексики в трудах таких западноевропейских ученых, как П. Роже, Ш. Балли и другие, именно потому, что в этих трудах не учитывается время функционирования языка, а также его национальная специфика, и классификация лексики целиком строится на логических основаниях (Щерба 1974: 298; Скорупка 1958: 154).

Итак, исходя из всего вышеизложенного, можно утверждать, что узловой проблемой лексикологии и семасиологии является анализ четырех крупных группировок, или макросистем, словарного состава языка: лексико-грамматической, лексико-стилистической, лексико-тематической и лексико-семантической. Однако назвать эти типы объединения слов – значит тем самым указать лишь на верхушку айсберга. Каждый из них таит в себе немало неразгаданного и неизведанного и включает в себя разнообразные компоненты, дробящиеся, в свою очередь, на отдельные группы или пучки слов и значений.

Далее, в специальных разделах, рассматриваются с учетом как традиционных взглядов, так и некоторых новых точек зрения лексико-грамматическая и лексико-стилистическая системы кабардино-черкесского языка.

Что же касается лексико-тематической системы, то в ней впервые нами выделяются свыше 50 группировок слов, описанных в данной работе более исчерпывающе, чем это было сделано в предыдущих лексикологических исследованиях и лексикографических трудах по кабардино-черкесскому языку. Ниже даны без анализа 115 тематических групп

Наконец, специальному и более тщательному анализу подвергаются лексико-семантические группы, являющиеся, по общепринятому мнению, самыми специфичными для лексикологии и семасиологии. В отличие от известных в литературе группировок словарного состава автор считает правомерным выделить внутри лексико-семантической системы языка следующие группы, которые можно назвать микросистемами или лексико-семантическими категориями:

1. Лексическая группа, объединенная близостью значений (синонимы).
2. Лексическая группа, объединенная противоположностью значений (антонимы).
3. Лексическая группа, объединенная гипонимией – подчиненностью слова меньшего объема семантики слову большего объема семантики.
4. Лексическая группа, объединенная единством семантики, общностью основного, исходного смысла (полисемия и лексико-семантические варианты слова).
5. Лексическая группа, объединенная единством и общностью принадлежности к одному семантическому полю.
6. Лексическая группа, связанная ассоциативными отношениями.
7. Лексическая группа с тождественным звучанием (омонимы).
8. Лексическая группа, связанная близостью или сходством, но не тождественностью звукового оформления (паронимы).
9. Лексическая группа, объединенная деривационными отношениями.
10. Лексическая группа, объединенная конверсией.
11. Лексическая группа, объединенная сходством, близостью валентностных способностей (многовалентные и одновалентные слова).
12. Фразеологическая группа, объединенная общим, стержневым словом.

Рассмотренная проблема системности лексики для большей наглядности представлена в виде схемы (*см. схему* Лексика как система)

Таким образом, несмотря на всю свою необычайную сложность, многообразие и необозримость, словарный состав любого языка явно организуется в определенные группы, каждая из которых, в соответствии со спецификой своей структуры, подразделяется на множество более мелких группировок, образующих в совокупности типологию лексических микросистем всякого национального языка (Апажев 1987).

Каждая из четырех бегло очерченных выше макросистем (лексико-грамматическая, лексико-стилистическая, лексико-тематическая и лексико-семантическая) специально рассматривается в соответствующих местах данной работы.

ГЛАВА II. ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

В отличие от типа объединения слов, в основе которого лежат общность тематики и сходство понятий, т. е. явления экстралингвистического характера, основанием для объединения слов могут служить собственно их лингвистические свойства. Именно на этом построено традиционное распределение лексем по частям речи, исходящее из общности, во-первых, семантических признаков, во-вторых, морфологических показателей, в-третьих, синтаксических функций. Учение о частях речи академик А.А. Шахматов называл «грамматической лексикологией», объектом которой и является то, что мы обозначаем термином «лексико-грамматическая система».

Читатель вполне резонно может спросить: почему, говоря о словарном составе языка, необходимо затрагивать такой сугубо грамматический вопрос, каким является проблема частей речи? Пожалуй, наилучший ответ на этот вопрос мы находим у Б.Н. Головина. «Допустимо думать, – писал он, – что и лексическая, и словообразовательная, и морфологическая, и даже синтаксическая структура языка (и ее соответствующие уровни, или механизмы) – это разные виды, разные аспекты того словарного состава, которым располагает язык. И вполне закономерно распространенное убеждение в том, что основной единицей языка является слово (хотя в каких-то отношениях рядом со словом приходится ставить и фонему, и морфему, и предложение). Если вдуматься в то, что принято называть лексикой, словообразованием и морфологией, то поражает одно обстоятельство: говоря о лексике, словообразовании и морфологии, мы имеем перед собой слова, думаем о словах. Три структурные области языка, три его уровни оказываются разными аспектами словарного материала языка» (Головин 1979: 161-162; см. также: Бондарко 1984: 23-38; Бережан 1984: 51-60).

В современном языкознании части речи выделяются либо по нескольким, либо по одной группе признаков. Эти два типа методических подходов к теории частей речи называют соответственно полидифференциальным и монодифференциальным. Полидифференциальный принцип, развивающий на новом этапе познания старую филологическую традицию, разработан в трудах Л.В. Щербы, В.В. Виноградова, представлен также работами Л.А. Булаховского, В.М. Жирмунского, А.И. Смирницкого, Р.А. Будагова, А.В. Исаченко, А.Н. Тихонова и др., принят большинством авторов учебников и учебных пособий по современному русскому языку (и некоторым другим языкам, напр., по английскому языку) для высшей школы и является наиболее убедительной теорией о частях, речи. В интерпретации традиционных частей речи как лексико-грамматических групп, или классов, с точки зрения континентальной типологии большая заслуга принадлежит С.Д. Кацнельсону, по мнению которого «традиционная грамматика всегда считалась с тем обстоятельством, что противоположность грамматического строя и лексики не является абсолютной и что грамматические различия пронизывают всю лексику, организуя ее изнутри». Тем не менее, «пытаясь совместить несовместимое, традицион-

ная грамматика в своих определениях частей речи делает крен то в сторону морфологии, то в сторону синтаксиса, то в сторону категориального содержания. В итоге ни один из этих принципов последовательно не выдерживается» (С.Д. Кацнельсон).

Значительная (если не подавляющая) часть недостатков традиционной классификации частей речи объясняется тем, что она построена на материале флективных языков при явной переоценке морфологических явлений. Надо ли доказывать, что такая постановка вопроса не в состоянии до конца решить проблему частей речи в несинтетических языках, в которых, напр., глагол не только спрягается но и склоняется, а имя не только склоняется, но и спрягается? В связи с этим, естественно, встает вопрос, в какой степени традиционная классификационная схема, выработанная на основе европейских языков, может быть успешно применена к неевропейским. Одни исследователи признают, традиционную классификацию универсальной (В.М. Жирмунский), по мнению других, универсальными являются лишь имя и глагол (Э.Сепир). Рассматривая эти точки зрения, С.Д. Кацнельсон отдает предпочтение первой, как более вероятной, однако признает, что «универсальные и идиоэтнические признаки настолько перемешались в традиционном учении о частях речи, лексико-семантическая характеристика частей речи в нем так смутно намечена, что прямо переносить ее в типологию было бы неосторожно». В связи с тем, что вычленение универсальных речемыслительных категорий нередко осложняется из-за отсутствия у многих из них прямого выражения в грамматических формах, значительный интерес представляют не только для грамматиста, но и для лексиколога развиваемые и синтезируемые С.Д. Кацнельсоном идеи о скрытой грамматике, как и учение о базисных и небазисных значениях. Такое повышенное внимание к грамматическим проблемам со стороны автора данной работы объясняется тем, что для более или менее полного охвата всех типов объединения лексических единиц и объективной их характеристики необходимо выйти за пределы собственно лексикологических и семасиологических проблем. Во всех академических грамматиках русского языка (1952, 1970, 1980) подчеркивается важнейшая роль слова в сложной системе языка и его неразрывная связь с грамматическим строем.

Как свидетельствует история языкознания, лексико-грамматическая система является одной из первых и наиболее ранних традиционных тем исследователей старописьменных, новописьменных и даже бесписьменных языков. В кабардино-черкесском языкознании словарный состав в этом плане изучается во многих грамматических штудиях еще со времен Ш.Б. Ногмова и до наших дней. Исходя из грамматических теорий отечественной и зарубежной лингвистики о частях речи, а также из специфики кабардино-черкесского языка, ученые выделяют в последнем 11 лексико-грамматических классов: существительное, прилагательное, числительное, местоимение, наречие, глагол, послелог, союзы, частицы, междометия и мимео – изобразительные слова. В этой системе наибольшей сложностью и богатством форм отличается глагол, в котором, как отмечает М.А. Кумахов, ярче всего проявляются

типологические особенности кабардинского языка. Это подтверждается необычайным многообразием лексико-грамматических разрядов и морфологических категорий, выделяемых в этой части речи. К числу первых можно отнести переходные и непереходные, статичные и динамичные, финитные и инфинитные, факитивные, а в роли вторых – категории лица, числа, времени, наклонения, побудительности, возвратности, версии, союзности, совместности, возможности (потенциалиса), произвольности, взаимности. Особыми лексико-грамматическими разрядами внутри глагола, имеющими свои специфические морфологические категории, являются инфинитив, причастие и деепричастие. Среди имен особое место, как и во всех языках, занимает существительное, в котором выделяются такие разряды, как собственные и нарицательные, конкретные и абстрактные, собирательные, вещественные; определенности и неопределенности. К морфологическим категориям относятся падеж, число, посессивность, союзность (П.М.Багов). Имена существительные в кабардинском языке, в отличие от русского и других индоевропейских языков, семасиологически характеризуются наличием двух классов – класса лиц (человека) и класса вещей (не человека). Только к классу лиц возможна постановка вопроса *хэт? кто?* Остальные имена существительные (одушевленные и неодушевленные, живые и неживые) составляют самостоятельный класс слов, отвечающих на вопрос *сыт? что?* Данная семасиологическая особенность, как отмечал А.С. Чикобава, оказалась присущей всем кавказским языкам, в которых «вопрос *кто?* может относиться только к человеку. Все остальное, в частности мир животных включается в категорию *что?* Что пасется? – Лошадь. Что дает молоко? – Корова. Немыслимо в подобных случаях употреблять вопрос *кто?* Животные относятся к грамматическому классу вещей». Имея в виду кабардино-черкесский материал, хотелось бы сделать к этому положению небольшое примечание следующего содержания. Вопрос *сыт? что?* действительно, ставится, когда речь идет о животных вообще и спрашивающий не знает, кто (из животных – лошадей, коров, собак и т.п.) это мог быть или мог это сделать, натворить... *Сыт мы нарыхур зышхар?* – Что съело эту кукурузу? *Сыт мы хадэр зыутар?* Что вытоптало этот огород? *Мо къакъуэр сыт-дыгъужь е мэлъхъухъ?* – Что это идет навстречу нам – волк или овчарка? Более того, вопрос *сыт? что?* задается и в случае, когда спрашивают о новорожденных, еще не названных, не нареченных детях. *Сыт Ланэ къылъхуар – шалэ хъэмэ хъыджэбз?* – Что Ляна родила – мальчика или девочку? Однако, когда говорят об известных, знакомых детях или животных, то некорректно спрашивать *сыт? что?* а непременно требуется *Дэтхэнэр?* который? Напр.: *Дэтхэнэр уи уанэишхэм къатежар?* – Который из твоих скакунов пришел первым? *Дэтхэнэр уи жэмхэм шэ нэхъыбэ къозытыр?* – Которая из твоих коров дает больше молока? *Хэт абы цыгъуэ Ланэ къылъхуар – Мадинэ хъэмэ Маринэ?* – Кого тогда Ляна родила – Мадину или Марину? Для каждого кабардинца или черкеса очевидно, что в подобных случаях постановка вопроса *сыт? что?* невозможна. Тем не менее надо подчеркнуть, что положение А.С. Чикобава о разграничении существительных

на класс вещей и класс лиц говорит о важной семасиологической особенности кавказских языков, что, на наш взгляд, требует к себе повышенного внимания исследователей еще и потому, что она играет заметную интерферирующую роль в неродной (русской и иностранной) речи адыгов и других кавказцев.

В области имен обращает на себя внимание еще то обстоятельство, что нередко одно и то же слово нерасчлененно выражает значения нескольких частей речи, напр., существительного и прилагательного. Ср.: *нэху* – свет и светлый, *пиэр* – жир и жирный, *хуабэ* – тепло и теплый и т.п. Не до конца выяснено, в каких отношениях находятся явления синкретизма (как их рассценивает А.К. Шагиров) с такими фактами, как гъущI – железо и железный; *жъы* -ветер, *жъы* – старый и т.п., традиционно квалифицируемые в адыгской лексикографии как полисемия или омонимия, а также с конверсией (*гъукIэ* – кузнец и кузница, *пхъауцIэ* – плотник и плотницкая) или конверсией с полисемией (*мэкъуауэ* I. а) косарь; б) косарский; 2. а) сенокос; б) сенокосный). По всей видимости, рассматриваемые синкретические явления допустимо интерпретировать как следствие процесса субстантивации прилагательных (*уцIалэ* – молодой и юноша) или адъективации существительных (*къару* – сила и сильный). Что же касается установления первичности значений одних и вторичности других в анализируемых единицах, то это достижимо лишь при специальном этимологическом исследовании (Апажев 1999:16-17).

Рассмотрев словарный состав кабардино-черкесского языка с точки зрения семантико-грамматической, мы приходим к важному выводу: лексика может быть расчленена на четыре неравные группировки. Первую, наиболее многочисленную группу образуют такие знаменательные части речи, как существительные, глаголы, прилагательные и наречия. Они составляют открытую, непрерывно пополняющуюся лексико-грамматическую систему современного кабардинского языка. Вторая, закрытая, уже не пополняющаяся группа объединяет местоимения и числительные. Третья группировка слов, в основном тоже закрытая, складывается из служебных частей речи – союзов, послелогов, частиц. Наконец, четвертая группа, в основном тоже закрытая, включает в себя междометия и мимео-изобразительные слова. Важно здесь отметить, что общее количество слов всех трех последних группировок насчитывает, по нашим наблюдениям и неполным подсчетам, всего лишь несколько сот единиц.

Исходя из изложенного, можно утверждать, что в лексико-грамматической системе кабардинского языка мы имеем по существу две группировки слов, не сопоставимые ни по количеству, ни по качеству: открытую, куда относим существительные, глаголы, прилагательные и наречия; и закрытую, куда включаются числительные, местоимения; союзы, частицы, послелоги; междометия и звукоподражательные слова. Стало быть, процесс обогащения кабардино-черкесской лексики, дальнейшего ее развития происходит главным образом за счет имен существительных, затем глаголов, прилагательных

и наречий при незначительном участии или почти полном неучастии остальных семи частей речи.

Однако по своей роли в языке, по своим функциям данные две группировки также далеко не равнозначны, и здесь они как бы меняются местами: закрытые, малочисленные разряды значительно превосходят по частоте употребления, по роли, грамматическим функциям открытые, многочисленные классы слов. Особо следует отметить роль служебных слов, этих, по выражению Д.В. Щербы, «строевых элементов лексики», где каждая единица, в отличие от знаменательной, важна сама по себе и находится как бы на строгом учете именно как элемент строя языка в целом». «Выражаясь фигурально, – замечает М.Я. Блох, – знаменательные слова, хоть и являются самостоятельными – назывными, выполняют роль солдат строя, в то время как служебные слова – это офицеры, организующие солдатский строй». О неразрывной связи лексики и грамматики не раз говорили ученые прошлого и настоящего. Идея этой связи вновь убедительно продемонстрирована Н.Ю. Шведовой, по мнению которой и лексические, и грамматические «свойства слова слиты в значении слова и в нем нерасторжимы: грамматическое значение слова входит в его лексическое значение, а лексического значения нет без значения грамматического. Следовательно, изучать слово как лексическую единицу в отрыве от его грамматических характеристик невозможно».

В заключение отметим, что одним из главных результатов исследования лексико-грамматической системы может быть создание как общих грамматических словарей, аналогичных известному фундаментальному труду А.А. Зализняка «Грамматический словарь русского языка» (1977), так и отдельных лексикографических произведений по каждой масти речи, подобных образцово выполненному исследованию И.К. Сазоновой «Глагол и его причастные формы» (1989) и др.

ГЛАВА III. ЛЕКСИКО-ТЕМАТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

Данная система или группа представляет собой одно из древнейших объединений, выявленных человеком и наиболее изученных в словарном составе, пожалуй, всех развитых литературных языков. Она основана на системности окружающей действительности, на разнообразных отношениях между элементами материи, между самими предметами, явлениями, признаками внешнего мира. Будучи нелингвистической в строгом смысле слова, эта системность исследуется представителями разных наук. Например, открытая Д.И. Менделеевым периодическая система химических элементов, как известно, основана на отношениях атомного веса элементов и их порядкового номера в таблице, а системность планет – на закономерностях их движений под действием гравитационного влияния Солнца. Выявляя основные, конститутивные признаки, ученые издавна группируют, классифицируют, систематизируют флору (К. Линней), фауну (Ч. Дарвин), окружающий нас мир вещей (Я. Коменский). Это дало возможность Энгельсу утверждать, что «вся доступная нам природа образует некую систему, некую совокупность тел» (Маркс, Энгельс. Соч. Т.20. С.392}.

Одной из общетеоретических задач науки является открытие системности, упорядоченности объектов и действующих среди них закономерностей. Несомненно, большой интерес вызывает специфика отражения языком этой системности. В словарном составе каждого национального языка данная системность проявляется в различных группировках слов, объединяемых в лексико-тематические группы на основании общности обозначаемых ими реалий по сходству, смежности, назначению, устройству, функции и т.д. Если справедливо утверждение, что «слова светятся отраженным светом вещей» (Дорошевский 1973: 109), то изучение в рамках лексикологии и семантики способов расчленения окружающей действительности и своеобразия ее отражения в языке не может не привлекать внимания ученых. Следует иметь в виду, что при тематической группировке лексических единиц исследователю не всегда удается придерживаться единообразного основания, на котором зиждется всякая последовательная, непротиворечивая классификация. Это объясняется тем, что гипероним (родовое слово-понятие, возглавляющее тематическую группу) может быть более близким и более далеким к тем или иным словам, и в зависимости от степени обобщенности значения гиперонима могут объединяться самые различные и далекие по смыслу слова. В результате в одной тематической группе могут оказаться даже такие слова, как *стол, книга, молоко, шляпа, деньги, спички* и т. п., на том основании, что все они являются «конкретными предметами». Однако возникает вопрос, являются ли подобные группировки лексико-тематическими. И вообще, что считать темой, вокруг которой группируются слова, какова должна быть степень обобщенности, сила притяжения гиперонимов, на основании которых можно построить такую тематическую классификацию, которая охватила бы всю

лексику без остатка? И вот здесь, как показывает опыт сопоставительного изучения лексики русского и кабардино-черкесского языков, обнаруживается, что, несмотря на объективность внешнего мира и единство действующих в нем закономерностей, в зависимости от традиций, условий жизни и т.д. в семантике языка каждого народа отражаются неидентичные стороны реалий и выделяются далеко не одни и те же отношения между этими реалиями. Естественно, это приводит к разной тематической группировке лексики не только в типологически далеких языках, но и родственных и даже в одном и том же языке у разных лингвистов или обычных носителей этого языка. «Легко понять, что слово «веревка» для человека, который хочет упаковать покупку, имеет один смысл, а для человека, который попал в яму и хочет выбраться из нее, это средство к спасению» (Лурия 1979: 54). Разумеется, мы имеем в виду не такие крайние случаи. Приведем несколько типичных примеров. Человека со слишком прямым и не очень гибким мышлением русские могут назвать *бараном*, *дубом* и целым рядом других лексических единиц, возглавляемых словом *глупый*. В аналогичном случае кабардинец и черкес не станут употреблять слов «баран» и «дуб», а воспользуются словами: *былым* – скотина, *1эщ*. – животное, *ахмакъ* – дурак, *шыд* – осел, *делэ* – ненормальный и др. В русском языке такие слова, как *знакомство*, *связи*, *влияние*, *власть*, *поддержка*, *покровительство*, *блат*, *рука*, могут образовать определенную лексическую микросистему (возможно, и синонимический блок), тогда как в кабардино-черкесском языке слово *1э* – рука, не имеющее этой семантики (ЛСВ), в данную группу не входит. В русском языке в круг понятия «много» включаются такие слова, как *лес*, *море*, *воз*, *туча*, *вагон*, *песка морского*, *собак нерезаных* и т.д., в кабардино-черкесском же языке *мэз* – лес, *пшэ* – туча, *тенджыз* – море, собак нерезаных в этих функциях не выступают, но зато в данную группу войдут слова: *пшахъуэ* – песок, *мац1э* – саранча, *хъэн1ац1э* – черви, *мывэкъурш* – множество камней, булыжник (в долине реки), *хъушэ* – стадо, отара, табун и т.д.

Едва ли нужно доказывать теоретическую и практическую значимость более или менее полного выявления и корректного описания подобного рода явлений в таких языках, как русский и кабардинский, носители которых тесно контактируют более пяти столетий.

Из большого числа лексико-тематических группировок словарного состава современного кабардино-черкесского языка наиболее полно описываются впервые в сопоставлении с русским языком следующие группы: соматическая лексика, терминология родства, цветообозначающая лексика, названия пищи и напитков, лексика флоры, лексика фауны, названия бытовых предметов, лексика одежды, обуви, головных уборов, украшений, лексика природы и природных явлений, слова, обозначающие время, число и неопределенное количество (типа много-мало), названия важнейших орудий труда и инструментов, названия жилищ, хозяйственных построек и их частей, лексика строительного дела, названия сооружений и учреждений, названия транс-

портных средств, путей сообщения, названия из области торговли и денежных систем, названия системы мер длины, веса, объема, площади, названия традиционных профессий адыгов, названия болезней, средств их лечения, названия предметов топлива, веществ, материалов, названия металлов, терминология современного сельскохозяйственного производства, названия сельскохозяйственной техники, названия механизмов, их частей и связанные с ними слова, терминология связи (почта, телеграф, телефон), лексика документов и делопроизводства, лексика дошкольного воспитания и школьного дела, лексика профтехобразования, лексика высшего образования, названия письменных, канцелярских, чертежных принадлежностей, научная терминология важнейших дисциплин, общественно-политическая лексика, военная лексика, лексика физкультуры и спорта, терминология искусства (кино, театр, живопись, музыка), лексика национальной культуры и названия учреждений культуры, современная кабардино-черкесская ономастика.

Таким образом, исследованием охвачено в общей сложности более 35 тысяч единиц, исконный материал в них составляет свыше 20 тысяч, а заимствования только из русского языка и через его посредство – более 15 тысяч лексем без случаев семантического калькирования, количество которых трудно определить в точных цифрах, но оно очень велико и, несомненно, заслуживает специального исследования.

Мы далеки от мысли рассматривать представленную картину лишенной упущений и даже изъянов. Можно, конечно, спорить, насколько правомерны и обоснованы предлагаемые лексико-тематические группировки: Одни из них охватывают значительное число единиц, другие – сравнительно малочисленны, а в некоторых случаях они перекрещиваются.

Изучение лексико-тематических групп является важным звеном в исчерпывающем описании словарного состава языка, в особенности при составлении полных толковых, идеографических и других видов филологических словарей национального языка.

Выделим основные составные части лексико-тематической системы кабардино-черкесского языка, которые условно распределяются нами на 10 крупных тематических объединений, куда включаются менее крупные тематические группы или подгруппы:

1. Части тела, родство, одежда. Сюда включаются: соматические слова, термины родства, одежда, обувь, головные уборы, части одежды, украшения, косметика, ткани, оптика.

2. Пища, предметы быта. Эта группа охватывает названия блюд, хлебных и других мучных и кондитерских изделий, приправ, овощей, ягод, плодов, табачных изделий, курение, приспособление к ним.

3. Промыслы, ремесла, торговля, профессии. Сюда условно включаются: коммерция, рынок, магазин, деньги: плотническое дело, слесарное дело, кузнечное дело, колесное дело, швейное дело, ткацкое дело, шорное дело,

ювелирное дело, войлочно-шерстяное дело, вязание, плетение, вышивание, названия профессий, связанные с традиционными промыслами, ремеслами.

4. Флора, фауна, география, ономастика: растения, травы, цветы; деревья, кустарники; грибы; животные, птицы, рыбы; домашние, дикие животные; пресмыкающиеся, насекомые; страны света; собственные имена людей, клички, прозвища, названия рек, озер, морей, населенных пунктов и их частей; названия и самоназвания народов; названия стран, исторических областей, названия жителей городов, районов, поселков, сел...; фамилии, отчества.

5. Сельское хозяйство, орудия труда, инструменты: животноводство, скотоводство, коневодство, овцеводство, птицеводство, звероводство, кролиководство, пчеловодство, растениеводство, огородничество, бахчеводство, садоводство, плодоводство, луговодство, цветоводство, оранжерейное хозяйство.

6. Число, мера, вещество, цвет, металлы, минералы, материалы: числа, дни недели, месяцы; вещества, металлы цветные, черные, драгоценные, горючесмазочные материалы, минералы, драгоценные камни, стройматериалы, цвет, оттенки цвета, меры длины, объема, емкости, площади, силы, давления...

7. Транспорт, техника, связь, коммуникация: верховая езда, сбруя, воловь арба, приспособления, гужевой, железнодорожный, авиационный, морской, речной транспорт, вокзалы, станции, почта, телеграф, телефон, дороги, тротуары, аллеи, трассы, перевалы, машины, детали машин, техника, электротехника, приборы, инструменты, приспособления; сооружения, плотины, мосты, каналы...

8. Образование, воспитание, здравоохранения, наука: просвещение, школы, институты, университеты, технические средства обучения, письмо, интернет, канцелярское дело, канцтовары; медицина, лечебные учреждения, наука, отрасли науки, термины лингвистики, литературоведения, математики, физики, химии, биологии, экологии, экономики, истории, этнологии, филологии, педагогики, психологии, логики, астрономии, названия созвездий, планет, космос, космонавтика...

9. Культура, традиции, религия, этика: музыка, музыкальные инструменты, специальности, голоса, традиции, обряды, свадьба, похороны; Адыгэ хабзэ, религии, язычества, христианство, ислам, этика, культура, библиотеки, клубы, кино, театр, цирк, музеи, архитектура, живопись, графика, скульптура; мифология, фольклор, СМИ, пресса, газета, журнал, книга, типографское дело, парки, места отдыха, аттракционы, памятники, монументы, мемориалы, надгробия...

10. Служба быта, государственные учреждения, политическое устройство, управление, военное дело, спорт: государственные учреждения, политические общественные организации, их структура, министерства, управления, объединения, конторы, офисы, военное дело, чины, звания, военные специальности, оружия, их виды, военная техника, спорт, его виды,

спортивные сооружения, инвентарь, соревнования; рестораны, кафе, бар, столовые...

Ввиду того, что словарный состав кабардино-черкесского языка в более полном объеме подвергается лексико-тематической классификации впервые, предлагаемый здесь опыт следует рассматривать в качестве рабочего варианта, который на практике не только может, но и должен подвергаться изменениям по мере углубления исследования проблемы и в зависимости от цели и задач, которые преследуются авторами.

Из перечисленных 115 групп лексико-тематической системы современного кабардино-черкесского языка впервые наиболее подробно описаны нами 52 группы: соматическая лексика, терминология родства, цветообозначающая лексика, названия блюд, напитков, одежды, обуви, головных уборов, украшений, предметов домашнего обихода, лексика флоры и фауны, природы и природных явлений, слова, обозначающие время, число и неопределенное количество (много, мало), названия орудий труда и инструментов, жилищ, хозяйственных построек и их частей, лексика строительного дела, названия сооружений и учреждений, транспортных средств, предметов топлива, веществ, материалов, металлов, торговых операций, денежных систем, системы мер длины, веса, объема, площади, названия традиционных профессий адыгов, наименования болезней, средств их лечения, терминология сельскохозяйственного производства, названия сельскохозяйственной техники, механизмов и их частей, терминология связей (почта, телеграф, телефон и др.) и путей сообщения, лексика и терминология школы и дошкольного воспитания, высшего и среднего специального образования, современной системы наук, делопроизводства и документов, названия письменных, канцелярских, чертежных принадлежностей, терминология искусства (кино, театр, музыка, живопись, графика, архитектура, скульптура), национальной культуры, названия учреждений, культуры, общественно-политическая, военная, физкультурно-спортивная, религиозная терминология и современная ономастика.

Автор далек от мысли рассматривать представленную картину лишенной каких-либо упущений. Можно, безусловно, спорить о том, насколько правомерны и обоснованы предлагаемые тематические группировки. Опыт показывает, что классификация лексики по тематическим рубрикам сопряжена с известными трудностями, и ожидать здесь безупречного распределения столь обширного и разнообразного материала на данном этапе развития лексикологии, семантики и лексикографии адыгских языков не приходится. Достаточно сказать, что число лексем, рассматриваемых при выявлении и формировании тематических групп, составляет более 30 000 единиц, не считая порождаемых последними нескольких десятков тысяч лексико-семантических вариантов (ЛСВ). Из-за ограниченности места автор здесь вынужден пойти на значительное сокращение фактического материала с описательной частью, стремясь, однако, компенсировать это выявлением основных *статистических* данных по каждой из анализируемых группировок и

большим вниманием к рассмотрению специфики формирования и функционирования исследуемых объектов. При этом мы отсылаем читателя к работам автора, где достаточно полно представлены основные лексико-тематические группы (Апажев 1992: 120-184; 2000: 65-115). По той же причине - ограниченности места – мы из 115 лексико-тематических групп вкратце рассмотрим лишь одну – соматическую лексику и на этом примере проиллюстрируем методику анализа лексики по семи известным параметрам.

1. Количественный параметр в этой группе характеризуется следующими данными: число активно функционирующих соматизмов в кабардино-черкесском языке составляет 303, а в русском – 155 единиц. Далее, обнаруживается, что многие русские соматизмы вообще не находят точных соответствий в кабардино-черкесском (аорта, бицепс, желудочек, надкостница, предплечье и некоторые др.), однако обнаружено еще больше кабардино-черкесских соматизмов, не имеющих соответствий в русском (*джажэпкъ*, *джажэцI*, *жъафэ*, *лъэгудыгъуэ*, *лъэнкIапIацхъэ*, *лъэпэмцIий*, *накIэ*, *напIацхъэ*, *натIэгу*, *пэнцIыг*, *пэцхъын*, *IэпэмцIий* и др.). Довольно часты случаи, когда одному русскому соматизму соответствует несколько кабардино-черкесских (грудь – *бгъэ*, *бгъэгу*, *бгъафэ*, *быдз*; бок – *бгъуэ*, *джабэ*, волос – *цхъэц*, *цы*; горло – *тэмакъ*, *къурмакъей*; желудок – *ихалъэ*, *лъатэ*, *кIапцIэ* и др.) и наоборот (*бгы* – пояс, поясница; *тэмакъ* – горло, гортань, глотка, зев; *тхыцIэ* – спина, позвоночник и др.).

2. Морфемный состав кабардино-черкесских соматизмов в синхронном плане характеризуется следующими данными: из 303 соматизмов одну корневую морфему содержат 102 единицы, две корневые морфемы – 139 единиц, три корневые морфемы – 44, четыре морфемы – 18 соматизмов. В русском языке, где всего 155 соматизмов, 148 единиц состоит из одной корневой морфемы, лишь 7 соматизмов оказались сложными (носоглотка, сухожилие и некоторые др.). Можно предположить, что в этой способности к сложению основ – одна из главных особенностей адыгских языков, позволяющих им с помощью столь ограниченного числа исконных корневых морфем (по данным Х.Ш. Урусова, около 1300) успешно функционировать в современном сложном мире, сосуществовать и сотрудничать со многими языками, в том числе одним из международных – русским, обеспечивая вполне корректную передачу – перевод любых текстов, созданных на русском языке, лексические и фразеологические богатства которого исчисляются сотнями тысяч единиц. С другой стороны, приведенные факты свидетельствуют о наличии в адыгских языках в исторически более отдаленный период словарных единиц с несколькими корневыми морфемами.

3. По своему историческому происхождению соматизмы, как один из древнейших компонентов лексики, в обоих языках сформировались на исконном материале. Исключения составляют единицы (каб. -черк. *аортэ*, *бакенбард*, *куэтэн*, *тэмэкъ*, *къурмакъей*; рус. артерия, корпус, бюст, вена, мускул, нерв, скелет, фаланга и некоторые др.).

4. **Семантическая структура** адыгских соматизмов, по данным словарей(1957,1999), выглядит следующим образом: из 303 слов однозначных – 270, двузначных – 18, трехзначных -8, четырехзначных -6, с 23 значениями, по нашим данным, – 1 (*цхьэ* «голова»). В русском языке, по данным БАС, однозначных слов – 59, двузначных – 45, трехзначных – 15, четырехзначных – 11, пятизначных – 12, шестизначных – 2, семизначных – 5, восьмизначных – 3, десятизначных – 2. Таким образом, от 303 кабардино-черкесских соматизмов образовано 372 лексико-семантических вариантов (ЛСВ), а в русском языке от 155 соматизмов – 389 ЛСВ.

5. **Семантический потенциал слова** (СПС) или семантический диапазон слова (СДС)- это число значений, которым обладает каждая лексическая единица языка. Если в кабардино-черкесском языке функционирует 303 соматических слова, общее число значений которых составляет 372, то СПС (или СДС) равен $1,23 (372 : 303)$, тогда как в русском языке он равен $2,51 (389:155)$.

6. **Деривационная активность** кабардино-черкесских соматизмов, по нашим предварительным данным, выглядит так: от слова *ЩХБЭ* «голова» образовано не менее ста слов, *1Э* «рука» – около 100, *ГУ* «сердце» – 40, по несколько десятков образуют *ЖБЭ* «рот», *БГБЭ* «грудь», *1У* «полость рта», *ФЭ* «кожа», *ПЩЭ* «шея», *НЭ* «глаз», *ПЭ* «нос» и др. Определение точного количества дериватов от кабардино-черкесских соматизмов осложняется из-за отсутствия словообразовательных или других исчерпывающих филологических словарей. Иначе обстоит дело в русском языке, где, по данным двух фундаментальных словообразовательных словарей, деривационная активность представлена следующим образом. Первые цифры по Вурту (Нью-Йорк, 1970), вторые по Тихонову (М, 1984-1985): рука 137-161, лицо 163-112, нога 127-167, кровь 59-150, глаз 68-117 и т.д.

7. **Фразеологические связи** соматизмов кабардино-черкесского языка приводим согласно исследованиям Б.М. Карданова, а также новому фразеологическому словарю Б. Бербекова, Б. Бижоева, Б. Утижева.

Слово *гу* «сердце» входит в 218 ФЕ, *цхьэ* «голова» – 130, *нэ* «глаз» – 111, *1э* «рука» – 52, *жьэ* «рот» – 41, *1эпэ* «кончик пальца руки» – 19, ср.: *псэ* «душа» – 40, *Алыхь* «Аллах» – 40, *гьуэгьу* «дорога» – 30, *дуней* «мир, вселенная» – 32, *псальэ* «слово» – 30, *Тхьэ* «Бог» – 30 ...

По данным БАС и Фразеологического словаря русского языка под ред. А.И. Молоткова, наиболее обширными оказались фразеологические связи у соматических слов русского языка (первые цифры соответствуют данным БАС, вторые словарю Молоткова): глаз 80-141, голова 57-115, сердце 47-63, язык 68-72, нога 58-67, рот 11-25, нос 32-39, зуб 24-30, рука 86-170, лицо 28-28, спина 16-10, кость 17-19 и т.д.

По выше описанной методике нами рассмотрены многие лексикотематические группы. Однако в целях экономии места мы здесь приведем основные данные в виде таблицы с указанием количества рассматриваемых еди-

ниц соматической лексики в кабардино-черкесском и русском языках (первые цифры соответствуют данным каб. -черк.языка, вторые русского языка)

1. Соматическая лексика 303- 155
2. Терминология родства 57-57
3. Лексика цветообозначения 45-70
- 4-5. Лексика пищи и напитков 272-327
6. Лексика бытовых предметов 262-283
- 7-10. Лексика одежды, головных уборов, обуви, украшений 250-380
11. Лексика флоры 270-314
12. Лексика фауны 270-314
13. Лексика природы и природных явлений 92-100
14. Слова, обозначающие время 50-65
15. Местоимения 28-28
16. Слова, обозначающие число, 39-39
17. Слова, обозначающие понятие много 37-97
18. Слова, обозначающие понятие мало 13-44
19. Названия орудий труда, инструментов 102- 120
20. Названия жилищ, построек и их частей 200-250
21. Лексика современного строительного дела 144-204
22. Лексика транспортных средств 170-200
23. Лексика торговли и денежных систем 70-75
24. Названия сооружений и учреждений 146-160
25. Лексика системы мер длины, объема, площади 60-71
26. Названия традиционных профессий 93-156
27. Названия болезней и средств их лечения 80-95
28. Названия предметов топлива, смазочных материалов 34-48
29. Названия металлов и других веществ 51-51
30. Лексика сельского хозяйства 134-150
31. Термины сельскохозяйственной техники 46-52
32. Название механизмов и их частей 38-50
33. Терминология связи (почта, телеграф, телефон) 62-68
34. Терминология деловых бумаг 44-44
35. Лексика письменных, канцелярских принадлежностей 42-42
36. Терминология искусств (кино, театр, музыка, живопись) 82-98
37. Терминология национальной культуры 165-205
38. Терминология дошкольного воспитания 42-48
39. Терминология школьного обучения 46-58
40. Лексика высшего и среднего специального образования 112-112
41. Научная терминология 380-405
42. Общественно-политическая 1300-1500
43. Религиозная лексика 320-530
44. Военная и морская терминология 352-389
45. Спортивная терминология 173-254

46. Терминология туризма и альпинизма 57-82
47. Ономастическая лексика 320-350
48. Звукоподражательные слова 42-63
49. Междометные слова-корни 6-75
50. Глаголы 467-2413
51. Слова-корни, обозначающие признаки действия (наречия) 8-86
52. Слова-корни других частей речи 13-16.

Общее число выделенных нами тематических групп составляет не менее 115.

В названных наших работах (1992, 2000) более подробно рассмотрены лексико-тематические группы, перечисленные в пунктах 1-12. Что же касается пунктов 13-53, то при всех расхождениях и присущих им специфических чертах они не вносят каких-либо существенных изменений в общую картину, полученную при разностороннем анализе 12 предыдущих групп.

Особо хотелось бы остановиться на одной из наиболее многочисленных тематических групп, в качестве которой выступает общественно-политическая лексика.

Как известно, различные сферы жизни по-разному влияют на лексику языка, но, по-видимому, ни одна из них не оказывала столь глубокого и разностороннего воздействия на лексическую систему, фразеологический состав и семантическую структуру кабардино-черкесского языка, как современная общественно-политическая жизнь. Отсюда и особая роль порождаемой ею общественно-политической лексики и фразеологии – одной из самых больших лексико-тематических групп в общей лексической системе языка.

В специальной литературе довольно широко распространена точка зрения, согласно которой общественно-политическая лексика состоит из слов и выражений, обозначающих понятия из области политики, социологии и политической экономии. При таком определении общественно-политическая лексика более четко отделяется от других лексико-тематических объединений слов. В силу тесной взаимосвязанности этих трех общественных наук с другими сторонами деятельности человека рассматриваемая лексика неизбежно соприкасается с лексическими разрядами, обозначающими явления и понятия из области философии, этики, религии, права, эстетики, литературы (Протченко 1984:58). Некоторые в состав общественно-политической лексики включают терминологию общественных наук, что неоправданно расширяет рамки общественно-политической лексики, поскольку при такой постановке вопроса в ее состав должны быть включены лексика и терминология философская, юридическая, отчасти литературно-эстетическая, языковедческая (Бельчиков 1962: 9).

По мнению И.Ф. Протченко, общественно-политическая лексика – это часть словарного состава, которую образуют «названия явлений и понятий из сферы общественно-политической жизни, т. е. из области политической, социально-экономической, мировоззренческо-философской». Далее, отметив,

что общественно-политическая лексика, хотя и обнаруживает заметно обозначенные границы, автор показывает тесное взаимодействие ее с понятиями из области «истории, обществоведения, права, философии, политэкономии, а также литературы, искусства, дипломатии, военно-оборонной и культурно-просветительной сфер» (Протченко 1984: 58). Это не означает, что общественно-политическая лексика поглощает всю терминологию гуманитарных наук, заслоняя ее собой. Это особое положение общественно-политической лексики по охвату сфер, объему единиц, характеру функционирования, распространённости и, наконец, по своей ведущей роли среди других лексикотематических групп вызывается тем, что она неразрывно связана с господствующими политической и экономической системами, всеми государственными и общественными институтами внутри страны и за ее пределами. Не менее тесно она связана со всеми средствами массовой коммуникации, мощными научно-техническими средствами пропаганды и агитации. Нетрудно заметить, что никакая другая лексико-тематическая группа или терминологическая система не имеет таких преимуществ, не обладает такими особенностями и такими широкими возможностями, обеспечивающими прямой и ежеминутный выход в массы. Ввиду всего этого данная лексика, разумеется, должна быть доступной и понятной широким народным массам. Вместе с тем, как лексическая категория, тесно связанная с общественной жизнью, она содержит немало периферийных элементов, чем и обуславливается ее высокий динамизм, известная зыбкость и определенная неустойчивость. Игнорирование, сознательное предание забвению и замена одних слов, названий, выражений другими, сравнительно быстрая архаизация или неприемлемость скомпрометировавших себя лексических единиц по причинам разного характера – постоянные спутники общественно-политической лексики. Небезынтересно отметить, что эти изменения не всегда являются односторонними, или прямолинейными. Как пишет И.Ф. Протченко, «иногда тот или иной общественно-политический термин оказывается неприемлемым столько времени, сколько он вызывает к себе в сознании носителей языка отрицательные ассоциации», но, спустя некоторое время, «он может вновь вернуться в обращение при ослаблении, а затем и исчезновении этих ассоциаций» (Протченко 1984: 59). Как примеры можно назвать: *министр, офицер, генерал, адмирал, парламент, президент, династия, знатный, кавалер*, а также вновь переосмысленные недавно термины: *кибернетика, наследственность, менеджизм, плюрализм, аренда, арендатор, собственность, конкуренция, предпринимательство, самоуправление* и многие другие, связанные с прогрессивными процессами, происходящими благодаря перестройке, гласности и демократизации всех сфер жизни страны. Все это дает основание утверждать, что общественно-политическая лексика, лишь частично тяготея к ядру, все же в основной массе остается в периферийной зоне словаря. Вместе с тем она обладает еще такой важной чертой, как «точность и терминологичность» (Протченко 1984: 62).

Общий объем данной лексики никем с категоричностью не определяется, и едва ли возможно обозначить его в точных цифрах. По подсчетам И.Ф. Протченко, современная общественно-политическая лексика русского языка насчитывает приблизительно 1000 лексем, включая производные. В число последних не включены, как можно судить по приводимым автором примерам, десятки и сотни активно функционирующих единиц сложного, сложносоставного образования, как, например *государственно-кооперативный, государственно-монополистический, идейно-политический, рабоче-крестьянский, командно-бюрократический, мелкобуржуазный, мелкотоварный, многотиражный, многопартийный; малопродуктивный, маломощный, малогабаритный; общегосударственный, общероссийский, общепартийный, общенародный; полупатриархальный, полуфеодалный; правонационалистический, правооппортунистический; псевдонаучный, псевдонародный, псевдосоциалистический* и мн. др. Хотя подобные термины получили широкое распространение в современном кабардино-черкесском языке, мы тоже не учли их при подсчете общественно-политической лексики.

В РКПТС (1951) зарегистрировано около 3600 единиц, из которых, как мы полагаем, почти четверть может быть квалифицирована как общественно-политические термины. Приблизительно такое же количество фиксируется в наиболее полных словарях, вышедших за последние 40 лет (РКЧС 1955; КРС 1957; Урусов, Захохов 1982). Рассматриваемая лексика кабардино-черкесского языка, за редкими исключениями, представляет собой разного рода заимствования – прямые (*обществэ, совет, президиум, съезд*) или кальки (*Іэ* – голос, *хэхыныгъэхэр* – выборы, *дуней еплькІэ* – мировоззрение).

В общественно-политической лексике кабардино-черкесского языка мы находим те же тематические группировки или классы, которые обычно выделяются среди всего многообразия данной лексики и терминологии современного русского языка (РЯСО-1 1968: 56-185; Шанский 1972: 268-274; Протченко 1975: 101-132; Шмелев 1977: 280-287; Протченко 1984: 69-73). В этом отношении наиболее характерны также наблюдения и выводы, содержащиеся в лексикологических исследованиях по современному кабардино-черкесскому языку (Балкаров 1961: 144-148; Шагиров 1962: 171 – 172; Апажев 1963: 33-49). В названных работах так или иначе выделяются следующие группы, которые включают в себя слова и выражения, связанные со структурой и функционированием общественных, политических организаций и институтов (*собранэ, отчет, агитацэ, пропагандэ, конференц, конгресс* и др.); названия, обозначающие понятия мировоззренческого, нравственного характера, объединяющиеся вокруг таких слов, как *хэку* – родина, *адэщыналъэ* – отечество, *хуитыныгъэ* – свобода, *щІыхь* – честь, *пиІэ* – достоинство, *напэ* – совесть и др.; термины из области государственного строительства, административного деления, государственных учреждений, хозяйственных организаций, а также слова, обозначающие исторические этапы развития общества, официальные названия должностей, почетных званий и т.п. (*власть,*

депутат, кьалэ совет – городской совет, *район, республика, управленэ, министр, объединенэ* и др.); слова, связанные с профсоюзной работой, деятельностью добровольных обществ, союзов, организаций (*профбюро, профком, профцентр, спорткомитет, зэныбжэзгъуныгъэм и обществэ* – общество дружбы, *ветеранхэм я комитет* – комитет ветеранов и др.); наименования, связанные с промышленностью и сельским хозяйством, с трудовой деятельностью людей (*рабочэ, цех, арендатор, инженер, бизнесмен, кооператив, подряд* и др.); слова и выражения, служащие обозначениями явлений, событий, процессов в сфере культуры и просвещения (*курс, курсант, культура, просвещенэ, культпросветлэжыгъэ* – культпросветработа, *самодетельность* и др.); наименования, обозначающие отрицательные явления в общественной и культурной жизни (*уравниловкэ, бюрократ, штурмовщицэ* и др.) или выражающие понятия, чуждые общечеловеческим интересам и гуманистическим устремлениям цивилизованного мира (*колониализм, неоколониализм, шовинизм, сионизм, нацизм, фашизм, расизм, милитаризм* и др.).

Общий объем рассматриваемых лексических единиц, обнаруженных в известных словарях и существенно дополненных фактами из современных произведений общественно-политической литературы, периодической печати, теле- и радиопередач на родном языке, вместе с кальками различного рода превышает более одной тысячи, что составляет 15 процентов «Словаря русских заимствований», охватывающего около 15000 единиц.

Такое количественное совпадение, внутреннее сходство, единство и общность данной лексической группы в разных языках – следствие того, что возникновение национальной письменности на кабардино-черкесском языке, становление и развитие его литературных норм, в особенности в области лексики, неразрывно связаны с Октябрьской революцией и русским языком. Аналогичная картина наблюдается и во многих других младописьменных языках. Поэтому конструирование каких-то оригинальных моделей или поиск каких-либо особых путей формирования общественно-политической лексики послеоктябрьского периода, отличных от русского языка, были бы, с нашей точки зрения, беспредметными. Следовательно, сходство и общность, идущие от русского языка, являются отражением одного из магистральных направлений в развитии словарного состава кабардино-черкесского и многих других младописьменных языков. Данному вопросу посвящена обширная литература, один лишь перечень которой занял бы десятки страниц.

Как показывает анализируемый материал, в отличие от русского языка в кабардино-черкесском общественно-политическая лексика, научная, техническая и другие терминологические системы в подавляющем большинстве представлены заимствованиями из одного источника, а именно из русского языка, иначе говоря, это результат двусторонних, русско-кабардинских, связей или результат влияния русского языка. Факт невмешательства в этот процесс третьего языка доказывается многочисленными примерами. Так, английское слово, вагон в источнике имеет 8 значений: 1. Повозка, телега, под-

вода, фургон; 2. *уст.* Дилижанс (главным] образом, в колониальных странах); 3. *брит. ж.* -д. Открытый товарный вагон, вагон-платформа; 4. *амер. разг.* Полицейская карета; 5. *амер. разг.* Детская коляска; 6. (Чайный) столик на колесах; передвижной столик; 7. *горн.* Вагонетка для руды; 8. *астр.* Большая Медведица (Акуленко и др. 1969: 364). В русском *вагон* имеет следующие значения: 1. Специально оборудованное помещение для перевозки пассажиров и грузов по рельсовым путям; 2. Количество груза, вмещающееся в товарный вагон. 3. *разг.* Очень большое количество чего-н. Примечательно, что для обозначения последних трех значений англичане и американцы, как правило, не пользуются словом «вагон». В речи же современных кабардинцев и черкесов данное слово обозначает именно три отмеченных в русском языке значения, не больше и не меньше. Слово *старт* в английском языке имеет значения: вздрагивание; отправление, старт; начало. В русском: начало спортивного состязания; место, откуда начинается состязание на преодоление какого-нибудь расстояния. Эти же значения зарегистрированы в РКЧС. Лозунг в немецком означает: жеребьевка, пароль, лозунг. В русском: призыв (лозунг); плакат с призывом. В кабардино-черкесском то же, что и в русском. Французское бюро имеет значения: письменный стол, контора, канцелярия, бюро, президиум, кабинет крупного служащего. В русском: 1. Название руководящей части некоторых органов; 2. Название некоторых учреждений (бюро погоды). В кабардино-черкесском, как и в русском. Ср. также: *бутон, дуст, зебра, салют, штаб* и многие другие, характер семантической ассимиляции которых в русском и кабардино-черкесском языках в основном идентичны. Все эти факты убедительно подтверждают положение о том, что для кабардино-черкесского языка источником заимствования приведенных и многих других общественно-политических, научных и т. п. терминов явился русский язык. Иначе обстоит дело со спецификой проникновения терминов подобного рода в русский язык, который, как правило, принял их из разных языков Европы, Азии, Америки, Африки, хотя и не исключается посредничество некоторых языков, как, например, польского в области военной лексики (Смирнов 1910: 27-360; Виноградов 1938; 1939; Булаховский 1953; Сорокин 1965; Сороколетов 1970; Биржакова и др. 1972).

Из весьма кратко рассмотренных лексико-тематических групп наиболее близка к идеологической сфере общественно-политическая лексика, вследствие этого она в языках, функционирующих в разных социально-экономических системах, обнаруживает больше всего расхождений оценочного характера. Так, в общественных кругах англоязычного мира, а также в Финляндии, Швеции, Норвегии, Дании и других западных странах слово *пропаганда*, как правило, ассоциируется с понятием ложь или обман общественного мнения. Фактически оно так и воспринималось во всем мире. Можно сослаться и на кабардино-черкесский язык, в котором слово политика долгое время сохраняло (а в известной мере и сейчас сохраняет в речи старшего поколения) негативный оттенок и ассоциировалось (особенно в прошлом) с

понятиями хитрость, уловка, обман. Основания для этого были: как свидетельствует история, в политике самодержавия в отношении не только народов Кавказа и целого ряда других регионов России, но и собственного народа немало было и хитрости, и обмана.

В настоящее время буквально на наших глазах происходит переосмысление многих слов и терминов, которые из отрицательно окрашенного, негативного слоя перемещаются в сферу нейтральной или даже подчеркнута позитивной лексики. Немало слов и выражений общественно-политической лексики, которые до недавнего времени нашими средствами массовой информации либо избегались, либо односторонне интерпретировались, сейчас получают совершенно иную оценку. Ср., например *конкуренция, предпринимательство, бизнес, плюрализм, многопартийность, частная собственность, разгосударствление* и мн. др. Наряду с ними весьма популярными в кабардино-черкесском языке стали такие слова и выражения, как *демократизацэ, демократическэ зэц|эхъееныгъэ* – демократическое движение, *суверенитет, суверенизацэ, департизацэ, деидеологизацэ, деполитизацэ, либерализацэ, приватизацэ, референдум, презентацэ, муниципальнэ, оппозицэ, акционер, биржэ, думэ, фермер, лицей, маклер, гимназие, менеджер, менеджмент, диссидент, аукцион, арендатор, советолог, правозащитник, антисоветизм, антикоммунизм, департамент, спикер, президентскэ правленэ, профессиональнэ парламент, законодательнэ власть, исполнительнэ власть, судебнэ власть, совместнэ предприятиэ, Щхъэхуит Къэралхэм я Зэныбжъэгъуныгъэ* или *Щхъэхуит Къэрал Зэныбжъэгъухэр* – Содружество Независимых Государств (СНГ), *спонсор, брокер, бартер, рейтинг, маркетинг, клиринг, лизинг, акциз, дилер, киллер, триллер, а также пиар, пиаровец, пиар-кампание* и мн. др.

Итак, вслед за лексико-грамматической системой (грамматической лексикологией) мы рассмотрели еще один объект или аспект системной организации словарного состава – лексико-тематическую группу. Разумеется, невозможно полностью охватить и изложить в одной работе всего многообразия тематических группировок лексики национального языка, при этом в сопоставлении с другим языком. Поэтому мы вынуждены были пойти на существенное сокращение фактического материала с описательной частью, основывающейся на 20 000 лексических единиц исконного и 15000 лично собранного нами иноязычного (заимствованного) материала. Идя на значительное ограничение количества приводимых примеров, мы стремились компенсировать это выявлением основных статистических данных по каждой из группировок и большим вниманием к освещению разных сторон, в особенности к анализу специфики функционирования рассматриваемых объектов. Мы полагаем, что, исходя из этих объективно полученных показателей (количественного параметра, исторического происхождения, словообразовательной активности, морфемного состава, сочетаемостных способностей, проявляющихся также во фразеологических связях слова, семантической структуры и связанного с ней семантического потенциала или диапазона слова, рассмат-

риваемых в контрастивно-типологическом плане), можно составить себе определенное представление не только о месте и роли соответствующих тематических группировок в языковой системе, но в какой-то степени и о национальной специфике самого языка.

Известно, что тематическая классификация как продукт экстралингвистического (логического) анализа словарного состава языка при всей своей неоспоримой научной ценности все же не представляет собой первостепенного интереса и непосредственного объекта для лексиколога. Между тем она чрезвычайно важна для всякого лексикографа, в особенности для представителей идеографической лексикографии, основной задачей которых является системное описание словаря языка. Она важна не только сама по себе, но и ее рассмотрение в контрастивном аспекте. Это уже не может не привлечь внимания другой категории исследователей-представителей двуязычной лексикографии.

Главным результатом и логическим завершением исследования лексико-тематических групп, по нашему мнению, должно стать создание шести разновидностей идеографического словаря:

1. Учебного тематического словаря кабардино-черкесского языка.
2. Учебного русско-кабардино-черкесского тематического словаря.
3. Учебного кабардино-черкесско-русского тематического словаря.
4. Общенационального словаря-тезауруса кабардино-черкесского литературного языка.
5. Полного русско-кабардино-черкесского тематического словаря.
6. Полного кабардино-черкесско-русского тематического словаря.

Основой данных и аналогичных им словарей на адыгском материале могла бы служить в известной степени лексико-тематическая система, приведенная в виде схемы в этом разделе (см. след. стр.).

Как отмечается в одной из новейших теоретических работ по лексикологии и лексикографии, построение тематических словарей разного объема и назначения, представление языковой картины мира на основаниях, диктуемых самим языком, создание разных типов учебных словарей и т.п. признаются первоочередными задачами отечественного языкознания (Шведова 1999: 16).

БЛЮДА
ХЛЕБНЫЕ ИЗДЕЛИЯ
МУЧНЫЕ ИЗДЕЛИЯ
ОВОЩИ
ЯГОДЫ
ПЛОДЫ
ПРИПРАВЫ
ТАБАК, КУРЕНИЕ, ПРИСПОСОБЛЕНИЯ
НАПИТКИ
ПОСУДА
МЕБЕЛЬ, ПРЕДМЕТЫ ДОМ. ОБИХОДА
ПОСТЕЛЬ
ОСВЕТИТЕЛЬНЫЕ ПРИБОРЫ

ПИЩА, ПРЕДМЕТЫ БЫТА

ЧИСЛА, ДНИ НЕДЕЛИ, МЕСЯЦЫ
ВЕЩЕСТВА, МЕТАЛЛЫ
ГОРЮЧЕСМАЗОЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ
ДРАГОЦЕННЫЕ КАМНИ
СТРОЙМАТЕРИАЛЫ
ЦВЕТ
МЕРЫ ДЛИНЫ, ОБЪЕМА, ВЯКОСТИ, ПЛОЩАДИ, СИЛЫ, ДАВЛЕНИЯ

ЧИСЛО, МЕРА, ЦВЕТ, ВЕЩЕСТВО, МЕТАЛЛЫ, МАТЕРИАЛЫ

СОМАТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА
ТЕРМИНОЛОГИЯ РОДСТВА
ОДЕЖДА
ОБУВЬ
ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ
ЧАСТИ ОДЕЖДЫ
УКРАШЕНИЯ
КОСМЕТИКА
ТКАНИ
ОПТИКА

ЧАСТИ ТЕЛА, РОДСТВО, ОДЕЖДА

КОММЕРЦИЯ, РЫНОК, ДЕНЬГИ, МАГАЗИН
ПЛОТНИЦКОЕ ДЕЛО
ШОРНОЕ ДЕЛО
ЮВЕЛИРНОЕ ДЕЛО
ВОЙЛОЧНО-ШЕРСТЯНОЕ ДЕЛО
КУЗНЕЧНОЕ ДЕЛО
СЛЕСАРНОЕ ДЕЛО
ШВЕЙНОЕ ДЕЛО
ВЯЗАНИЕ, ПЛЕТЕНИЕ, ВЫШИВАНИЕ
ТКАЦКОЕ ДЕЛО
ПРОФЕССИИ

ПРОЦЕССЫ, РЕЧЕСЛА, ТОРГОВЛЯ, ПРОФЕССИИ

ЖИВОТНЫЕ, ПТИЦЫ, РЫБЫ
ДОМ., ДИКИЕ ЖИВОТНЫЕ
ПРЕСМЫКАЮЩИЕСЯ
НАСЕКОМЫЕ
РАСТЕНИЯ, ТРАВЫ, ЦВЕТЫ
ДЕРЕВЬЯ, КУСТАРНИКИ
ГРИБЫ
СОБСТВЕННЫЕ ИМЕНА, КЛИЧКИ
НАЗВАНИЯ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ
НАЗВАНИЯ РЕК, ОЗЕР, МОРЕЙ
НАЗВАНИЯ НАРОДОВ
НАЗВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ОБЛАСТЕЙ
НАЗВАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ
ФАМИЛИИ, ОТЧЕСТВА

ЖИВОТ., РАСТ., ГРИБЫ, РАСТЕНИЯ, ПТИЦЫ, РЫБЫ, НАЗВАНИЯ, ФАМИЛИИ, ОТЧЕСТВА

ЛЕКСИКО-ТЕМАТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

Составил И.Л.Алашеев

ТРАНСПОРТ, ТЕХНИКА, СВЯЗЬ, КОММУНИКАЦИЯ

ВЕРХОВАЯ ЕЗДА, СБРУЯ
ВОЛОВАЯ АРБА, ПРИСПОСОБЛЕНИЯ
ГУЖЕВОЙ, Ж.-Д. АВИА ТРАНСПОРТ
ВОКЗАЛ, СТАНЦИЯ
ПОЧТА, ТЕЛЕГРАФ, ТЕЛЕФОН
ДОРОГИ, ТРОТУАРЫ, АПЛЕИ, ТРАССЫ, ПЕРЕВАЛЫ
МАШИНЫ, ДЕТАЛИ МАШИН
ТЕХНИКА
ЭЛЕКТРОТЕХНИКА
ПРИБОРЫ, ИНСТРУМЕНТЫ, ПРИСПОСОБЛЕНИЯ
СООРУЖЕНИЯ, ПЛОТИНЫ
МОСТЫ, КАНАЛЫ

ОБРАЗОВАНИЕ, ВОСПИТАНИЕ, ЗДРАВООХРАНЕНИЕ, НАУКА

ПРОСВЕЩЕНИЕ, ШКОЛЫ, ИН-Т, УН-Т
ПИСЬМО, КАНЦ. ДЕЛО, ТОВАРЫ
НАУКА, ОТРАСЛИ НАУКИ
ТЕРМИНЫ ЛИНГВИСТИКИ
ТЕРМИНЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ
ТЕРМИНЫ МАТЕМАТИКИ, ФИЗИКИ
ТЕРМИНЫ ХИМИИ, БИОЛОГИИ, ЭКОЛОГИИ
ТЕРМИНЫ ИСТОРИИ, ЭТНОГРАФИИ
ТЕРМИНЫ ФИЛОСОФИИ
АСТРОНОМИЯ, СОЗВЕЗДИЯ
КОСМОС, КОСМОНАВИКА

СЛУЖБА БЫТА, ГОС. УЧРЕЖДЕНИЯ, ВОЕННОЕ ДЕЛО, СПОРТ

СФЕРА ОБСЛУЖИВАНИЯ, СЕРВИС
ГОС. УЧРЕЖД., МИНИСТЕРСТВА, УПРАВЛЕНИЯ
КОНТОРЫ, ОФИСЫ
РЕСТОРАН, КАФЕ, БАР, СТОЛОВАЯ
ВОЕННОЕ ДЕЛО, ЧИНЫ, ЗВАНИЯ
ВОЕННЫЕ СПЕЦИАЛЬНОСТИ
ОРУЖИЯ, ИХ ВИДЫ
ВОЕННАЯ ТЕХНИКА
СПОРТ, ВИДЫ СПОРТА

СЕЛЬСКОЕ ХОЗ-ВО, СЕЛЬСКОЕ СТРОИТ-ВО, ИНСТРУМЕНТЫ

ЖИВОТНОВОДСТВО, СКОТОВОДСТВО
КОНЕВОДСТВО
ОВЦЕВОДСТВО
ПТИЦЕВОДСТВО
ЗВЕРОВОДСТВО, КРОЛИКОВОДСТВО
ПЧЕЛОВОДСТВО
РАСТЕНИЕВОДСТВО, ЦВЕТОВОДСТВО, ОРАНЖЕРЕЯ
ОГОРОДНИЧЕСТВО, БАХЧЕВОДСТВО
САДОВОДСТВО
ПОЛЕВОДСТВО, ЛУГОВОДСТВО

КУЛЬТУРА, ТРАДИЦИИ, РЕЛИГИЯ, ЭТИКА

МУЗЫКА, МУЗ. ИНСТРУМЕНТЫ
МУЗЫКАЛЬНЫЕ СПЕЦИАЛЬНОСТИ
ГОЛОСА
ТРАДИЦИИ, ОБРЯДЫ, СВАДЬБА, ПОХОРОНЫ
РЕЛИГИЯ, ЭТИКА
КУЛЬТУРА, Б-КИ, КЛУБЫ, КИНО, ТЕАТР, ЦИРК, МУЗЕЙ
АРХИТЕКТУРА, ЖИВОПИСЬ, ГРАФИКА, СКУЛЬПТУРА
МИФОЛОГИЯ
ФОЛЬКЛОР
ПРЕССА, ГАЗЕТА, ЖУРНАЛ, КНИГА
РАДИО, ТЕЛЕВИДЕНИЕ
ТИПОГРАФСКОЕ ДЕЛО
ПАРКИ, МЕСТА ОТДЫХА, АТТРАКЦИОНЫ
ПАМЯТНИКИ, МОНУМЕНТЫ, НАДГРОБИЯ, МЕМОРИАЛЫ

Глава IV. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

§1. Предварительные замечания

В словарном составе каждого языка центральное место как по своей лингвистической значимости, так и по разнообразию своего проявления занимает лексико-семантическая система. Между тем именно эта система, как наиболее сложная по своей организации и структуре, все еще остается наименее исследованной и наиболее запутанной в мировом языкознании. Она, как отмечает Л.А. Новиков, «включает в себя такое большое количество связанных самыми различными отношениями элементов, что их системность представляется труднообозримой или даже ставится под сомнение. И тем не менее это система: ведь в противном случае мы не смогли бы сравнительно легко выбирать нужные слова и, сопоставляя их друг с другом, употреблять в речи или воспринимать их смысл» (Новиков 1982: 61). На аналогичное высказывание А.Е. Супруна мы уже ссылались (Супрун 1975: 7).

Интерпретация лексико-семантической системы, в современном языкознании позволяет рассматривать ее как совокупность целого ряда лексико-семантических микросистем, в качестве которых, по нашему мнению, выступают следующие группировки или типы объединения слов:

1. Полисемия как система лексико-семантических вариантов слова.
2. Синонимия как система близких и сходных по смыслу слов.
3. Антонимия как система слов с противоположными значениями.
4. Лексическая группа, связанная ассоциативными отношениями.
5. Лексическая группа, объединенная общностью семантического поля.
6. Группа лексем, связанных деривационными отношениями.
7. Лексическая группа с конверсивными отношениями.
8. Фразеологическая группа с общим, стержневым словом.
9. Лексическая группа с гипонимно-гиперонимическими отношениями.
10. Омонимия как система тождественных по звучанию слов.
11. Паронимия как система сходных по звучанию слов.
12. Лексическая группа, объединенная синтагматическими или валентностными отношениями.

В предыдущих главах речь шла о двух системных группировках лексических единиц языка, в основе объединения которых лежат такие определенные признаки или движущие силы, как общность принадлежности к одному разряду, классу слов, на чем собственно строится ставшее традиционным распределение единиц словарного состава языка по частям речи (лексико-грамматическая система), общность принадлежности к определенной сфере реальной действительности (лексико-тематическая система).

В пределах рассматриваемой лексико-семантической системы и выделяемых внутри нее типов объединения, ассоциации, группировки слов действуют иные силы или тенденции, в качестве которых выступают: ассоциативные связи по сходству формы, функции или смежности (полисемия), смысловое содержательное сходство (синонимия), взаимная обратимость при обозначении одного и

того же действия или отношения (конверсия), родо-видовые отношения (гипонимы и гиперонимы), противоположность значения (антонимы), сходство или близость, но не тождественность звучания (паронимы), тождественность звучания (омонимы), деривационные связи (словообразовательное гнездо), сочетаемостные способности (валентности слова), общность семантического поля, общность ассоциативного поля, фразеологические связи слова.

Такова общая структурно-семантическая организация словарного состава кабардино-черкесского языка. Это значит, что слова, как и ЛСВ, могут входить не только в разные лексико-семантические группы, но и принадлежать разным лексико-тематическим группам, разным лексико-грамматическим рядам и разным лексико-стилистическим пластам, что в совокупности служит, пожалуй, главным свидетельством системности лексики и единства ее структуры, составляющей один из основных компонентов в языковой «системе, все элементы которой образуют целое» (Соссюр 1933: 114). Лексико-семантическая система, по мнению Ф.П. Филина, впервые рассмотревшего ее специально (Филин 1957: 523-538), это «собственно языковые единицы, продукт исторического развития того или иного языка. Слова, выражая свои собственные значения, в рамках одной лексико-семантической группы в то же время оказываются связанными между собою отношениями, не безразличными для их собственных значений. Это отношения синонимии, антонимии, всякого рода уточнения, дифференциации и обобщения близких или сопредельных значений».

Наиболее распространено следующее определение лексико-семантической системы, содержащееся в коллективной монографии ведущих советских языковедов: «К лексико-семантической системе относится вся область смысловых отношений лексических единиц, своеобразие типов их группировок и характер взаимодействия их друг с другом (лексическая парадигматика) и с элементами других подсистем языка, условия и формы языкового выражения результатов семантического варьирования словесных знаков (лексическая синтагматика) и т.п.

Уже само название «лексико-семантическая» указывает на двустороннюю природу системы: с одной стороны, ограничивается в пределах семантического уровня языка лексическая семантика от грамматической, с другой – при помощи этой системы происходит дальнейшее членение семантики слова как элемента словаря на самые мелкие двусторонние единицы – лексико-семантические варианты слова» (Уфимцева 1972:417).

§2. Полисемия

Полисемия как система лексико-семантических вариантов слова – частный случай проявления лексико-семантической системы языка. Одним из важнейших параметров или измерений лексико-семантической системы, одним из проявлений закономерной связи элементарных лексических единиц, образующих в структуре многозначного слова определенную иерархию взаимообусловленных первичных и вторичных семантических функций, является поли-

семия. Л.В. Щерба отмечал: «Само собою разумеется, что слова-понятия, выражаемые одним фонетическим комплексом, в большинстве случаев (кроме так называемых омонимов) образуют более или менее сложные системы, что и выражают обычно в словарях тем, что они помещаются под одним заглавным словом, но под разными цифрами, буквами» (Щерба 1974: 291).

Разные значения слова, какими бы далекими они ни казались по отношению друг к другу, так или иначе связаны между собой, образуя тем самым довольно сложное семантическое единство, которое обычно называют семантической структурой слова. Как отмечает М.И. Фомина, именно в наличии семантических связей внутри многозначного слова больше всего проявляется системность лексики на уровне одного слова. «Учитывая, что характер внутрисловных семантических связей в языках неодинаков, можно считать многозначность одним из ярких признаков национальной самобытности лексики» (Фомина 1990: 45). В этом случае некоторые говорят не просто о полисемии, а о ее законах. Так, Р.А. Будагов пишет: «Многозначность слов естественных языков народов мира – это одна из важнейших особенностей их лексики, одна из важнейших особенностей человеческого языка вообще. Именно поэтому следует говорить о законе многозначности слова, о законе лексической полисемии» (Будагов 1972: 140).

Исследование законов многозначности слов позволяет активно использовать свойства слов как при составлении толковых, двуязычных и других типов словарей, так и при переводе с одного языка на другой.

Рассмотрим несколько примеров полисемии слов кабардино-черкесского языка в сопоставлении с русским языком.

Щхъэ

Семантическая, структура данных слов в сопоставляемых языках может быть представлена следующим образом:

1. Верхняя часть тела человека, верхняя или передняя часть тела животного, содержащая мозг. *Щхъэ* упса – бритая голова. *Мэлыщхъэ* – баранья голова.

2. Единица счета. *Хозайствэм и Іә-щышхуэр щхъэ бжыгъэу минипцІ мэхъу* – Крупный рогатый скот хозяйства насчитывает десять тысяч голов.

3. Ум, рассудок, сознание. *Щхъэ зыфІэт цІыху* – Человек с головой. Ср. *Щхъэм имытым лъакъуэм и мыгъуагъэц* – Горе ногам, коли голова пуста (посл.).

Голова

1. Верхняя часть тела человека, верхняя или передняя часть животного, содержащая мозг. *Седая голова. Свиная голова.*

2. Единица счета скота.

3. Ум, рассудок, сознание.

4. Человек как носитель каких-н. идей, взглядов, способностей, свойств. *Ар иххэ акылыфлэц* – Он умная голова. *Ар иххэпсц* – Он несерьезный человек.

5. Руководитель, начальник, главный. *Хэт мыбыхэм я иххэр (нэхгыиххэр)?* – Кто у них главный?

6. Голова как символ, олицетворение самого человека. *Шхэр псэмэ, пылэ цыцлэркым* – Была бы голова цела, а шапка найдется (посл.).

7. Крыша, верхнее покрытие строения, защищающее его от атмосферных явлений. *Унацхэ* – Крыша дома. *Бгъэныцхэ* – соломенная крыша. Но не в значении: дом, жилище¹.

8. Крышка, верхняя часть какого-н. сосуда, ящика и т.п., закрывающая этот сосуд, ящик или отверстие в нем. *Кладацхэ* – крышка кадушки *Клэструльцхэ* – крышка кастрюли. Ср.: *Дзыгъуибгъур зэделэри кхъуей кладацхэр трацц* – Девять мышей потянули и крышку с кадки сыра сорвали (посл.). Но не в значении: гибель, Конец. Ср. русск.: Весна пришла – крышка зиме.

9. Верхушка, макушка, верхняя оконечность, вершина чего-н. *Жыгыцхэ* – верхушка дерева. *Пыхуацхэ* – верхушка стога. Но не в значении: верхняя часть головы. Ср.: На макушке его блестела лысина. Для передачи этого значения в каб.-черк. языке используется слово *иххэццыгу, иххэпхэтлыгу*.

4. Человек как носитель каких-нибуде идей, взглядов, способностей, свойств. *Он светлая голова. Горячая голова.*

5. Авторитетный человек, начальник. *Он в семье голова.* Ср.: устар.: *городской голова.*

6. Русское «голова» в этом значении не употребляется.

7. Русское «голова» в этом значении не употребляется.

8. Русское «голова» в этом значении не употребляется.

9. Русское «голова» в этом значении не употребляется.

¹ Ср. русск.: Нет крыши у бедного человека.

10. Верховье, исток, место, откуда начинается водный источник. *Псыцхъэ* – начало, верховье реки. *Псынацхъэ* – начало родника.

11. Вершина горы. *Бгыцхъэ, къуршыцхъэ. Альпинистхэм Эльбрусыцхъэ ди ныпыр цыхатIац* – Альпинисты установили на вершине Эльбруса наше знамя.

12. Голова, головка, утолщенная оконечность чего-н. или округлое утолщенное завершение стержня, стебля, выступающая вершина, конец чего-н., шарообразный плод или соцветие на конце стебля. *СемышкIацхъэ* – головка подсолнуха. *Винтыцхъэ* – головка винта. *Къэбыстацхъэ* – голова капусты. *Бжъыныцхъэ* – головка лука.

13. Шляпка, верхняя расширенная часть чего-н., имеющего стержень, ножку и т.п. *ГъуцI Гунацхъэ* – шляпка гвоздя, *Игъэбэгущхъэ* – шляпка гриба.

14. Верхотура, высоко расположенная часть чего-н. *И цхъэ, и цхъэ дьдэ. Бгым дэкIри зиплъыхъу сыхъэткIэ и цхъэм (и цхъэ дьдэм) тесац.*

15. Головной. В значении определенной. *Щхъэуз* – головная боль.

16. Верх I (наиболее высокая, расположенная над другими часть какого-н. строения). *ХъэцIакакъыцхъэ* – верх навеса. *Унацхъэ* – верх (не крыша) дома. *И цхъэр шей ефанIэц, и цIагъыр лэжъапIэц* – верх для чаепития, а низ для работы.

17. Верх II (подъемная крыша экипажа, автомашины). *Мащинэм и цхъэр Iэтын* – поднять верх машины. *Гуцхъэр техын* – снять верх повозки.

10. Русское «голова» в этом значении не употребляется.

11. Русское «голова» в этом значении не употребляется.

12. В русском языке для выражения данного значения употребляется чаще «головка», а иногда и «голова». Напр.: головка чеснока, подсолнуха, голова капусты и т.п.

13. Русское «голова» в этом значении не употребляется.

14. Русское «голова» в этом значении не употребляется.

15. Русское «голова» в этом значении не употребляется.

16. Русское «голова» в этом значении не употребляется.

17. Русское «голова» в этом значении не употребляется.

18. Вершки. *И цхъэр сысейц, и лъабжъэр уейи* – вершки мне, а корешки тебе.

19. Верхний. В значении определения.

20. Сливки. *Шацхъэ* (густой жирный верхний отстой молока): *шатацхъэ* – наиболее густая жирная часть сметаны. Но не в значении: лучшая часть. Ср.: сливки общества.

21. Пенка (пленка на остывающей или остывшей жидкости – молоке, сиропе, киселе и т.п.), *Шэгъэпцитацхъэ* – пенка на кипяченом молоке. Но не в значении: брать лучшее. Ср.: снимать пенки.

22. Верх. Новое. *Ицхъэхэм я ээлуцлэ* – совещание (встреча) в верхах. (калька с русского).

23. Кабардино-черкесское *цхъэ* в этом значении не употребляется. Это значение передается словом *пэ* – начало (букв.: нос).

24. *Щхъэ* в этом значении не употребляется. Данное значение выражается словом *бжъэ* – рог *фошыгъубжъэ* – голова сахару (букв. рог сахару)).

25. *Щхъэ* – грам. лицо. *Глаголым цхъэкIэ хэхъуэж* – глагол изменяется по лицам (букв.: по головам).

26. *Щхъэ* в этом значении не употребляется. Это значение выражается словами: *нэхъыжъ* – старший, *унафэциI* – распорядитель, *тхъэмадэ* – тамада.

18. Русское «голова» в этом значении не употребляется.

19. Русское «голова» в этом значении не употребляется.

20. Русское «голова» в этом значении не употребляется.

21. Русское «голова» в этом значении не употребляется.

22. Русское «голова» в этом значении не употребляется.

23. Передовой отряд передовая часть (спец.). *Голова пехоты*.

24. Пищевой продукт в виде шара, конуса. *Голова сахару. Голова сыру*.

25. В русском языке употребляется для обозначения этого грамматического явления слово «лицо».

26. Старший, распорядитель

У слова *цысын* – сидеть выявлено не менее 10 значений и несколько оттенков, у слова *зехъэн* – носить (нести) 15 значений. В продемонстрированном плане нами рассмотрено свыше 300 наиболее многозначных слов в кабардино-черкесском и русском языках. Такое тщательное и последовательное сопоставление лексико-семантических вариантов слов, различных по структуре и общесловесным функциям, но тесно и длительно контактирующих языков, какими являются русский и кабардино-черкесский, дает богатый материал как для традиционных, так и новых типов словарей, в частности, для учебных, антиинтерференционных, толковых, стилистических и других, с одной стороны, практики перевода и методики преподавания русского и родного языков в кабардино-черкесских школах, с другой. Подобные сопоставления более наглядно показывают национальную специфику формирования и функционирования лексических единиц и лексико-семантических микросистем в каждом из сопоставляемых языков. В таком исследовании нуждаются современные кабардинцы и черкесы, как и другие представители младописьменных и старописьменных языков нерусских народов СНГ, желающие овладеть не только наиболее распространенными нормами кодифицированного русского литературного языка, но и многочисленными и разнообразными его лексико-стилистическими тонкостями, лексико-грамматическими сложностями, лексико-тематическими и лексико-семантическими богатствами.

При рассмотрении семасиологических процессов, особенно интенсивно протекающих в условиях контактирования языков, необходимо постоянно учитывать, насколько существенно важны для характера лексических значений такие атрибуты человеческих понятий, как их подвижность, гибкость, способность изменять объем и значительность своего содержания.

Заимствования из русского и других языков, сталкиваясь с исконными в частоте употребления и в стилистическом использовании, как бы распространяют волны своего влияния на все сферы кабардино-черкесского словаря и вызывают в последнем различные семантические процессы. Проиллюстрируем это положение на некоторых примерах. С древних времен в кабардинском языке функционирует слово *цей*, обозначавшее «домотканое сукно», затем приобретшее значение «платье из домотканого сукна» и, наконец, «черкеска». Однако в период, когда в кабардино-черкесский язык проникло слово *боз* (бязь), последнее, слившись с *цей*, вытесняет определенную долю из расщепленного им многозначного *цей*, образовав новое слово *бозцей* – *бостей* – букв.: «бязевое платье» (сейчас только в значении: «женское платье»). В результате этого была задета не только семантика, слова *цей*, но несколько были ограничены и его словообразовательные возможности. Если слово *цей*, как нам думается, раньше можно было соединять со словами *пллэ*, *клэ* в целях словообразования (ср.: *цейпллэ*–блуза, *цейклэ*–юбка), то подобное соединение теперь исключается. Для обозначения «блуза» сейчас употребляют только слово *бостейпллэ*, а для «юбка» – *бостейклэ*, тогда как в современном кабардино-черкесском языке *цейпллэ* означает «верхнюю часть черкески от пояса», а *цейклэ* – «нижнюю часть черкески до пояса», то есть уже

не являются самостоятельными лексическими единицами – обозначениями одежды. Это объясняется специфическими закономерностями, в соответствии с которыми слово функционирует в языке как единое целое.

В речи на защите своей докторской диссертации М. М. Покровский говорил: «...для понимания семасиологических явлений необходимо постоянно иметь в виду и психологию, и историю народа. Разумеется, такая кумуляция должностей может превышать силы отдельного исследователя: разнообразие материала и точек зрения требует с его стороны слишком большого внимания и, может быть, даже обрекает его на неизбежные промахи. Но если язык является полным отражением и психологии, и истории народа, то иной постановки исследования его фактов не может и быть» (Покровский 1959: 32).

Как свидетельствуют факты, в развитии значений, в обогащении семантики, а также в расширении контекстуальных возможностей целого ряда кабардино-черкесских слов большую роль играют русские заимствования и русское влияние в целом. Это можно проследить на примере развития полисемии слова *унафэ*. Как утверждает Л. Лопатинский, оно было многозначным еще в XIX в. Общая семантика его обладала способностью употребляться в следующих значениях: *указ, приказ (приказание), распоряжение, повеление, предписание* (Лопатинский 1890). В современном кабардино-черкесском языке *унафэ* не только сохранило эту способность, но и приобрело-под влиянием русского языка – новые функции, а именно: употребляться в значениях: *постановление, решение, руководство, указание*.

Новые, нарождающиеся под влиянием русского языка значения в ряде исконных слов иногда ускользают от составителей словарей и не находят отражения в соответствующих лексиконах. Так, слово *жэуап* до сравнительно недавнего времени употреблялось только в значениях «ответ» и «ответный». Если же возникала необходимость в передаче русского «ответственность», то прибегали к различным кабардино-черкесским словам – *борш, жэуаптаклуэу цытыныгъэ, къалэну цытыныгъэ*, нередко оставляли и без перевода: «Ответственный – *зи пцэ дэль, зи къалэн, ответственнэ*. Ответственный работник – *ответственнэ лажьаклуэ*» (РКЧС). Сейчас значение «ответственность» все чаще переводят словом *жэуап*, тем самым увеличивается его функциональная и смысловая нагрузка. Ср.: *Абыхэм материальнэ жэуап яхь* – Они несут материальную ответственность; *Анхудэхэр жэуапым ешэлэн хуейц* – Таких следует привлекать к ответственности. Отсюда вытекает, что в будущем кабардино-черкесско-русском словаре должны быть отмечены такие значения слова *жэуап*: 1. Ответ; 2. Ответный; 3. Ответственность; 4. Относящийся к «ответственность». Легко заметить, что мы имеем здесь дело не с прямым заимствованием, а с заимствованием косвенным, семантизмом, заимствованием понятий, оформляемых исконным материалом. Иначе говоря, происходит обогащение семантики исконных слов, расширение сочетательных свойств их, а в перспективе – и деривационных возможностей, и фразеологических связей.

В конце XIX в. Л. Лопатинский не нашел в слове *къалэн* других значений, кроме одного – «повинность» (Лопатинский 1890: 115). Но в результате

влияния русского языка, а именно вследствие приспособления кабардино-черкесских слов к выражению значений русских слов, при каждодневно возникающей необходимости передавать с помощью исконных слов значения русских лексем, близких по смыслу с *къалэн*, происходит расширение функции *къалэн*, общая семантика которого сейчас позволяет употреблять его не менее чем в шести значениях: *повинность, обязательство, долг (обязанность), задача* (общ. -полит.), *роль (функция), миссия (задание, поручение)*.

М.М. Покровский подчеркивал, что необходимо изучать семантическую историю не отдельных, изолированных слов, а систем или рядов семантически связанных слов: «...история значений известного слова будет для нас только тогда понятной, когда мы будем изучать это слово в связи с другими словами, синонимическими с ним и, главное, принадлежащими к одному и тому же кругу представлений» (Покровский 1959: 75). Здесь уместно поставить вопрос: не было ли в кабардино-черкесском языке других слов для выражения приведенных выше понятий, передаваемых теперь одним многозначным *къалэн*? Понятие «долг (обязанность)» Л. Лопатинский переводит заимствованным из арабского языка словом *фарз*. Последнее вошло в кабардино-черкесский язык через посредство Корана и обозначало религиозный долг, подлежащий исполнению, как и завещание или просто соблюдение принципов священного писания. Очевидно, этот религиозный оттенок помешал слову *фарз* активно функционировать в кабардино-черкесском языке послеоктябрьского периода: людям нового времени претило обозначать свой гражданский долг религиозным словом *фарз*, и оно, оказавшись, таким образом, не подходящим, не соответствующим ситуации, стало малоупотребительным, архаизированным, а затем и вовсе выпало из живого языка народа. Лишь новый «Словарь кабардино-черкесского языка» его отмечает, хотя не исключено его возвращение в будущем в активный запас лексики.

Можно сослаться и на другое слово того же семантического круга, – *борш*, служащее обозначением понятия «обязанность». Однако и это слово не стало широкоупотребительным в кабардино-черкесском языке, оказавшись неспособным захватить часть семантики *къалэн*. То ли потому, что оно создавало омонимию с обыденным заимствованным из русского языка «борщ» (по каб. -черк. *борш*), чем несколько сниженным становилось по своей стилистической окраске понятие «долг», то ли потому, что *борш* (обязанность) никогда не являлось по своей экспрессии торжественным словом, что весьма важно было для дальнейшего соперничества с возвышающимся полисемантическим *къалэн*. Как бы то ни было, слово *борш* (обязанность) теперь имеет среди кабардино-черкесов очень мало защитников-носителей, и, кажется, нет никаких оснований думать о расширении их рядов. Наконец, коснемся еще одного слова, близкого по своей семантике с вышеприведенными. Это тоже заимствованное из арабского языка слово – *есэн* (*хьисэн*), употребляемое преимущественно для обозначения четырех элементарных арифметических действий (короче – счет). Иногда *есэн* передает значение «цель», однако при создавшихся неблагоприятных для него общественно-политических условиях

оно, конечно, не могло приобрести значения русского «задача (вопрос, требующий разрешения)». Влияние русского языка парализовало возможности его дальнейшего семантического развития и активизацию в стилистическом отношении. Здесь сказались, кроме влияния русского языка, и узость самого *есэн*, относительно недавнее его заимствование как школьного термина и, наконец, неширокая распространенность его среди молодежи, что в совокупности не дало слову *есэн* стать обозначением социально-политического понятия «задача». По всем указанным признакам слово *къалэн* обнаруживало несравненное преимущество перед словами *фарз*, *борш*, *есэн* (*хысэн*).

Семантически емким и функционально разнообразным стало и слово *цытыкIэ*, которое употребляется в следующих значениях: состояние, положение, условия, обстановка, характер, свойство, поведение, манера. У Л. Лопатинского «личность», «облик», «очертание» переводятся словом *цытыкIэ*. Ни одно из названных слов не заимствовано кабардино-черкесским литературным языком, и все одиннадцать приведенных значений вмещаются в многозначном *цытыкIэ*.

Подтверждением семантического влияния русского языка может служить и старинное слово *хабзэ*, непомерно обросшая семантика и функциональная нагрузка которого отличается, пожалуй, еще большей сложностью, чем рассмотренные выше примеры. В зависимости от контекста речи слово *хабзэ* может быть употреблено в значениях следующих существительных и образованных от них прилагательных (форм последних не приводим): обычай, привычка, закон, нрав, обряды, обыкновение, натура, традиция, порядок, правила, распорядок, положение, узаконение, мода, заведение, устав, установление. Большинство из этих значений *хабзэ* мы находим в КРС и РКЧС, часть из них встречаем в словарях Ш. Ногмова и Л. Лопатинского, незначительное число – в словарях Л. Люлье и Б. Хуранова. Кроме того, *хабзэ* может употребляться и в значениях: норма, система, принцип, режим. Многочисленные подтверждения этому находим на страницах журнала «Ошхамахо» («Эльбрус») и республиканских газет «Ленин гъуэгугу», «Адыгэ псалъэ» и др. Аналогичные изменения претерпели также слова *хъыбар* – известие, *цIэ-ныгъэ* – знание, *бзэгугу* – язык, *пцыхъэцхъэ* – вечер и мн. др.

Заслуживает внимания и другая тенденция, когда воздействие русского языка приводит не к расширению семантики и валентности исконных слов (что более характерно для кабардино-черкесских слов, испытывающих влияние русской семантической системы), а к сокращению количества их значений, к сужению семантики, к ограничению употребительности. Об этом свидетельствуют различные семантические изменения, которым подверглись слова *цIытI* – насыпь, *фальэ* – сосуд, *таурыхъ* – сказка, *есэн* – счет и мн. др. По словарию Лопатинского, *цIытI* обозначало: насыпь, земляной вал, канава, окоп. Кабардинцы, заимствовав из русского языка «окоп» и «канава», перестали употреблять *цIытI* для обозначения «окоп» или «канава». Слово *фальэ* до революции употреблялось в значениях: сосуд, стакан, пиала, банка, бокал. С заимствованием и последующим прочным усвоением слов «стакан» и «банка», естественно, современные кабардинцы уже не употребляют *фальэ* в

значениях «стакан» и «банка». Возьмем другое слово – *таурыхъ*. Оно использовалось до революции для передачи значений слов: рассказ, предание, повесть, легенда, очерк, сказка, басня. Если *таурыхъ* все еще держит за собой значения слов: предание, сказка, легенда, то едва ли это можно сказать относительно других терминов литературоведения: рассказ, повесть, очерк, басня, значения которых и семантически, и стилистически строго разграничиваются в кабардино-черкесском языке. Нетрудно понять, в связи с чем произошла такая дифференциация в семантике *таурыхъ*, чего, по-видимому, не могло быть в бесписьменном языке. Здесь надо иметь в виду то, что эти слова, обладая широкими, довольно расплывчатыми значениями, не имели в дореволюционном бесписьменном языке тех четких семантических границ, которые характерны для терминов в литературных языках. Новые понятия с их русскими обозначениями, проникая в жизнь и язык кабардинцев и черкесов и как бы подключаясь к определенному участку лексико-грамматической, лексико-стилистической, лексико-тематической и лексико-семантической систем кабардино-черкесского языка, становились, как правило, единственными обозначениями, а стало быть, и подлинными терминами, и вследствие этого исконные полисемантические слова теряли способность употребляться во всех своих прежних значениях, суживали объем семантики.

Влияние русского языка нередко приводит не только к сужению семантики слова и ограничению сферы его употребления, но и к полному вытеснению соответствующих исконных слов или ранних заимствований. В качестве примера можно назвать такие некогда активные слова, как *зэнтхъ*, *дэфтэр*, *лэрыгу*, *мышур*, *хъурзэ*, *шэтыр*, *цыххэр* и другие, вытесненные соответственно заимствованными из русского языка: *овес*, *тетрадь*, *токарь*, *печать*, *якорь*, *палатка*, *столицэ* (*къалацхъэ*).

С отмеченными выше семантическими процессами неразрывно связаны сдвиги и в экспрессивно-стилистической окраске ряда исконных слов, что в одних случаях объясняется влиянием русского языка, а в других – это результат изменений в социально-политическом строе. Несомненно, большую роль сыграло воздействие русского языка в приобретении особо торжественного оттенка значения многими исконными словами, воспринявшими и русскую стилистическую орфографию заглавных букв. Например: *АдэцIыналгъэ* – Отечество, *Хэку* – Родина, *Лыххужь* – Герой, *Шыхъ* – Слава, *Насып* – Счастье, *Мамырыгъэ* – Мир, *Зэкъуэшыныгъэ* – Братство и др. (Апажев 1968а: 200).

Приведенные факты, количество которых можно легко увеличить, свидетельствуют о том, что влияние русского языка, не ограничиваясь лексико-фразеологической областью, возбуждает различные сферы языковой системы, активизирует потенциальные возможности заимствующего языка, порождая в нем все новые импульсы к усилению словообразовательной активности, к созданию семантических новообразований, а также условий для бурной активизации его выразительно-изобразительных средств. Одним из главных результатов этого влияния следует считать ускорение процесса дифференциации ЛСВ, разрушения широкого значения, процесса выкристал-

лизации и установления в них более четких и строгих смысловых границ, устранения в них диффузности, расплывчатости, неопределенности в значениях ряда исконных полисемантических слов, перераспределения функционально-стилистической нагрузки между различными исконными и заимствованными лексемами, закрепления слов за определенными понятиями (что влечет за собой их семантическую специализацию и взаимное разграничение), а также вытеснения многих слов арабского, персидского и тюркского происхождения, не выдержавших соперничества с заимствованиями из русского языка и через его посредство – из европейских языков.

Анализ целого ряда лексикографических изданий показывает, что многие из семантических изменений, как было сказано выше, не находят, к сожалению, не только достаточно полного, но и даже сколько-нибудь удовлетворительного отражения в национально-русских и русско-национальных словарях.

Такое положение в кабардино-черкесской лексикографии объясняется различными причинами объективного и субъективного характера, среди которых можно выделить три в качестве основных. Первая причина заключается в том, что от составителей словарей нередко ускользают неологические явления либо из-за недостаточного внимания к этим процессам, либо ввиду неудовлетворительной организации самой работы по регистрации неологизмов как лексико-фразеологических, так и особенно семантических. Вследствие этого многие живые факты лексико-семантической системы, активно функционирующие в языке современников, в частности, интеллигенции и молодежи, периодической печати, радио, телевидения, остаются за пределами словарей. Вторая причина связана с неизбежным процессом, как правило, счастливого старения словарей, которые зачастую, к сожалению, незаслуженно и неоправданно долго не подвергаются своевременному пересмотру, обновлению и переизданию. Достаточно сказать, что со времени издания наиболее полных РКЧС и КРС прошло около 50 лет. Такое состояние словарного дела, разумеется, трудно признать нормальным. Отсутствие у нас переработанных, дополненных словарей, да и дефицит в давно изданных болезненно ощущается как в теоретической разработке многих животрепещущих языковедческих проблем, так и в сфере прикладного языкознания, особенно в учебном процессе, при создании учебно-методических пособий для средних школ, в переводческой деятельности, в работе писателей, журналистов, редакторов, корректоров и мн. др. При таком прискорбном положении дела говорить о соответствии словаря современным нормам языка и требованиям жизни, естественно, уже не приходится. А ведь словарь, не отражающий современного состояния национального языка, перестает быть справочником и теряет свой смысл. Третья, очевидно, главная причина – в сложности самой природы семантических явлений и в трудности проведения фронтального исследования семасиологических процессов, усугубляемых активным контактированием разносистемных языков, культур и их носителей.

Из изложенного вытекает необходимость глубокого и всестороннего изучения семантических процессов, происходящих в национальных языках под воз-

действием русского языка, тщательной регистрации неологических результатов этого воздействия. Эти результаты следует систематически заносить в специальную картотеку, банки новых данных для активного использования в дальнейшем при создании более полных, информативных двуязычных словарей и других лексикографических пособий, отвечающих повышенным требованиям современников. При таком подходе к проблеме можно, пожалуй, вскрыть одну из основных особенностей русского влияния, а именно его системный характер.

Таким образом, перед нами во весь рост встает задача всестороннего исследования системного характера многостороннего, в частности семантического (идеологического), влияния русского языка на младописьменные языки народов СНГ и адекватного отражения этой системности в соответствующей лексикологической и лексикографической работе (Апажев 1968а: 195-204; 1982а: 39-40; 1992а: 185-198; 2000: 115-128; 298).

§3. Омонимия

С полисемией тесно связана **омонимия**, традиционно выделяемая лексико-семантическая категория и довольно обстоятельно исследованная в старописьменных языках как у нас, так и за рубежом. В отечественной лингвистике с наибольшей полнотой это явление раскрыто в трудах В. В. Виноградова (1940: 1-14; 1960: 3-17; 1967: 51-57; 1969: 7-17), А.И. Смирницкого (1954; 1956), О.С. Ахмановой (1957; 1974), Д.Н. Шмелева (1977), Л.А. Новикова (1982) и др.

Впервые в кабардино-черкесском и одним из первых в советском языкознании проблемы омонимии исследует в ряде работ Н. Ф. Яковлев, в частности, в «Грамматике литературного кабардино-черкесского языка» (1948), где, наряду со многими удачными толкованиями омонимов как «результата совпадения первоначально разно звучащих слов или развития (раздвоения) одного слова», встречаем и нередкие случаи смешения омонимии с полисемией, а также подлинных омонимов с омоформами и другими их разновидностями. Например: *хы* – шесть, *хы* – море, *хы* – жни; *сэ* – нож, *сэ* – я, *сэ* – сей; *дэ* – мы, *дэ* – орех, *дэ* – шей и мн. др. Справедливости ради следует заметить, что подобного рода смешения омонимии с ее разновидностями, даже с полисемией характерны едва ли не для всех лексикологических (кстати сказать, весьма немногочисленных) работ того периода. С учетом достижений современной лингвистики вопросы омонимии кабардино-черкесского языка довольно обстоятельно рассмотрены в работах А.К. Шагирова (1959: 253-260; 1962: 38-39); Апажева (1963: 127-135; 1992а: 198-204); Пшукова (1982: 52-71; Пшуковой 1999) и др.

На фоне других лексико-семантических групп (полисемии, синонимии, антонимии и т.п.) омонимы предстают, по мнению некоторых, «как нерегулярные и исключительные, как своеобразное «нарушение» законов полисемии», более того, выступают «в целом как категория негативная» (Новиков 1982: 209-210).

Не вступая в дискуссию здесь с этой точкой зрения на омонимию (см. об этом ниже), хотелось бы отметить, что омонимы являются неотъемлемым,

но своеобразным компонентом лексико-семантической системы языка. Своеобразие заключается в том, что они, являясь результатом совпадения в звуковом оформлении, не мешают носителям языка, скорее, не замечаются ими, так как контекст или ситуация непременно ограждают их от смешения. Омонимы, выступая в плане семантическом «как внесистемное явление», все же создают своеобразную микросистему в языке, то есть группу слов, объединенных единством (сходством) звукового оформления. Эта их специфика может быть сознательно использована и в действительности используется в речи народа, в языке художественной литературы, где сталкиваются различные омонимы, создающие при этом разнообразную игру слов. Д.Н. Шмелев ссылается на Ж. Вандриеса, называющего омонимы «бичом языка» (так как «язык нуждается в ясности и больше всего для него опасна двусмысленность») и в то же время утверждающего, что «омонимия, однако, опасна лишь в той мере, в какой сознают опасности, которые с ней связаны... Смешение может стать настолько полным, что из-за него не испытывают неудобств, так как его не замечают» (Шмелев 1977: 89-90).

Для глубокого осмысления омонимии необходимо вскрыть также ее связи с проблемами заимствования. Здесь можно наблюдать интересные явления, возникающие при усвоении многозначного слова, из значений которого, в конце концов, могут образоваться несколько самостоятельных слов. Как отмечают отдельные исследователи, наряду с нарушением смысловой и словообразовательной связи между сходными по корню словами, нарушение между значениями внутри самого многозначного слова представляет характерную особенность семантической ассимиляции лексических заимствований (Новиков 1963: 7-9). Примером распада полисемии и образования омонимии может служить русское заимствование *милицэ*, давшее в кабардино-черкесском языке три омонима: 1. *милицэ*-милиция, 2. *милицэ*-милиционер, 3. *милицэ* – сельисполнитель. Ср. еще: устар. *кlynlec* – купец, *кlynlec*-богатый дамский платок; дорев. устар. *Сыбыр* – Сибирь, *сыбыр* – каторга; *Сэлэфклуй* – Соловки, *сэлэфклуй* – каторга; *кхъуэщын*-кувшин, *кхъуэщын*-черепица; *кlэ-прон* – капрон, *кlэпрон* – пышка, хворост (новое, кулинарное).

Заслуживает внимания и другой вопрос, когда одно и то же слово заимствуется несколько раз, что может привести и нередко приводит к появлению омонимов или разных по значению слов. Так, слово «крест» кабардинцы заимствовали поэтапно не менее трех-четырёх раз и в каждом случае с новым значением. Более раннее заимствование его, очевидно, связано с периодом христианства в Кабарде, когда и употреблялось *чрес* – крест в значении «религиозный знак». Постепенно оно было вытеснено презрительным словом *жор* – крест (из грузинск. *джвари* – «крест»; ср.: *Жорыр зыпцIэхэлъ* – Носящий крест, букв. «На ком крест висит»). Затем «крест» заимствуется в значении «форма укладки снопов». Оно как архаизм сохранилось в языке фольклора. Ср. *Пхырхэр чресу зэтельхэн* – Сложить снопы крестами. Третье заимствование связано со значением «награда», также ставшим архаизмом. Четвертый раз «крести» (в каб. -черк. *чрес*) усвоено в связи – с перенятием у

русских привычки игры в карты. Наконец, известно употребление «крест» в значении «форма, способ вышивания». В речи кабардинской и черкесской интеллигенции возможно употребление и других значений «крест». Несмотря на некоторые различия в звучании «крест» в источнике (крест, кресты, крести), кабардинцы и черкесы усвоили одну форму *чрес*, служащую обозначением не менее пяти омонимов (ср. семантику «крест», «крести», «кресты» в словарях русского языка, где они рассматриваются как три слова). Таким же многократно заимствованным является русское «четверть». Трудно сказать, какое из двух его значений (1. четвертая часть ведра, около трех литров; 2. четвертая часть аршина) сначала было усвоено кабардино-черкесским языком, где и сейчас употребляются оба значения (ср.: *цырибон шэтвэр* – четверть самогона; *Лъэбакъуэ дэнэ къэна, шэтвэр зытехуэ пчынкъым* (запрет, угроза) – Не только шагу, но и четверти не сделаешь. *Арцыныр шэтвэриплI мэхъу* – Четыре четверти составляют аршин). С появлением школ связано заимствование другого значения «четверть» (часть учебного года). Характерно, что, в отличие от первых двух значений, третье оформлено по-русски – как «*четверть*» (см. РКЧС). Известно и другое значение «четверть» – «четвертая часть целой ноты», например, в речи музыкантов, а также молодежи, интересующейся музыкой. Таким образом, из восьми значений русского «четверть» (см. МАС I, II, III) кабардинцами и черкесами заимствованы четыре, причем два из них пришли устным путем, что и обусловило оформление их как *шэтвэр*, другие же два значения усвоены сравнительно недавно письменным путем. Здесь важно отметить, что если в русском языке «четверть» является многозначным словом, вокруг которого объединены восемь прочно связанных между собой значений, то в кабардино-черкесском языке четыре заимствованных значения дали два ряда омонимов, оформленных двумя звуковыми комплексами: *шэтвэр* и *четверть*.

Омонимами кабардино-черкесского языка следует считать и два значения слова «ручка»: 1. орудие письма. 2 приспособление для завода машин, которые входят в русское полисемантическое «ручка». Как правильно отмечено в РКЧС, слово «урна» употребляется как три омонима: 1. избирательная урна 2. урна для хранения праха 3. урна для мусора. Слово «печатать» дало два омонима: 1. пресса 2. штамп. Количество примеров легко увеличить.

Не будет преувеличением сказать, что весьма богатым типом слов в кабардино-черкесском языке были и остаются еще омонимы, число которых, как видно из приведенных фактов, заметно возросло благодаря влиянию русского языка. Мало того, нельзя быть уверенным, что число это в дальнейшем уменьшится. Напротив, как свидетельствуют факты, с усилением русского влияния вырастают все новые и новые ряды омонимов. В связи с этим обращает на себя внимание утверждение некоторых лингвистов, по мнению которых омонимия представляет собой отрицательное явление в языке. «Вряд ли правы те ученые, которые утверждают, что образование омонимов – это обогащение словарного состава языка... Скорее, наоборот, **омонимы во всех случаях – это досадное неразличение того, что должно различаться**» (Ре-

форматский 1967: 89). Трудно согласовать данное утверждение маститого ученого с фактом постоянного роста числа омонимов в кабардино-черкесском языке, в котором благодаря, прежде всего, имевшим место интенсивным фонетическим процессам, а также заимствованиям из других языков появилось множество слов этого типа. Причем показательно, что это «отрицательное явление» получило в самом кабардино-черкесском языке (без вмешательства слов из других языков) довольно большое распространение: весьма часты случаи образования от трех до пяти и более омонимов на исконном материале. Например: *шэ* – 1. молоко 2. пуля 3. вези 4. вежи; *шлэ* – 1. дно 2. новый, молодой 3. знай 4. делай; *уэ* – 1. град 2. бей 3. стреляй 4. падающий 5. ужаль 6. ты; *щэ* – 1. жир 2. сто 3. трижды 4. продавай 5. стриги 6. во-просительная частица: *Абы дыкыльагъумэ-щэ?* – А если он увидит нас? 7. свей (о веревке и т. п.). Иногда встречаются такие пары слов, которые являются антонимичными омонимами: *ежъэн* – поехать, *ежъэн* – ждать. Мы имеем здесь типичную энантиосемию. Основная причина обилия омонимов в кабардино-черкесском языке объяснена в специальной литературе (Рогава 1951: 404-418; Булаховский 1954: 45-48). Негативный взгляд отдельных исследователей на роль омонимов в языке, может быть, основывается на трудностях, возникающих у людей при изучении неродного языка. Действительно, в этом случае омонимы – серьезная «помеха пониманию». Если бы с таким обилием омонимов, которое наблюдается, например, в кабардино-черкесском языке, ежедневно сталкивались при изучении русского языка многочисленные представители нерусских народов СНГ и зарубежных стран, то, по-видимому, сторонников отрицательного взгляда на омонимию было бы значительно больше, чем теперь. Однако и в этом трудновообразимом случае такой взгляд едва ли можно было бы признать правильным. Одного факта смешения омонимов у названной категории лиц было бы далеко не достаточно для объявления омонимии «болезненным местом» в языке того или иного народа. В противном случае мы позволили бы судить об особенностях и явлениях русского языка, квалифицировать их как положительные или отрицательные с точки зрения кабардинца или грузина, немца или француза, некорректно игнорируя при этом объективные показания как самого языка, так и его носителей. Вообще, правомерна ли сама квалификация явлений языка на положительные и отрицательные, приятные и неприятные, красивые и некрасивые и т.п.? Не заведет ли такая субъективная оценка еще глубже? Так, не секрет, что категория рода – известная помеха успешному овладению русским языком кабардинцами и черкесами, грузинами, англичанами, финнами и другими, в языках которых нет данного грамматического явления. Можно вспомнить и о трудностях, связанных с делением русского консонантизма на палатализованные и непалатализованные, которых нет в кабардино-черкесском и многих других языках мира. Но нельзя же, исходя из этого факта, утверждать, что грамматический род, палатализация и т. п. представляют собой досадное или болезненное место в русском языке. Приведенные факты и доводы, а главное, данные речевой практики кабардинцев и черкесов, всегда

ограждающей одинаково звучащие слова от смешения, толкают даже на такой, быть может, недостаточно обоснованный вывод, что объявлять омонимию «больным местом» в языке – значит (если быть до конца последовательным) считать и полисемию тем же «досадным неразличением того, что должно различаться». Смешение значений слов обычно бывает в нарочито построенных фразах, контекстах. Вряд ли и тогда это является действительным неразличением. Если бы при употреблении слова из омонимического ряда возникало смешение значений, то, видимо, кабардино-черкесский язык заметно избавлялся бы от них; в художественных произведениях, а также в анекдотах, бытовых и других шутках – «недоразумениях» не создавалось бы ничего комического или юмористического и люди не понимали бы (а недоумевали бы), чему тут удивляться. Мы также не находили бы ничего остроумного в знаменитых каламбурных стихах Д. Минаева:

«Область рифм – моя стихия.
И легко пишу стихи я;
Без раздумья, без отсрочки
Я бегу к строке от строчки;
Даже к финским скалам бурым
Обращаюсь с каламбуром»;

или в шуточных стихах А. Кешокова «Витамин», где обыгрываются слова «витамин», «вита» (латин. «жизнь») и «мин» (каб. -черк. «тысяча»). Возвратившийся с курорта старик-кабардинец заявляет своей старухе:

«Сэ лы, джэдыкІэ, уеблэм гъэш	Мясом, яйцами, молоком
Зэрызмышхынуур щІы уи фІэш.	Меня ты больше не мори.
Сэ витаминым сещІыр лъэш,	Витамин – другое дело,
Мис ар мычэму уэ сыгъэшх».	Им всегда меня корми.

А старуха – героиня стихотворения – тоже прикидываясь не понявшей или не знающей прямого смысла слова «витамин», сокрушается «серьезно»: *«ЗытІуу щ жыІами ар зыгуэрт: Пщэдджыжь къэсыхукІэ витамин Си жыщІхъэ дэнэ сэ къысхын?»* – Просил бы он хоть несколько штук: В мои старушечьи года каждый божий день Попробуй-ка найти ему витамин.

Как видно из приведенных примеров, звуковые совпадения слов (омофоны) находят различное применение и в кабардинской художественной литературе, не создавая при этом препон для понимания. Можно привести множество примеров различных звуковых совпадений (омонимов, паронимов), на которых строятся свежие и неожиданные рифмы. Например, у А. Кешокова: *машынэ – лэшынэ, си Мэзкуу – зи щІыхъ куу*; у Б. Куашева: *смылэимэ – си эмблема, си ни си ни – Миссисипи* и т.п.

Из существующих взглядов на проблему омонимов, по-видимому, наиболее приемлемым следует признать мнение, согласно которому омонимия – обычное явление и как таковое находит различное применение в языке.

Л.А. Булаховский отмечал: «Практически... омонимия не настолько опасна, как можно думать, исходя из общих соображений: слова живут в связной

речи, в предложениях, и поэтому из контекста обыкновенно бывает ясно, как показывает опыт даже таких особенно обильных омонимами языков, как китайский или английский, какое именно значение имеет то или другое омонимное слово, и серьезно угрожающие пониманию случаи в практике языка возникают сравнительно редко» (Булаховский 1954: 45). «Практически язык обычно и не испытывает никаких неудобств от существования омонимов... Омонимы – это столь же естественное явление языка, как и полисемия» (Будагов 1958: 47-49). По остроумному замечанию О.С. Ахмановой, омонимия не представляет собой «патологии», требующей «терапии» (Ахманова 1957: 101). Э. Косериу, разделяя аналогичную точку зрения Боттильони, отмечал, что совпадение отдельных звуков «приводит к «смешению» слов, однако, это случается только в абстракции, потому что в конкретной действительности... слова различаются своими синтагматическими связями» (Косериу 1963: 227).

§4. Паронимия

В отличие от омонимов, тождественных по звучанию слов, паронимами называются слова, близкие, но не тождественные по звучанию. В современной лингвистической литературе широко распространено два понимания паронимии.

1. В узком смысле это слова, имеющие сходство в морфологическом составе, а стало быть, и в звучании, но различающиеся по значению. Это однокоренные слова типа: экономный – экономичный, надеть – одеть, генеральный – генеральский и т.п.

2. В широком смысле это всякие слова, обнаруживающие лишь звуковое (даже случайное) сходство при отсутствии этимологических связей: *цаклуэ* – охотник, *цлакхуэ* – хромой, *цлакхуэ* – хлеб; *мэшынэ* – боится, *машинэ* – машина; *жэщыр хэклуэтац*, *мазэри хэклуэдац* – ночь поздняя, и луна исчезла; ср.: *аксакал* – *саксаул* и мн. др. На звуковом сходстве основываются различные любопытные явления «народной этимологии».

Вопрос о паронимах и связанных с ними явлениях паронимической аттракции, «ложной» или «народной» этимологии, в кабардино-черкесском языкознании почти не изучен, хотя эти явления далеко не чужды речевой практике современных кабардинцев и черкесов (см. примеры выше).

Терминами «ложная» или «народная» этимология, или «паронимическая аттракция», ученые называют такое явление в языке, когда «в сознании говорящего слово оказывается связанным с другими словами, которые как будто разъясняют его» (Марузо 1960: 349). Слова с неясной внутренней формой, особенно заимствованные, чаще всего и подвержены «народной» этимологии. В качестве примеров можно привести Москва – *Мзжуу* (якобы от *мэз* – лес и *куу* – глубокий); дезинфекция – уст. *дыжьынфекцэ* (якобы связано с каб. -черк. *дыжьын* – серебро); штукатурка (ср. народн. -шекатурка) – *шыкЛэтур* (будто бы имеет отношение к каб. -черк. *шы* – лошадь + *клэ* – хвост); зоотехник-уст. *зэуэтехныч* (будто бы от *зауэ* – война, военный +- *техник*)-, комсомол – *клансэмо* (якобы от *клансэ* – веревка) и мн. др. (Ср. в русск. языке: *полуклиника* вм. *поликлиника*,

спинжак в.м. *пиджак*, детск. *улицонер* в.м. *милиционер*; у Лескова: *клеветон* в.м. *фельетон*, *мелкоскоп* в.м. *микроскоп*, *долбица умножения* в.м. *таблица умножения*, ресторан «*Паганистан*» в.м. «*Афганистан*», *плакончик* в.м. *флакончик*, *верояции* в.м. *вариации*, *удинения* в.м. *аудиенция*...

Из данных примеров видно, что авторы «народных» этимологий не утруждают себя подробным разъяснением всех элементов слова, ограничиваясь мотивировкой какой-то части его.

Определенный интерес представляют случаи «народной» этимологии, возникающие при усвоении собственных имен, фамилий. По свидетельству предания (Ногмов 1947: 38), «в древности наш народ не клялся именем всевышнего существа, но произносил для подтверждения истины имя уважаемого человека», и поэтому адыги, подчеркивая свое уважение к византийскому императору Юстиниану, клялись... «юстиниановым столом или троном. *Юстиниана* значит «юстинианов стол», *шот Юстюк* – «юстинианово седалище». Других данных об этом интересном факте Ногмов, к сожалению, не сообщает. Возникает, однако, вопрос: как это могло случиться, что древние адыги клялись «столом, троном юстиниановыми»? И почему именно столом и троном, а не душой или просто именем его, как это бывало и бывает? Перед нами, таким образом, необыкновенный случай из речевой практики адыгов, но тем не менее нет никаких оснований не верить Ногмову. Какие для этого имеются доводы? Здесь, по всей вероятности, произошло следующее. Наши предки, естественно, не понимали внутренней формы имени «Юстиниан», и они его восприняли по-своему, а именно: Юстин и *Иэнэ* – стол Юстина. В результате же такого народно-этимологического осмысления (или паронимической аттракции) этого имени адыги стали клясться, вместо *ЮстинианкIэ соIуэ* (клянусь Юстинианом), – *Юстин и ИэнэIэ соIуэ*, то есть «клянусь столом Юстина». И нет ничего невозможного в том, что понятие *Иэнэ* – «стол» могло ассоциироваться с понятием *шэнт* – «трон, седалище», почему возникло и другое, приведенное Ногмовым, выражение: *шот Юстюк* «седалище Юстюка (Юстина)», употреблявшееся адыгами в качестве клятвенного слова. Сближение элемента «иан» (в «ЮстинИАН») со словом *Иэнэ*, с точки зрения адыгов, было настолько естественным, что даже Ногмову казалось: «*Юстиниана*: значит юстинианов стол». Трудно сказать, как сам Ногмов объяснял лингвистическую сторону этого факта. Из формы *Юстюк* ясно видно, что «народная», этимология пошла еще дальше: «Юстиниан» превращено сначала в *Юстин и Иэнэ*, а затем выделенное «Юстин» вновь расчленено как *Юст + кьуэ*, то есть «сын Юста». Так просто и общепонятно народ «разъяснил» себе все непонятное в имени «Юстиниан», а что касается оставшегося от него обломка, кусочка (Юст), то он, очевидно, уже не мог подвергнуться дальнейшему дроблению в языке наших предков, так как «анализ» слова, его расщепление были доведены до состояния немотивированного знака, каким обычно выступают односложные корни, весьма характерные для адыгских языков.

В речевой практике народа отдельные иноязычные имена и фамилии могут быть приноровлены к фонетическим законам родного языка, к звуково-

му облику исконных слов, в результате чего возникают формы, сближенные с кабардино-черкесскими именами, названиями. Так, нами зафиксировано произношение некоторыми представителями старшего поколения кабардинцев и черкесов рус. Руслан как *Урыслан*, Петро – *ПэтӀырэ*, Ким – *Чым*, Ильяшенко – *ЛаиынкӀей*, рус. диал. Крикуноу – *КӀуркӀунау*, Хейфец – *ХьӀэфӀыцӀэ* и нек. др. Как свидетельствует история кабардино-русских отношений, аналогичные явления имеют место и в русском языке, когда адыгские имена и фамилии у русских летописцев, писарей, переводчиков, переписчиков и т.п. подвергались «народной» этимологии, которой обязаны своим возникновением следующие превращения: каб. *Алхъо* (Альхов) преобразовано в «Хохлов», *Аслънбэч* (Асланбек) – в «Исламбек, Сланбек», *Къэрэщей* (Карашаев) – «Хорошаев», *Енхъуэт* (*Енхотов*) – в «Яхонтов», *Бэрэдж* (Березгов) – в «Березко», *Безрыкъуэ* (Безроков) – в «Безруко», *Къетыкъуэ* (Кетуков) – в «Котуков», *Къэрдэн* (Карданов) – в «Гордан, Гардан, Курдан, Курдал», *Ечкан* (Ечканов) – в «Очеканов, Отчеканов», *Абрэдж* (Абрегов) – в «Обреков», *Срыкъуэ* (Сруков) – в «Суркай, Церков, Цырков», *Хъуэтэ* (Хотов) – в «Хата», *Къаницауэ* (Каншаов) – в «Кашов, Ковшов», *Мудар* (Мударов) – в «Молдаров», *Жэнбэч* (Жанбеков) – в «Жданбек» и др. (КРО 1957. Т. 1: 431-465; Т. 2: 393-408).

Нет ничего невозможного в том предположении, что если бы в те далекие времена существовала кабардинская письменность, последняя дала бы или сохранила бы не менее удивительные по форме и значительные по количеству случаи истинно народной этимологии русских собственных имен.

От «народной» этимологии принципиально отличается другое, быть может, не заслуживающее особого внимания явление, связанное обычно с баловством в речи, с сознательным искажением норм правильного словоупотребления. Например: *аркъэголик* – алкоголик, *салам алейкум* – привет налейкум и др. Отдельные представители молодежи (чаще всего из среды учащейся, студенческой) иногда прибегают к коверканью слов не в силу непонятности их значений или норм употребления, а из речевого озорства – чтобы смешить слушателя. Ср. из школьного и студенческого жаргона: локомотив – *лъакъуэмэтив* (сближено с каб. -черк. *лъакъуэ* – нога), комильфо – *къамыл фо* (увязано с *къамыл* – тростник и *фо* – мед) и др. Такого рода намеренно испорченные слова, по-видимому, не могут быть безоговорочно отнесены к фактам общенародного языка, следовательно, и к проявлениям «народной» этимологии.

Мы здесь коснулись лишь основных линий связи между паронимией и паронимической аттракцией («народной» этимологией), которые, несомненно, заслуживают специального исследования как в лингвистическом, так и в литературоведческом аспектах.

§5. Синонимия

В современной отечественной и зарубежной лингвистической литературе проблема синонимии остается в значительной мере спорной, а различные подходы к ней, по мнению К.С. Горбачевича, страдают односторонно-

стью и субъективизмом. Неплодотворным оказался отвлеченно логический подход к синонимам, т.к. при этом лингвистическое описание подменялось анализом содержания самих понятий. Неубедительным оказался и критерий общности номинативного совпадения, что приводило к бесконечному раздвижению синонимических гнезд. Таким образом, среди ученых до сих пор нет удовлетворительного решения данной проблемы, нет однозначного понимания самого главного постулата: тождество значений или близость значений слов лежит в основе синонимических отношений. Поэтому, считает К.С. Горбачевич, столь разноречивыми оказываются и предлагаемые классификации синонимов: идеографические и стилистические, однопредметные и разнопредметные, полные и неполные и т.д. (Горбачевич 2001: 6-7).

Синонимия – тождество или близость значений разных по звучанию единиц одного языкового уровня (слов, морфем и т.д.) с точки зрения семасиологии. Ср. ономазиологическое понимание синонимии как общности номинации, т.е. способности разных языковых единиц обозначать одно и то же денотативное (предметное) содержание: *говорить, болтать, бормотать* обозначают акт говорения (РЯЭ 1997: 465).

Выше было отмечено, что в разработке синонимии, как и некоторых других лексико-семантических групп, в кабардино-черкесском и в целом в адыгском языкознании достигнуты определенные успехи, связанные прежде всего с именами Н.Ф. Яковлева, А.К. Шагирова и др. Составлены словари синонимов.

Хотелось бы коснуться вкратце вопроса о специфике обогащения синонимии кабардино-черкесского языка в советскую эпоху, то есть в письменный период его развития.

Одно из основных положений современной лингвистики, согласно которому язык развивается не путем взрыва и быстрой смены, а путем постепенного накопления нового качества и медленного угасания старого качества, находит подтверждение в специфике обогащения синонимии языка, где наряду с древними словами часто параллельно существуют близкие с ними по семантике новые как исконные, так и заимствованные слова. С течением времени одни слова становятся более употребительными, которые иногда ограничивают и даже вытесняют старые. Приведем всего лишь несколько примеров. 1. В прошлом довольно активным словом было *дыгъэгъазэ* – подсолнух, образованное, кстати сказать, почти так же, как и структура его русского соответствия: *дыгъэгъазэ* – букв.: «поворачивающееся по солнцу». Однако в результате усвоения арабского слова *зафран* (каб. -черк. *сэхуран*) постепенно на задний план отодвигается *дыгъэгъазэ*. Затем в связи с русским влиянием значительная часть кабардинцев, черкесов и адыгейцев восприняла «семечко» (в двух значениях: подсолнух и семечки), которое стало употребляться параллельно с *сэхуран* и *дыгъэгъазэ* (ср. совр. каб. -черк: *семьшкIэ* и *сэхуран*, адыгейск. *тыгъэгъазэ* и *семчык*). В Сирии и Иордании адыги пользуются еще словом *дыгъэгъазэ* – *тыгъэгъазэ*. 2. Еще во времена Ногмова ка-

бардинцы употребляли в активном запасе заимствованное слово *бэрэдж* в значении «праздник» (рел.). Но оно уже устарело и как архаизм встречается лишь в фольклоре. *Бэрэдж* уступило место слову *махуэцI*, замененному, в свою очередь, современным книжным *махуэхуэ*. Однако и оно тоже не обещает быть единственным обозначением соответствующего понятия. Его современные кабардинцы и черкесы уже заменяют русским словом «праздник». В КРС читаем: «*праздник* – праздник». 3. В XVIII-XIX вв. кабардинцам и адыгейцам известно слово *зэнтхъ* – овес. В связи с распространением различных сельхозкультур, занесенных в Кабарду русскими, было заимствовано слово «овес», вытеснившее *зэнтхъ* из кабардино-черкесского языка. Правда, оно сохранилось у адыгейцев и черкесской диаспоры.

Однако в данное время мы располагаем несравненно большим количеством примеров параллельного использования исконного и заимствованного, чем случаями вытеснения исконных иноязычными. Благодаря русским заимствованиям не только расширились наличные в кабардино-черкесском языке синонимические гнезда, но и образовались новые пары и группы слов с близким значением. Это явилось одним из важных путей обогащения и усиления как коммуникативных, так и особенно экспрессивно-стилистических средств заимствующего языка. Приведем несколько иллюстраций. *ДгъэцIагъуэу деплът а къэхуам*, *ЗауэлI ди гъусэм Мыр жиIащ*: «Сэлэту зилъкIэ нып итIам Игу илътыр цэкIым къытехъуащ (Кешоков 1956: 123). Здесь автор пользуется в своей речи словом *зауэлI* (боец), а сам боец говорит *сэлэт* (солдат), в результате чего избегается тавтология.

Нэхъ псынциIэу врач къевгъэплъын хуеяц,- жеIэ дохутырым. «Надо было скорее показать врачу, – говорит доктор». *Ара Iуэхум хэцIыкIыр? – мэкIий фызыжъыр*. – ...*Сэри бынжэ нызоупцI*, *сымыIэзми*. – «Много ты понимаешь – шумит старуха. – Обрезать пуповину и я могу, хотя и не знахарь». Как видим, автор употребляет *дохутыр*, а сам доктор пользуется словом «*врач*», старушка же говорит *Iэзэ* – «знахарь» (Шомахов 1961: 76, 86).

В современном кабардино-черкесском языке мы наблюдаем массу случаев употребления русских слов для синонимического разнообразия.

Функционирование в кабардино-черкесском и других языках большого количества русских и других иноязычных слов, близких по смыслу с исконными, опровергает то утверждение, согласно которому заимствование происходит лишь только в результате обмена предметами и вещами. Исходя из этой теории, некоторые исследователи полагали, что заимствование может служить лишь средством обогащения количественного состава словаря, не влияя при этом на другие стороны языка. Однако при ближайшем рассмотрении особенностей современных взаимоотношений и взаимодействий русского языка и языков народов СНГ обнаруживается полная несостоятельность подобного подхода к проблемам заимствования и синонимов. Отмечая ошибочность такого одностороннего взгляда на заимствование, Л.П. Якубинский писал, что словарное заимствование «далеко не всегда является результатом

обмена предметами и понятиями (вещами)» и что «от таких лексических заимствований, которые являются результатом международного обмена предметами и понятиями, необходимо отличать другой тип заимствований, когда происходит замена своего чужим или возникновение наряду со своим словом -синонимичного (или синонимообразного). Отсюда ясно, что рассмотрение второго типа заимствований должно быть проводимо в связи с вопросом о замене слов в языке и о возникновении синонимов» (Якубинский 1986: 60). В. В. Виноградов тоже отмечал (Виноградов 1953: 15-16), что заимствования вызываются множеством причин, в которых играют роль « мотивы экспрессивного подбора, эстетической выразительности, побуждение эвфемистического и какофемистического характера, суеверное табу и т.д. ». Следует добавить, что среди факторов, обуславливающих заимствование, не последнее место занимает языковая мода. Она представляет известную силу и играет определенную роль особенно в период становления литературного языка, когда, с одной стороны, еще не выработаны четкие нормы как грамматики и стилистики, так и лексики и фразеологии, а с другой, - носители младописьменного языка испытывают влияние такого мощного средства межнационального общения, каким является русский язык. Благодаря этой моде в общенародную речь попадает множество слов и выражений, достигающих нередко пределов письменного, стандартизованного языка. Правильность приведенных мыслей Л.П. Якубинского и В. В. Виноградова подтверждается многими фактами современного кабардино-черкесского языка, в заимствованной лексике которого обнаруживаются не только слова, обозначающие новые, ранее не известные кабардинцам и черкесам предметы и понятия (*пальто, галифе, радио, электричество, революция, атом, реактор, космонавтика, кибернетика, стерео- , видеомagnetофон* и т.п.), но и немало таких, которые употребляются для синонимического разнообразия. Использование в современном кабардино-черкесском языке таких синонимических групп, как *сэлэт-зауэл* – *красноармеец – боец*; *хъумаклуэ – къэрэгъул – плъыр* – *сторож* – *пlамlрул* – *стражник – охранник* и т.п., обуславливается различными в своей основе причинами и побуждениями, но далеко не всегда настоящей необходимостью, непосредственно связанной с коммуникативной функцией языка. Тем не менее употребление подобных слов, по-видимому, необходимо в литературном языке, призванном отвечать тем важным требованиям, игнорирование которых несовместимо с выполнением им известных экспрессивно-орнаментальных и других стилистических задач.

Известно, что одним из важных аспектов синонимии является ее неразрывная связь с полисемией. В этом плане следует отметить, что в результате заимствования слов, близких по смыслу с исконными, некоторые из последних, максимально семантически насыщенные, постепенно утрачивают отдельные значения и тем самым ограничивается сфера их употребления, что, в свою очередь, влияет на дальнейшую судьбу полисемантического слова. «Вновь появившееся слово не могло не оказать влияния на близкое по значе-

нию слово, уже существовавшее в языке» (Будагов 1952: 75). Так, слово *дзэху* в недавнем прошлом, по свидетельству Лопатинского, употреблялось в значениях: 1. олово 2. оловянный 3. жесь 4. жестяной 5. жестянка 6. относящийся к «жестянка» 7. кружка 6. относящийся к «кружка». В результате заимствования русского «кружка» последнее захватило соответствующие значения из семантики *дзэху*. Что же касается значений «жесь», «жестянка» и образованных от них прилагательных, то они передаются теперь словом *къэнжал* (жесь). Таким образом, под влиянием «кружка» и *къэнжал* полисемантизм *дзэху* постепенно разрушается, оно теряет одно за другим свои значения и уступает их заимствованиям.

А.И. Кузнецова (1963: 55) приводит слова А. Рудскогера: «Полисемия разрушительна, пагубна. Нечеткость, двусмысленность значений является причиной утраты значений в слове; полисемия ни в одном слове полностью не сохраняется, обычно часть значений утрачивается». В связи с этим, естественно, возникает вопрос: прогрессивно ли это явление – потеря исконным словом того или иного значения? Не является ли это утратой для языка в целом? Прежде всего следует учесть, что слово, исконное или заимствованное, теряя часть своей семантики, тут же приобретает весьма важные качества – точность и ясность его смысловых границ. Что же касается «потерянного» значения, то оно в действительности теряется лишь для данного слова, а не для языка в целом, так как оно сохраняется в другом, усвоенном слове. В языке не происходит таких изменений, вследствие которых образовались бы бесфункциональные пустоты. «С точки зрения системности в широком смысле слова можно сказать, что задолго до выпадения какого-либо элемента из системы в норме языка уже существуют те элементы, которые возьмут на себя функции выпавшего элемента... Изменения не наносят языку таких «повреждений», которые так или иначе не были бы исправлены заранее или для которых бы не существовала возможность исправления» (Косериу 1963: 228). Одной из возможностей «исправления» «повреждений», производимых изменением в языковых системах, Э. Косериу считает длительное сосуществование старого и нового – «не только экстенсивно, но и интенсивно (в форме «вариантов» и «изофункциональных элементов» (Косериу 1963: 228). Разрушение полисемантизма ряда кабардинских слов как в результате дальнейшего развития самого национального языка, так и под влиянием определенных заимствований нельзя считать потерей для языка в целом еще и потому, что усвоенные слова не пассивно хранятся в словаре, а активно функционируют в речевой практике народа, вступая в разнообразные семантические, словообразовательные, фразеологические и иные связи и отношения с исконными, участвуя в создании или в обогащении различных лексико-семантических микросистем – синонимов, антонимов, омонимов, паронимов и их разновидностей. Особенно заметно расширение состава такой важной области лексики кабардино-черкесского языка, как синонимика. В настоящее время наблюда-

ются многочисленные синонимические группы, обогащенные, а нередко и заново образованные за счет исконных, русских и других слов. Например:

хабзэ – закон	псалъэ – предложенэ (общ. -полит.)
мыжурэ- штык	махуэшхуэ – праздник
кьалэ – город	пщыхъэшхъэ – вечер
щыхъэр – столица	хъэщIэщ – гостиницэ
тезыр – штраф	бжьыхъэкIапэ – карниз
кьат – этаж	письмоульэ – конверт
шайефapIэ -чайнэ	письмо – сэлам тхыль
мышъур – печать	щхъэфIэпхыкI – плэтоку
еджапIэ – школ	егъэджакIуэ – учитель- преподаватель
усакIуэ – поэт	зэфIэгъэкI – жэрдэм – инициативэ
тхакIуэ – писатель	бжыгъэ – арифметикэ – есеп
пхъуантэ -шумэдан	тхэкIэ – почерк – хъэтI
сэхуран – семейшкIэ	дерс – урок – заданэ
дакъикъэ – минут	поштзехъэ – почтальон – письмозехъэ
хэку – родинэ	уэчыл – защитник – адвокат
саугъэт – премэ	шIэныгъэ – наукэ – хылым
дзэ – армэ	дохутыр-врач – Iззэ-лекры-фершыл
зауэлI – сэлэт	кьалэм-ручкэ – авторучкIэ
уэзджынэ – звонок	еджагъэшхуэ – щIэныгъэлI-ученэ
пщэфIапIэ – кухнэ	кхъуэфжъей – лодкэ-къэякъ
словарь – псалъальэ-псалъэтхыль – лексикон и мн. др.	

Синонимика кабардино-черкесского языка расширилась и за счет таких заимствований, которые представляют собой различные формы речевого этикета, как приветствие, пожелание, обращение и т. п., довольно широко употребляющиеся в устной речи современными кабардинцами и черкесами (ср.: *здравстуй, привет, с приездом, спасибо, пожалуйста, до свиданья, по-здравляю, доброе утро (день, вечер), спокойной ночи, приятного аппетита* и т. п.; *мама, папа, бабушка, дедушка, дядя, тетя*). Последние могут употребляться и как обычные лексические единицы. Ср.: *Ар си мамэщ (папэщ, бабушкэщ, дедушкэщ...)* – Это моя мама (папа, бабушка, дедушка...). Заслуживает внимания и такое явление, когда русские слова употребляются (опять-таки в устной речи пожилых людей) в паре с их кабардино-черкесскими соответствиями. Например: *къэл – мэшоку, лъэпэд – нэскIий, маслээ – дагъэ, пэлыэщI – бэлытоку, плэтоку – щхъэфIэпхыкI, нэган – кIэрахъуэ, уэздыгъэ – лампI* и др. Таким же путем возникло и *пэихъэку*, исторически разлагаемое на *пэи* (из русск. «печь», которое в результате переноса семантики приобрело значение «комната») и кабардино-черкесское *хъэку* – «печка». Такого рода факты нельзя отождествлять с парными «сочетаниями», вторая часть которых бессмысленна: *стIол-бжъэл, къзрэндащ-мэрэндащ, джэсд-бжъэд* и т.п., как и в русском языке: *деньги-меньги, харчи-марчи, куклы-муклы* и т. п.

Правда, такие бессмысленные элементы могут приобрести определенные реальные значения в специально сочиненных шутках, анекдотах, художественных произведениях. Поскольку подлинными синонимами обычно могут быть не одинаковые, а близкие по значению слова, то они почти всегда различаются между собой или семантикой, или эмоционально-экспрессивной окраской, или стилистической принадлежностью, или употребляемостью, или, наконец, валентностными способностями. Среди них довольно редки лексические дублиеты – абсолютные синонимы, которые можно назвать омосемией. По мнению Н. М. Шанского (1972: 52), «существование их в языке ничем не оправдано и представляет собой явление переходное», что, в конечном счете, должно привести если не к исчезновению, то к дифференциации их функций.

В исконной и заимствованной лексике кабардино-черкесского языка наблюдаются, кроме синонимов в собственном смысле слова, также различные их разновидности. Мы имеем в виду используемые в устной речи, нередко и в письменной речи слова эвфемистического характера, употребляемые во избежание грубого или иного неприятного оттенка отдельных лексических единиц, когда говорящий не желает пользоваться прямыми названиями некоторых явлений, вещей, предметов, представляющими неудобство в данной ситуации или контексте. Известно, что наиболее подходящими альтернативными формами для смягчения и замены грубых слов и выражений часто оказываются заимствования в силу того, что морфологический состав, а нередко и сама семантика их, или внутренняя форма, недостаточно понятны носителям заимствующего языка. Разумеется, это не означает, что иноязычные эвфемизмы в строго научном, этимологическом смысле мягче, нежнее исконных, но говорящий коллектив воспринимает их именно как более приличные, удобные, благопристойные ввиду непрозрачности их внутренней формы. Например: *акушерка* вм. *фызгъальхуэ*, *роддом* вм. *лхуэц* или *лхуапIэ унэ*, *запор* вм. *зэ-кIуэцIына*, *простуд* вм. *пэкъыж* или *пыхусыху*, *понос* вм. *ныбажэ* и др.

От эвфемизма отграничивают табу – «запрет на употребление определенных слов» по социально-политическим, историческим, культурным, религиозным, этическим или эмоциональным соображениям (Варбот 1979: 345). Поскольку табу вынуждало людей создавать особые слова либо употреблять известные в необычном значении, то в роли таких слов могли выступать и исконные, и заимствованные. Так, замужние кабардинки и черкешенки в прошлом не могли себе позволить произносить имя мужа, равно как имена его родителей, братьев и некоторых других близких родственников преимущественно старшего поколения мужского пола. Это, понятно, вызывало известные неудобства в речевой практике. Особенно серьезные осложнения возникали в тех случаях, когда именами родственников мужа оказывались слова, омонимичные с обычными лексическими единицами из активного запаса. Так, нам доподлинно известен случай, когда вся «пришлая» женская часть одного большого рода (клана) в сел. Шалушка (КБР) вынуждена была

выбросить на долгое время из своего лексикона такие необходимые слова, как *къарэ* – карий, черный, вороной: *фЫцІэ* – черный смуглый, темный и *фЫцІэжэ* – пренебреж. черный, чернявый; пика (масть игральных карт). Причина столь необычного наказания женщин состояла как раз в том, что двоим из мужчин в свое время так неосторожно дали имена *ФЫцІэжэ* и *Къарэ*, поневоле наложившие строжайший запрет на ряд жизненно важных слов. Но, к счастью тех женщин, в кабардино-черкесском языке был еще один, хотя и неравноценный, синоним. Это *кЫфІ* – темный, которое, как фразеологически связанное, употребляется в общенародной речи лишь со словом *жэц* – ночь. Забавно было со стороны слушать, когда говорили эти женщины: прилагательное *кЫфІ* они сочетали со словами *къэрэндац* – карандаш, *цІалэ* – парень, *шы* – лошадь, *хъэ* – собака, *лъэнэд* – носки, чулки, *цэкІ* – ткань, *Іуданэ* – нитка, *цхъэц* – волосы... то есть со всеми на свете словами, выражающими явления, понятия, вещи, которые могли быть темными, черными, вороными, смуглыми, карими. Если перевести на русский язык те выражения, которые создавались при этом, получится примерно следующее: смуглое платье, каряя ночь, вороные глаза, карие чулки, смуглый жеребец, вороной карандаш и т.п. Со смертью старших запрет с этих слов был снят, однако пожилые женщины до сих пор не могут избавиться от прежней привычки.

Следует упомянуть еще об одном традиционном явлении. В присутствии других кабардинки и черкешенки в прошлом не могли произносить *сиІ* – мой муж, поэтому о муже говорили: *езыр* – сам, *мыр* – этот, *мор* – тот, *цхъэгъусэ* – супруг и др. В свою очередь, мужчины – кабардинцы и черкесы – тоже не называли своих жен по имени или *си фыз* – моя жена, выражаясь словами: *езыр*, *мыр*, *мор*, *цхъэгъусэ*, *унэгъуацэ* – домохозяйка и т. п. Это обстоятельство, несомненно, способствовало заимствованию слов «хозяин» и «хозяйка», произносимых пожилыми людьми как *хозян*, *хозянкІэ*.

Как свидетельствуют данные языка, чаще всего табуированию подвергались названия болезней, произнесение которых, по мнению суеверных, могло бы вызвать сами болезни. С этим связано нежелание отдельных представителей старшего поколения употреблять слова *тало*, *емынэ*, *жъэн*, *хуабэуз* и т.п. о которых говорят завуалированно, намеками или же русскими заимствованиями: *холера*, *чума*, *тиф*, *чахотка*, *туберкулез*. Табуированию подвергались также в прошлом названия некоторых природных, стихийных явлений.

Лексическим единицам, употребляемым для смягчения грубого непроизносительного их оттенка, диаметрально противоположны слова какофемистического характера. Наряду с исконными здесь мы имеем также немало заимствований из русского языка: *дурак*, *босьяк*, *черт*, *подлец*, *псих*, *сумэшэи* (сумасшедший), *хулиган*, *сволочь*, *подхалим*, *болван* и другие, довольно часто употребляющиеся для большей язвительности, усиления выразительности в устной речи кабардинцев и черкесов.

Приведенные факты достаточно убедительно говорят, что синонимы представляют собой определенную микросистему в словарном составе языка,

которая благодаря социально-экономическим и культурным преобразованиям, а также мощному влиянию русского языка заметно обогатилась и получила дальнейшее свое развитие.

§6. Антонимия

Антонимы – лексико-семантическая группа, объединенная противоположностью значений. Сюда включаются слова, обозначающие обычно качества в широком смысле слова, традиционно называемые антонимами, а также случаи энантиосемии. Антонимия – важное и довольно часто проявляющееся свидетельство системности лексики. Один из основоположников системного подхода к исследованию семантики М.М. Покровский (1959: 82) не раз отмечал, что слова живут не изолированно, а объединяются в различные группы, «причем основанием для группировки служат сходство или прямая противоположность по основному значению». По мнению Ш. Балли, антонимия – естественное явление, неразрывно связанное с природной склонностью человека. Хотя научное изучение антонимии началось сравнительно недавно, в ее исследовании достигнуты значительные успехи как у нас, так и за рубежом, о чём свидетельствует появление в последнее время ряда крупных монографий и лексикографических работ, принадлежащих перу Л.А. Новикова (1966, 1973), Л.А. Введенской (1971), Н.П. Колесникова (1972), Ю.Д. Апресяна (1974), М.Р. Львова (1978; 1984), В.А. Ивановой (1982) и др.

Слова языка оказываются более или менее тесно связанными не только на основании их ассоциативной связи по сходству формы, функции или смежности как разные значения полисемантического слова, но и на основании сходства их противоположности как антонимы (*дахэ* – красивый; *лей* – безобразный; *льагэ* – высокий; *льахъиэ* – низкий и т. п.). Нельзя не согласиться с Л.А. Новиковым (1984: 6), утверждающим, что антонимия является одной из важнейших лингвистических универсалий, одним из существенных измерений лексико-семантической системы различных языков мира. О системности лексики свидетельствует не только взаимосвязанность антонимических единиц, но и связь последних с целым рядом иных категорий лексических единиц, в частности с синонимами и омонимами. Отсюда понятно, почему антонимия довольно часто находит отражение в словарях синонимов. Немало примеров подтверждения этого положения мы найдем в дореволюционном словаре Н. Абрамова (1900), новых академическом двухтомном (1970-1971) и словаре-справочнике синонимов (1975).

Впервые антонимы в кабардино-черкесском языке в научном плане описаны Н.Ф. Яковлевым (1948: 130-131). Здесь наряду с традиционными, обычными антонимами (*цлэ* – новый, молодой; *жсы* – старый, престарелый; *ин* – большой; *цлыкфу* – маленький и т.п.) автор обнаружил и такие антонимы, «которые совпадают в звуках», то есть звучании, и одновременно являются и омонимами. Н. Ф. Яковлев называет их омоантонимами. Например: *нэ* – начало и конец (ср.:

къамэпэ – кончик кинжала, *къэрэндацыпэ* – кончик карандаша, *мазэпэ* – начало месяца, *псыпэ* – начало потока, устье реки). *Хъэсэпэ* может обозначать: «дальний конец земледельческой полосы (участка)», если говорящий стоит лицом к ней (так как *хъэсэпэ* букв. значит «передний край, конец участка», то есть «конец, обращенный вперед»), и «ближний конец- начало земледельческой полосы». *Щхъэ* – обычно «верх» (букв. «голова»), но оно может обозначать и верхнюю плодоносящую часть хлебного растения, и нижнюю плодоносящую часть овоща (ср.: *мэшы́м* и *и́хъэ* – кисть проса, *семы́шклати́хъэ* – шляпка подсолнуха, *къэбы-стаи́хъэ* – качан капусты, *бжэ́ыныи́хъэ* – головка лука и т.п.). Мы здесь видим, заключает Н.Ф. Яковлев, как одно и то же слово-понятие превращается в свою противоположность: передний конец становится задним концом, начало превращается в конец, верх – в низ (Яковлев 1948: 131).

Традиционно антонимы рассматриваются с точки зрения структурной, семантической и функционально-деривационной классификации. В работе А.К. Шагирова дана структурная классификация, в которой выделяются две группы; 1. Антонимы, в структуре которых нет общих элементов (*пэж* – правда: *пцIы* – ложь; *махуэ* – день: *жэц* – ночь и т.п.); 2. Антонимы, в структуре которых есть общие корневые или словообразовательные элементы (*лыагэ* – высокий: *лыахыиэ* – низкий; *кIыхъ* – длинный: *кIэцI* – короткий и т.п.) (Шагиров 1962: 45).

Необходимо подчеркнуть, что слова типа *пэ* – «начало» и «конец», *и́хъэ* – «верх» и «низ» и т.п. не были подвергнуты дальнейшему исследованию, хотя и представляют такое важное явление, как поляризация значений, названная впоследствии в специальной литературе энантиосемией. Правда, это явление давно замечено и лингвистами, и философами. В предисловии к «Науке логики» Гегель (1970. Т. 1; 82) писал, что многие слова «обладают не только различными, но и противоположными значениями», и ссылаясь на явление энантиосемии. В числе первых в русистике, как известно, об этом явлении языка писал еще в 1884 году В. Шерцль (1973: 259-264), приводивший (правда, несколько смешивая два уровня – диахронию и синхронию) многочисленные примеры из разных языков – латинского, чешского, болгарского, польского и др. Ср.: в славянском корне «вонь» из первоначального значения «запах» развиваются два противоположных значения – «аромат» и «дурной запах», в чешском и словацком – «благоухание, аромат», в болгарском и польском «вонь, зловоние». Следует иметь в виду, что, автор отмечает это явление не внутри одного языка, а в разных языках. В русском языке мы имеем: «Солнце жжет кожу» и «Мороз жжет лицо»; в каб. -черк. языке: *МафIэм (дыгъэм) сес* – Огонь (солнце) жжет меня; *ЩIыIэм (уаэм) сес* – Холод (мороз) жжет меня. Ср. также: *уасэниэ* – бесценный и *уасэ илэкъым* – не имеет цены, которые могут быть поняты в противоположных значениях.

В кабардино-черкесском, как, впрочем, и других языках, антонимия встречается реже, чем, например, синонимия. Тем более примечательно, что эта лексико-семантическая система кабардино-черкесского языка получила заметное пополнение и развитие за годы советской власти, что связано как с внутривидовыми изменениями самого языка, так и в немалой степени с влиянием русского языка. Поскольку антонимами могут быть только слова, обладающие контрастными значениями и при этом объединенные одним общим понятием, то возникновение или заимствование одного из моносемантических членов антонимической пары, как можно судить по нашим наблюдениям, встречается редко. Иначе говоря, как правило, антонимичные пары появляются почти одновременно. Или же если заимствуется какое-нибудь терминологическое слово, обычно усваивается и другое, противоположное ему. Во всяком случае, такой вывод напрашивается *при* рассмотрении вновь появившихся в кабардино-черкесском языке антонимов. Например: *стих: прозэ, революцэ: контрреволюцэ, общэ, частнэ, левэ: правэ, краснэ: белэ* (общ., -полит.), *краснэ: белэ* (детск. игра), *старшэ: младшэ* (напр., лейтенант), *юг: север, южнэ: севернэ, запад: восток, западнэ: восточнэ, Запад: Восток, народнэ: антинароднэ, прогрессивнэ: реакционнэ, наступленэ: отступленэ, плюс- минус, материализм: идеализм, материальнэ: духовнэ* и мн. др. Вместе с национальными вариантами употребляются, возможно, даже иногда чаще русские соответствия географических названий. Например: *Верхнэ Акъбащ* – Верхний Акбаш. *Нижнэ Шэрэдж* – Нижний Черек. *Новэ Балкарне* – Новая Балкария, *Старэ Урых* – Старый Урух и др. Надо отметить, что в отношении некоторых названий национальных вариантов обычно не имеется. Так, не приходилось слышать и читать *Балъкъэрыцлэ* (о Новой Балкарии) или *Урыхужь* (о Старом Урухе).

Приведенные антонимы в основном однозначны, поэтому, естественно, они покрывают друг друга почти во всех контекстах. Но если заимствуются полисемантические слова, картина заметно меняется. Возьмем другие пары: *советскэ: антисоветскэ, партийнэ: антипартийнэ*. Покрывает ли каждый член из этих рядов соответствующий член во всех контекстах? Разумеется, нет. Кроме тех главных, противоположных друг другу значений, которые прежде всего возникают в нашем сознании при первом взгляде на ряд «*советскэ: антисоветскэ*», слово *советскэ* имеет в кабардино-черкесском языке еще и другие значения, в частности, оно употребляется в смысле: советская власть, Советский Союз. Например, в романе А. Кешокова и у многих других авторов сплошь и рядом слово *советскэ* используется в значении «советская власть». Эта особенность характерна не только для речи героев, но и для языка самих авторов. Ср. из речи героев: *А зи уз кфуэдын, зи тетыгъуэр кыхъ хъун, советскэм и нэфI зыцыхуэн...* – Да исчезнут твои болезни, да будет долгим твое правление, да чтобы сам ты был обласкан советским (советской властью); Советскэр *къэрэхъэлъкъ власту жалэ* – Говорят, что советский – это власть простого народа; из авторской речи: *Къазджэрий со-*

ветскэмрэ *шэрихъэтымрэ зэдигъэпсэун и гугъэт* – Казгерий думал о совместной деятельности советского и шариата (Кешоков 1960. Кн. 2: 11-15).

Из приведенных примеров видно своеобразие употребления *советскэ*, которому не может противопоставляться в качестве антонима слово *антисоветскэ*. Аналогично этому и функционирование членов пары *партийнэ: антипартийнэ*. Первый может употребляться в кабардино-черкесском языке и в значении «член партии», тогда как второе не может выступать в качестве его антонима. В последнем случае таковым будет употребляющееся в устной речи *беспартийна*. Причина такого функционирования слов состоит в том, что одни лексические единицы полисемантичны (например, *советскэ, партийнэ*), другие же моносемантичны (*антипартийнэ, антисоветскэ*). С сожалением приходится отмечать, что данная специфика функционирования этих и подобных им слов в современном кабардино-черкесском языке все еще остается за пределами лексикографических изданий. Это вновь подтверждает ранее высказанное положение о том, что от составителей словарей ускользают важные лексико-семантические варианты ряда активных слов.

В специальной литературе не раз отмечалось, что для правильного выбора антонимов необходим «учет разветвления принадлежащих слову значений» (Булаховский 1954: 44). В этом плане интересна специфика употребления слова «простой», полисемантизм которого притягивает к себе множество антонимов и синонимов. В устной речи кабардинцев и черкесов довольно большое распространение имеют следующие антонимические ряды, образуемые противоположными понятиями «простой: сложный»:

- 1) *простой: сложнэ* (о предложении),
- 2) *простой: зэхэлъ* – сложный (о телах, веществах),
- 3) *простой: химическэ* (о карандаше),
- 4) *простой: гугъу* – трудный (о задаче, деле),
- 5) *простой: гъэццIэрэццIа* – нарядный (об одежде),
- 6) *простой: лъапIэ, дэгъуэ, фIы* – качественный (о ткани),
- 7) *простой: пагэ* – гордый (о человеке),
- 8) *простой: фIэрыццI, тэфэтэлэ* – поддельный, притворный (о человеке),
- 9) *простой: унафIэццI, къулыкъуццIэ* (просторечн.) – высокопоставленный (о человеке),
- 10) *простой: хабзэццIэкъу, нэмысццIэкъу* – церемонный (о человеке),
- 11) *простой: уэркъ* (устар.) – дворянский, привилегированный (устар. о человеке, классе).

Кроме отмеченных, при обозначении почтовых отправлений слово «простой» может иметь еще несколько антонимов:

- 12) *простой: заказной* (о письме),
13. *простой: ценнэ* (о письме, бандероли),
- 14) *простой: авиа* (о почте и ее спешности).

Действительная жизнь этого слова в устном кабардинском языке, быть может, несколько иная и отличается еще большей сложностью, но достаточ-

но и приведенных примеров, чтобы представить себе роль и место его в заимствовавшем языке.

В письменном языке, который еще не принял приведенных выше антонимических рядов, можно наблюдать следующую картину функционирования (поведения) *кызырык*лүэ -простой:

- 1) *кызырык*лүэ: *зэхэлъ*² (о предложении),
- 2) *кызырык*лүэ, *зы закъуэу цыт*: *куэду зэхэлъ* (о телах, веществах) ,
- 3) *простой*: *химическэ* (о карандаше),
- 4) *кызырык*лүэ, *тыни*, *кызырегуэ*л: *гугъу, зэхэцIыкIыгъуей** (о задаче),
- 5) *кызырыгуэ*л, *кызырык*лүэ: *гъэцIэрэцIа* {об одежде),
- 6) *кызырык*лүэ: *фIагъ зыхэлъ ** (о ткани);
- 7) *кызырыгуэ*л: *пагэ* (о человеке),
- 8) *кызырык*лүэ: *фэрыцI, тэфэтэлэ* (о человеке),
- 9) *кызырыгуэ*л: *унафэ зыбгъэдэлъ, жэуаптакIуэу цыт* (о человеке),
- 10) *кызырык*лүэ, *кызырыгуэ*л: *хабзэцIэкъу, нэмысцIэкъу** (о человеке),
- 11) *кызырык*лүэ, *кызырыгуэ*л: *уэркъ*, ср. также: *бей, къулей* (о человеке),
- 12) *кызырык*лүэ, *кызырыгуэ*л: *заказной ** (о письме),
- 13) *кызырык*лүэ, *кызырыгуэ*л: *уасэ цхъэхуэ зыцIата* (о письме),
- 14) *кызырыгуэ*л, *кызырык*лүэ: *кхъухълатэ поцIту ** (о почте, ее спешности).

Из данных примеров видно, что более щепетильный и, в известном смысле, консервативный письменный язык проявляет тенденцию к передаче почти всех контекстуальных значений «простой» словами *кызырык*лүэ, *кызырыгуэ*л, тогда как более восприимчивый и чувствительный устный язык не придает столь важного значения этим двум синонимам, почему и последние не замещают всех лексико-семантических вариантов русского «простой». С точки зрения удобства (экономичности, лаконичности) известное преимущество обнаруживают первые ряды, что и обуславливает их распространение в устном языке. Но легко заметить, что и устный, и письменный виды языка, по существу, имеют дело с одним и тем же объектом (по-разному воспринимаемым и отражаемым ими) – влиянием русского языка: если первый прямо, так сказать, берет быка за рога, непосредственно заимствуя русское слово «простой», то второй делает то же самое, но косвенно, через семантическое калькирование.

Мы, разумеется, далеки от мысли считать приведенную картину единственно возможной в современном кабардино-черкесском языке, где происходит весьма сложный процесс переплетения и смешения лексико-семантических, лексико-стилистических и других особенностей двух языков – влияющего, русского, и поглощающего, кабардино-черкесского.

В дореволюционном кабардино-черкесском языке встречается очень мало заимствований-антонимов из русского языка. Это объясняется отсутствием в прошлом многостороннего (устного и письменного) общения между

² Отмеченные здесь и далее слова-антонимы взяты из РКЧС.

нашими народами. Несмотря на многовековую и довольно разностороннюю связь кабардинцев и черкесов с русскими, при отсутствии письменности это не могло привести к глубоким языковым контактам, условия для которых создаются только в начале 20-х годов XX в. благодаря появлению национальной письменности и возможности массового изучения и тесного приобщения кабардинцев и черкесов к языку и культуре русского народа. Следовательно, более серьезное обогащение антонимии кабардино-черкесского языка за счет русских заимствований начинается в советскую эпоху. Если до Октябрьской революции, пожалуй, беспредметно было бы говорить об образовании смешанных антонимических рядов – из русского и кабардино-черкесского языков (Ср. такие редкие случаи, как *фейдэ: убиткIэ*], то за годы советской власти появились факты, свидетельствующие о наличии подобной тенденции в кабардино-черкесском языке. Интересны в этом плане случаи употребления некоторых русских заимствований. Так, слово «мир» (тишина) не является литературным заимствованием, но трудно найти теперь кабардинца или черкеса, которые не знали бы этого слова. Сплошь и рядом слышишь от стариков во время торжеств, провозглашения здравий или выражения какого-нибудь пожелания: *Дунеър миру щрет*, *зауэ щремыIэ* – Пусть на земле будет мир, да войны не будет. Здесь «мир – зауэ» – типичный антонимический ряд. Ср. также: *Фейдэ уимыIэм – убиткэр хьэзыриц* – Коли нет прибыли – убыток тут как тут. В письменном языке употребляется слово *крупнэ* в составе некоторых сочетаний, например, *крупнэ буржуазие*, тогда как «мелкий» переводится словом *жьгьей*, например, *буржуазие жьгьей* (мелкая буржуазия), чем создается антонимический ряд – *крупнэ: жьгьей*. Нам представляется несколько нелогичным подход переводчиков, разрывающих антонимический ряд *пIацэ: жьгьей* – крупный: мелкий. Почему нельзя говорить: *буржуазие пIацэ*? Это вполне вписывается в общую картину языка, где имеем: *шэпхъ пIацэ* – крупная дробь, *бдзэжьей пIацэ* – крупная рыба, *кхъуэпIацэ* – кабан дикий и мн. др. Еще один пример. Довольно часто в речи старшего поколения используется выражение *старэ рэжим* (старый режим), но нет его антонима *новэ рэжим*. В данном случае эту роль выполняло сочетание *советски власть*, или просто *власть*, или же *советскэ*. Как антоним выражения *старэ рэжим* может выступать исконное *иджы* (теперь).

Современное развитие кабардино-черкесского языка свидетельствует о том, что, наряду с постоянным ростом числа таких гибридных образований (типа *мир: зауэ; крупнэ: жьгьей*), действует другая, противоположная тенденция, ведущая к разрушению генетически разных рядов и созданию антонимов генетически однородных. Так, современная молодежь, с одной стороны, соединяет такие слова, как *нарочнэу: случайнэу, крупнэ: мелкэ* и т. п., но, с другой стороны, разъединяет антонимы *мир: зауэ, старэ рэжим: иджы*, предпочитая им пары – *мамырыгъэ: зауэ, насэ зэманым: иджы* и т.п. Вопрос о том, какой из двух этих тенденций принадлежит будущее, может быть решен лишь при специальном исследовании. Однако, исходя из имеющихся

фактов, можно предположить, что гибридные антонимические ряды, число которых, по-видимому, все еще будет увеличиваться и в дальнейшем, не разовьются до такой степени, чтобы соперничать по количеству с однородными образованиями, широко используемыми современными кабардинцами и черкесами. Что же касается генетического состава основной массы антонимов, то, естественно, она преимущественно состоит из исконного материала.

§7. Семантическое поле

Семантическое поле как лингвистический термин употребляется в двух значениях: «1. Частица («кусочек») действительности, выделяемая в человеческом опыте и теоретически имеющая в данном языке соответствие в виде более или менее автономной лексической микросистемы-(Семантическое поле радости. Семантическое поле времени). 2. Совокупность слов и выражений, составляющих тематический ряд, слова и выражения языка, в своей совокупности покрывающие определенную область знаний (слова, относящиеся в данном языке к одному из семантических полей (в первом значении), например, к полю времени – час, продолжительность, скоро и т. п.» (Ахманова 1966: 334). Вопрос о семантическом поле является одним из дискуссионных в современной отечественной и зарубежной лингвистике. Довольно часто семантическое поле приравнивается к лексико-тематической группе слов. Именно так рассматривается оно в одном из наиболее известных учебных пособий по общему языкознанию, где читаем: «Тематические группы слов, или семантические поля, образуются из лексем, связанных между собой по значению на основании какой-либо общности тех экстралингвистических реалий, которые обозначены этими словами» (Плотников 1983: 190).

Существуют и другие точки зрения на «семантические поля», изложенные в большом количестве работ, авторы которых претендуют на то, что их подход является полевым, «однако для многих из них характерно отсутствие аргументов, почему данный подход следует считать полевым и почему несколько недоказываемых утверждений авторы рассматривают как теорию поля» (Щур 1974: 19). В литературе известно множество терминов с компонентом «поле», при этом понять, что вкладывается в этот термин, можно лишь эмпирически. Вот неполный список этих терминов: *функционально-семантические поля, морфемные поля, фонемные поля, словообразовательные поля, микро- и макрополя, поле множественности, поле залоговости, модальное поле, компаративное поле, поле одушевленности, поле неодушевленности, указательное поле, поле времени, микрополе предложения, микрополе числа, поле утверждения, поле отрицания, поле вопросительности, понятийное поле, микрополе единичности, микрополе прошедшего, настоящего, будущего, поле действительности, поле недействительности, поле фауны, поле побуждения, потенциально-ирреальное микрополе, поле лица (антропонимическое поле), грамматико-лексические поля, трансформационные*

поля, реляционные поля, поле места, поле деятеля, поле действия, поле вещи, поле отвлеченности, поле состояния, поле орудий действия, квазиполе, дисперсное поле (Щур 1974: 21), *концептуальное поле, указывающее поле, символическое поле* (Ахманова 1966: 334), *лексико-грамматическое поле, синтактико-семантическое поле* (Минина 1975: 175). Итак, понятие «поле» в лингвистике весьма популярно, но далеко не однозначно. Оно стало активным термином после работ Г. Ипсена, определившего поле как совокупность слов, обладающих общим значением. Однако полевой подход, в основе которого лежит исследование групп слов, близких по значению, согласно мнению И. Трира и Е.А. Найды, восходит к В. Гумбольдту и Г. Остгофу. Последний, правда, употреблял при описании лексики термин «система», а не «поле» (Щур 1974: 22-23). По мнению некоторых, заслугой И. Трира является то, что он расчленил понятия «лексическое» и «понятийное» поле и ввел в лингвистический обиход эти термины. В свою очередь, сам И. Трир, отвечая критикам его концепции, неоднократно, в частности в 1968 г., подчеркивал, что его подход был продиктован не общефилософскими или общелингвистическим и, а чисто практическими соображениями. Его, по словам Г.С. Щура, интересовало, что может быть взято за основу при вычленении определенной совокупности слов из общего лексикона. В качестве такого критерия он принял наличие общих значений у данной группы слов. Но, видя, что по другим, значениям эти же слова входят и в иные группы, более надежным он счел «общее понятие» или загадочный «понятийный абсолюте», поскольку таким образом удавалось провести границу между данной и другими группами слов (Щур 1974: 24). Разнобой в терминах при обозначении такой совокупности в его работах сам И. Трир объясняет тем, что он долго не мог найти подходящего термина, пока не встретился у Ипсена с термином «семантическое поле», который, по его мнению, отражал идею общности семантического признака и представлялся ему применимым к группе лексем.

Проблемы теории поля довольно обстоятельно рассмотрены в исследовании Г.С. Щура (1974) и в целом ряде работ других авторов, однако, на наш взгляд, наиболее полно и научно аргументированно теория поля проанализирована в фундаментальном труде Ю.Н. Караулова (1976), учитывающем, пожалуй, все, чем располагает современная отечественная и зарубежная лексикология и теоретическая лексикография по данной проблеме. Достаточно сказать, что Ю.Н. Караулов, прежде чем приступить к изложению своего понимания проблемы, подвергает тщательному разбору более 30 определений семантического поля, классифицируемых им в три группы по следующим признакам:

1. Общие определения поля как «единицы» лексико-семантической системы. Здесь приведено 14 определений, принадлежащих отечественным и зарубежным лингвистам.

2. Определения по свойствам. В этой группе представлено 9 дефиниций.

3. Определения по принципам внутренней организации. Данная группа включает 8 определений (Караулов 1976: 23-34).

Всесторонний анализ данных определений, сопровождаемый конструктивными предложениями автора, дается на протяжении всей исследовательской части рассматриваемого труда. Подробно не останавливаясь здесь на этой монографии, хотелось бы отметить несколько важных ее положений, которые, наряду с другими, свидетельствуют о глубоком проникновении в суть проблемы.

В связи с изучением теории поля и задачей разработки принципов идеографического словаря создалось нечто вроде парадоксального положения, на что справедливо указывает Ю.Н. Караулов. Стало очевидным, что вопросы, связанные со структурой идеографического словаря-с классификацией лексики, дефинициями слов, семантическими отношениями между единицами словаря,- выходят за пределы лексикографии, являются чисто лексикологическими, то есть вопросами системности самого объекта. Поскольку идеографический словарь, отмечает Ю. Н. Караулов, оперирует группами слов, казалось бы, должно определиться отношение принципов такого словаря к теории, в которой системность лексики трактуется тоже на основе групп подобного рода, а именно к теории поля. Однако этого не происходит. Как это ни странно, составители словарей и теоретики идеографического описания лексики, с одной стороны, либо выступают в роли критиков теории поля, как Дорнзайф, либо вообще игнорируют существование этой теории (Караулов 1976: 22). С другой стороны, исследователи теории и практики семантических полей не могут перешагнуть демаркационную линию между лексикологией, к которой относится теория поля, и лексикографией, в рамках которой, по их мнению, только и должны рассматриваться идеографические словари. В результате такого досадного положения до сих пор у нас не было создано идеографического словаря. Наилучшим разрешением данного противоречия служит, как нам представляется, монография Ю.Н. Караулова, в которой довольно многосторонне обсуждаются такие кардинальные вопросы общей и русской идеографии, как проблематика семантического поля, свойства словаря как особого способа организации знаков, преломление системных свойств в словаре. Благодаря данному труду и последовавшим за ним работам Ю.Н. Караулова удалось создать впервые в отечественной лексикографии семантический словарь русского языка общим объемом около 10000 лексических единиц, распределенных с помощью ЭВМ по 1600 понятийно-тематическим группам. Это издание представляет собой первую часть задуманного лексикографического предприятия (от понятия к слову), за которой должна последовать часть вторая (от слова к понятию) (Караулов и др. 1983)³. Тем самым сделан первый реальный шаг к созданию русского идео-

³ Разными этапами подготовки этого словаря явились и другие их работы (Караулов 1980; Караулов 1981; Караулов и др. 1982).

графического словаря с полным охватом тем-понятий всех сфер жизни и всей совокупности лексико-тематических групп современного русского литературного языка. Такой словарь, несомненно, мог бы стать ценным практическим пособием как для русских, так и нерусских читателей и, что еще весьма важно, образцом для создания на национальных языках аналогичных – семантических, тематических, идеографических – словарей.

§8. Ассоциативное поле

Ассоциативное поле – лексико-семантическая группа, объединенная ассоциативными отношениями. «Любое слово всегда может вызвать в памяти все, что способно тем или иным способом с ним ассоциироваться» (Соссюр 1977: 158). Ассоциативное поле – «совокупность ассоциативных представлений, так или иначе связанных с данным словом» (Ахманова 1966: 334). Разграничение ассоциативных, семантических и других полей как определенных лексических микросистем или группировок слов, основанных на разных принципах и отражающих различные свойства лексического состава языка, проводилось целым рядом исследователей, однако все еще остается много неясного, продолжает иметь место терминологическая путаница, смешение ассоциативного поля с ассоциативной группой и т.п. Между тем, по образному выражению Ю.Н. Караулова, «ассоциативная группа – это еще сырье для построения поля, причем «отходы» значительно превышают сам продукт» (Караулов 1976: 164). Ввиду того, что «ассоциативное поле» приобрело широкое значение и применение, а нередко и произвольное толкование, Г. С. Щур вполне логично считал необходимым дифференцированный подход к ассоциациям и установление их типов, а также разграничение значений термина «ассоциация» в смысле «объединение» (группировка слов), и «ассоциирование», когда речь идет о психических ассоциациях. При этом он отмечал: «По-видимому, целесообразно способ объединения в группы элементов, обладающих общими (инвариантными) свойствами или характеристиками, с точки зрения отражения их в создании индивидуума, обозначать термином «онтологические ассоциации». Последние, по мнению автора, «лишь отражают определенные объективные принципы, лежащие в основе тех или иных группировок элементов» (Щур 1974: 88).

Изучение лексических ассоциаций, восходящее еще к Аристотелю, наиболее популярным становится в связи с ассоциативным экспериментом, который провели Г. Кент и А. Розанов (1910 г.) над 1000 информантов с нормальной психикой. Начиная с этого времени список слов-стимулов, составленный этими учеными, кладется в основу аналогичных списков других исследователей, изучающих природу психических ассоциаций и рассматривающих лексические ассоциации как показатель лингвистического развития и формирования понятий у испытуемых. Данный подход дает возможность обнаружить зависимость лексических ассоциаций от разного рода факторов,

таких, как возрастной, половой, географический (Щур 1974: 88), а также национальный, социальный, классовый, политический и т. п.

Довольно часто подобные группы обозначают термином «ассоциативное поле», «семантическое поле», первое из них, по мнению Г.С. Щура (1974: 80), принадлежит Ш. Балли, который, правда, не дал обоснования, почему группы слов типа *корова, вол, бык, теленок, рога, пережевывать, мычать* следует квалифицировать как ассоциативное поле, но наличие столь разнообразных элементов в одном лексическом поле дало возможность Ш. Балли говорить об эластичности ассоциативного поля. «С таким же правом, - отмечает он, - можно говорить о близких и дальних ассоциациях; совершенно очевидно, что небо скорее наводит на мысль о звезде, синем и т. п., чем о дороге или доме», (Балли 1955: 151). Данные примеры свидетельствуют о том, что Ш. Балли, делая акцент не на семантической близости, а на типах ассоциаций, различал ближние и дальние ассоциации. По его мнению, эластичность, то есть разный объем ассоциативных групп у разных индивидуумов, - объясняется большей или меньшей мотивированностью знака, так как «чем мотивированнее обычный знак, тем больше сосредоточивается внимание на его внутреннем строении, вследствие чего уменьшаются количество и роль внешних ассоциаций его «ассоциативного поля». И наоборот, чем произвольнее знак, например, *arbre* - «дерево», тем многочисленнее отношения, которые он устанавливает за своими пределами для определения своего значения. Эта неравномерность числа ассоциаций относится, по-видимому, и к означающему, и к означаемому. Мы видели, что означающее *arbre* определяется всеми означающими, которые более или менее сходны с ним, не будучи ему тождественны; напротив, такое экспрессивное слово, как *craquer* «трещать, хрустеть», живет главным образом за счет своих собственных средств; его ассоциативное поле состоит в основном из близких ему экспрессивных слов (*claquer* «хлопать», *cracher* «плевать», *croquer* «грызть» и т.д.)... Таким образом, отправляясь от двух полюсов, между которыми протекает жизнь знаков, можно установить следующий идеальный принцип: сущность полностью мотивированного знака состоит в том, что он опирается на одну обязательную внутреннюю ассоциацию, а сущность полностью произвольного знака в том, что он мысленно связывается со всеми другими знаками с помощью факультативных внешних ассоциаций» (Балли 1955: 154). Известен еще термин «семантическая полифоничность» (Морковкин 1970: 70), который понимается как «способность слова состоять из разных дифференциальных элементов и входить поэтому в разные лексико-семантические группы». Разъясняя термин «поле» прежде всего как обширность и аттракцию (тяготение друг к другу) абстрактных семантических элементов, Н. П. Денисов верно подметил, что «не слова входят в семантическое поле, а лексико-семантический вариант» (Денисов 1980: 125).

Возможность слова одновременно входить в несколько разных ассоциативных и других лексических групп определяется его многозначностью, а

также тем, что слова обозначают предметы, которые могут использоваться человеком в самых разнообразных функциях. Лексическое значение слова определяется с внутрилингвистической точки зрения не только его сочетаемостными связями с другими словами или такими парадигматическими связями, как синонимические, антонимические, тематические, но многообразными ассоциативными связями, возникающими в сознании человека при восприятии того или иного слова (Балли 1961: 89).

Являясь разновидностью семантических связей между словами, ассоциативные связи могут включать в себя самые разнородные по характеру семантические отношения, то есть такие отношения, как сочетаемостные, синонимические, антонимические, тематические и другие, что убедительно подтверждается богатым материалом «Словаря ассоциативных норм русского языка» (1977). Друг (209) – *товарищ* 39, *враг* 30, *верный* 29, *хороший* 16, *мой* 10., *недруг* 9, *близкий* 5, *настоящий*, *старый* 4, *брат*, *дорогой*, *надежный*, *преданный*, *приятель* 3, *закадычный*, *лучший*, *любимый*, *он*, *собака* 2, *большой*, *вечный*, *в нужде*, *волк*, *давний*, *далекий*, *девушка*, *детства*, *добрый*, *дорога*, *друга*, *единственный*, *желанный*, *женщина*, *любовь*, *мальчик*, *милый*, *Мишка*, *муж*, *навсегда*, *не верится*, *нет*, *общий*, *откровенный*, *парта*, *первый*, *плохой*, *подлость*, *подруга*, *предатель*, *приходить*, *противник*, *сердечный*, *сестра*, *синий*, *собака* – *друг человека*, *честный*, *чудеса* 1. Здесь в скобках за словом-сигналом цифра указывает на число участников эксперимента, а за словами-реакциями цифра указывает на количество лиц, назвавших данное слово в качестве ответа на сигнал «друг». Легко заметить, что основная масса ответов на слово-сигнал состоит из слов, связанных с заголовочным синонимическими отношениями (*товарищ*, *приятель*), антонимическими отношениями (*враг*, *противник*, *недруг*), валентностными, то есть сочетаемостными отношениями (*верный*, *хороший*, *мой*, *близкий*, *настоящий* и др.), тематическими (*брат*, *муж* и др.), гипонимическими (*мальчик*, *Мишка* и др.). Обнаруживаются также некоторые слова, семантические связи которых со словом «друг» не являются очевидными и должны быть объяснены только с учетом индивидуальных особенностей человека, участвовавшего в ассоциативном эксперименте (ср. слова: *синий*, *чудеса*, *нет*, *дорога* и др.).

Приведем еще несколько примеров, сократив их за счет непродуктивных случаев. **Дочь** (683)–сын 195, *мать* 46, *моя* 37, *маленькая* 27, *родная* 26, *взрослая* 24, *девочка* 16, *красивая*, *любимая*, *старшая* 13, *большая* 9, *единственная*, *милая*, *ребенок* 8, *будет*, *нет* 7, *отца*, *хорошая* 6, *мамина*, *младшая*, *радость* 5, *капитанская*, *первая*, *розовый* 4. **Вода** (217)–холодная 28, *жидкость* 23, *прозрачная* 20, *чистая* 19, *земля*, *море*, *теплая* 8, *голубая*, *жизнь*, H_2O , *мутная* 4. **Достать** (595) – *книгу* 120, *вещь* 39, *билет* 31, *книга* 27, *по билету* 21., *принести* 16, *пальто* 11, *найти*, *туфли* 10, *купить* 9, *дефицит*, *из-под земли*, *сапоги* 7, *конспект*, *кофту*, *сделать*, *трудно*, *взять*, *все*, *деньги*, *звезду* 5. **Обещать** (548) –*выполнить* 65, *сделать* 45, *прийти* 44, *исполнить*, 16, *много* 13, *не выполнить* 12, *книгу* 11, *что-то* 10, *ждать*, *многое*, *найти* 8, *встре-*

таться 7, и не выполнить, не исполнять 6, дать, дать слово, жениться, и делать, кому-то 5. Аналогичная картина отражена в работе Л. Н. Титовой (1975) и М.Х. Манликовой (1989). Сходные результаты дали и наши наблюдения в 1969-2004 гг. над лингвистическим развитием студентов кабардинской, балкарской, русской и других национальностей в Кабардино-Балкарском государственном университете, а также студентов Чехословакии (г.г. Братислава, Нитра), Кубы (г.г. Гавана, Сантьяго-де-Куба), Финляндии (г.г. Хельсенки, Ювяскюля) и анализ их реакций на предложенные слова-сигналы, взятые из русского и родных языков.

Как видим, в лексическую группировку, основанную на ассоциативных отношениях, входят слова, между которыми наблюдаются разнородные семантические связи, то есть ассоциативная группа является группой с пересекающимися семантическими связями между словами в отличие от непересекающихся группировок слов, образующихся на основании семантической связи между словами по их основному значению (Плотников 1983: 206-207).

Естественно, встает вопрос: в чем различие между терминами «ассоциативное поле», «семантическое поле», «лексико-тематическая группа»?

Лексико-тематическая группа – это такая группировка лексических единиц, в которой (несмотря на многочисленность ее состава) представлены слова одной определенной темы (явления действительности) и обычно одной части речи (ср. рассмотренные нами выше такие лексико-тематические группы, как соматическая лексика, цветообозначающая лексика, термины родства, лексика фауны, флоры и др. в кабардино-черкесском и русском языках).

Семантическое поле в отличие от лексико-тематической группы, по-видимому, может включать слова разных частей речи (ср.: *лечение, больница, врач, лекарство, укол, лечить, медсестра, оперировать, рецепт-, наркоз* и т. п.; семантическое поле времени: *год, месяц, неделя, день, час, минута, секунда, продолжительность, длительность, рано, поздно, недавно...* Сказанное подтверждается и схемой Ю.Н. Караулова (1976: 208-209).

Ассоциативное поле включает в себя не только слова разных частей речи, как семантическое поле, но и вообще всякие слова, так или иначе ассоциируемые с тем или иным словом-стимулом или сигналом. Например: *лечение, врач, больница, поликлиника, халат, мама, сестра, дядя, боль, зуб, коренной, удалить, вставить, вставной, молочный, золотой, пломбировать, протезировать, ампутировать* и т.д. и т.п. Если тематические группы и семантические поля имеют какие-то определенные границы, то есть пределы, ограниченные темой или семантикой, общей для группы, то ассоциативное поле таких ограничений не имеет не только ввиду довольно большого разнообразия участников ассоциативного эксперимента или вообще членов данного коллектива, но и бесконечности, практической неисчерпаемости самих ассоциативных связей. Таким образом, несмотря на наличие определенных общеизвестных психологических закономерностей, пути и способы многих

ассоциативных связей предугадать невозможно, как, выражаясь библейским языком, неисповедимы пути Господни.

Мы здесь не касаемся других терминов теории поля, как, например, понятийное поле, символическое поле, концептуальное поле и др.

В заключение хотелось бы отметить, что в специальной литературе еще до конца не выяснена природа самого поля и его отношение к таким фундаментальным терминам, как «система» и «структура». Синонимическое употребление «система» и «поле» является, как отмечает Г.С. Щур, почти регулярным, кроме того, обе эти категории иногда трактуются как структура. Конечно, то, что принято обозначать термином «поле», можно обозначить терминами «система» или «структура» и наоборот, но, по-видимому нельзя эти обозначения ставить в зависимость от того, какой из терминов кажется более научным или благозвучным в данной ситуации (Щур 1974: 156). Однако главное, как нам представляется, даже не в том, чтобы не смешивать термины, а в том, чтобы не смешивать сами понятия, ибо, по утверждению Фрэнсиса Бэкона, «истина может возникнуть скорее из ошибки, нежели из смешения понятий» (Косериу 1963: 155).

§ 9. Лексико-фразеологическая группа

В данном разделе речь пойдет о словах, фразеологически связанных, объединенных общим, стержневым словом и образующих определенную микросистему. Хотя фразеология в общем словарном составе образует собственную подсистему, однако она не отгорожена китайской стеной от всей лексической системы, ибо каждая фразеологическая единица является членом либо антонимической группы, либо синонимического блока, а следовательно, неизбежно включается в сферу определенного семантического поля и вступает в ассоциативные отношения с определенными лексическими единицами. Рассматривать подробно фразеологию кабардино-черкесского языка здесь, по-видимому, нет необходимости, поскольку она исследована в работе Б.М. Карданова (1973). Для целей и задач нашей работы считаем важным лишь отметить, что фразеология, несмотря на всю автономность своей системы или подсистемы, находится в цепких руках парадигматики и синтагматики. Наличие среди стереотипных ассоциаций слова различных пословиц, поговорок, крылатых выражений, идиом, что экспериментально доказано в психолингвистике, свидетельствует о том, что афористический материал языка тоже выстраивается в определенную, тесно связанную с лексикой систему, хотя эта система, безусловно, отличается рядом недостаточно еще выясненных особенностей. Во время наших занятий по проведению так называемого свободного ассоциативного эксперимента, а также в многочисленных ассоциативных экспериментах, организованных рядом исследователей, данные о которых публиковались в печати, было замечено, что участники экспериментов на предложенные в качестве сигналов лексические единицы давали не

только одиночные слова, но и фразеологические обороты различных типов. Это свидетельствует как о тесной и неразрывной связи фразеологии с лексикой, так и о том, что в сознании говорящих фразеологические единицы включаются в лексическую систему языка. Вполне естественно и логично, что мировая лексикография в лучших своих образцах (а такими являются обычно крупные национальные толковые словари) обильно репрезентирует и афористический материал соответствующих языков. Можно вспомнить, что В.И. Даль, представил в своем Толковом словаре сверх 200 000 слов еще более 30 000 пословиц и поговорок, народных примет и других единиц русского афористического материала. В ТСУ, МАС, СО, СОШ зарегистрировано огромное число фразеологизмов. По подсчету. А.М. Бабкина, количество подобных единиц в БАС превышает более 25 000. Аналогичная картина и в других национальных толковых словарях, например, Франции, Испании, Германии, Англии и др.

Таким образом, хотя нередко фразеология рассматривается учеными для удобства изучения как самостоятельный объект языка с соответствующим разделом лингвистики, трудно ее практически отделить от лексикологии и ее объекта – лексики.

Ниже приводим фразеологические единицы кабардино-черкесского языка которые назывались участниками ассоциативного эксперимента в качестве ответа на предложенные нами слова-сигналы *дахэ* – красивый: *тхьэIу-худ нэ закъуэ, узримыгъэплъу дахэ*; *щIэ* – новый: *мастэнэм къызэрыпачауэ*; *ецхъ* – похожий *къепсри къильэтыжауэ*; *куэд* – много *хъэмгъунэтенэжщ, куэдиц*; *анэ* – мать: *анэ бгъафэ, янэ еплъи ипхъу къашэ, анэ быдзышэ*; *цхъэ* – голова: *цхъэм имытым лъакъуэм и мыгъуагъэщ, цхъэр псэумэ пыIэ цыщI-эркъым*; *адыгэ*- самоназвание кабардинцев, черкесов, адыгейцев: *адыгэ фа-ццэ, адыгэ нэмыс, адыгэ хабзэ, адыгэ мыгъуэ – шыгъурэ пIастэрэ* и мн. др.

Афористический материал не чужд даже двуязычным русско-кабардинским и кабардинско-русским словарям как дореволюционного, так и советского периода. Примечательно в этом плане, что в названном нами выше «Кабардинско-венгерско-латинском словаре» Балинта регистрируется целый ряд афоризмов, пословиц, поговорок. Например: *КъуэфIым адэ цIэин ухуэмылъыхуэ*; *АдакъэщIэрэ хуцIэ пIастэрэ. Мыщэр зыщышынэр зэиштI зэгурьуэрэ дзитI зыIут къамэрэщ* и др. (Balint 1904: 4-610; Апажев 1992). Довольно обстоятельный библиографический обзор словарей, учебников и других изданий, в которых в той или иной степени отражен афористический материал Кабардино-Балкарии, дан в статье С.Д. Мастепанова, опубликованной в известном финском журнале «Proverbium», выходившем в Хельсинки в 1965- 1974 годах (Мастепанов 1969: 312-318).

В заключение хотелось бы обратить внимание на одну особенность кабардино-черкесского языка, связанную с фразеологией. Известно, что в целом ряде языков синтаксические единицы могут быть выражены не только обычными для синтаксиса средствами, как словосочетание и предложение,

но и отдельными словами, цельноформленными единицами. Так, например, в кабардино-черкесском языке: а) *шумI* – две лошади, *вих* – шесть волов, *тхылъибI* – семь книг... б) *сив* – мой вол, *сиш* – моя лошадь, *фитхъу* – ваше (топленое) масло, *динс* – наша вода (река), *илI* – ее муж... в) *унэфI* – хороший дом, *цIалэфI* – хороший парень, *тхылъыжьс* – старая книга... Понятно, что от такого слитного употребления и написания данные единицы не становятся членами лексической системы. Природа этих синтаксических единиц кабардино-черкесского языка противоречива. Основное противоречие состоит в том, что они, будучи единицами синтаксической системы, по своей внешней форме, и, что весьма существенно, по акцентологическим признакам ничем не отличаются от слова – основной лексической единицы языка. Кроме того, многие лексические единицы могут быть выражены раздельноформленными единицами языка. Э.В. Кузнецова считает, что «единицы лексической системы могут быть представлены не только словами, но и особого типа устойчивыми словосочетаниями». Как известно, двойственность присуща вообще словосочетаниям ввиду их особого промежуточного характера. «Все единицы промежуточного типа (к ним относятся также слоги и основы слов) представляют собой единства, состоящие из целого числа единиц нижеследующего уровня и функционирующие в составе единиц вышестоящего уровня аналогично единицам, из которых они состоят» (Кузнецова 1989: 194).

§10. Лексико-derivационная группа

Известное явление языка, краткое описание которого мы хотим дать здесь в рамках лексико-семантической системы, Д.Н. Шмелев называет деривационными отношениями в лексике, или ассоциативно-derivационными отношениями. «Благодаря тому, что каждая единица лексики,- отмечает Д.Н. Шмелев,- имеет материальную форму и смысловое содержание, она является средоточием и этих двусторонних связей, объединяющих ее, с одной стороны, с рядами формально близких слов, с другой – с теми точками «семантического пространства», с которыми так или иначе соприкасается ее собственное смысловое содержание. Таким образом, значение слова определяется **derivационными** (в широком смысле) и **ассоциативными** связями: слово находится, помимо парадигматических и синтагматических отношений, также в определенных **ассоциативно-derivационных** отношениях с другими словами» (Шмелев 1977: 225). Значит, системный характер в лексике проявляется также в том случае, когда слова связаны отношениями словопроизводства, иначе говоря, в зависимости от значения слов мотивировано их объединение в разные словопроизводные ряды (Фомина 1990: 15). По сравнению с большинством лингвистических терминов «словообразование», как отмечал Б.Н. Головин, страдает излишним грузом полисемантической: «...1) процесс создания, образования новых слов, свойственный любому живому, функционирующему языку; 2) психологический акт речи, выражающийся в «творе-

нии», создании нового слова; 3) механизм языка, создающий новые слова; 4) структура слова в аспекте, отражающем образование слова; 5) лингвистическое учение, наука о том, как язык создает новые слова» (Головин 1979: 164). Ввиду того, что первый из отмеченных аспектов – одна из важнейших сторон истории любого языка и изучается она скорее всего в рамках задач и возможностей исторической лексикологии, представляется логичным рассмотрение словообразования (в указанном узком смысле) в общей лексико-семантической системе языка, что, надеемся, не должно быть квалифицировано как покушение на его автономность или равноправие наряду с лексикой и морфологией.

Под влиянием Ф. де Соссюра в языкознании к числу ассоциативных групп, притом психических ассоциативных групп, относят различные объединения единиц (как правило, слов), обладающих, например, общими основами: *enseignement* – обучение, *enseigner* – обучать, *enseigno* – обучаем и т.д.; общими аффиксами (напр., суффиксами): *enseignement* – обучение, *armement* – вооружение, *changement* – изменение и т.д.; общими значениями (или обозначающих одинаковые понятия); *enseignant* – обучение, *instruction* – образование, *education* – просвещение, *apprentissage* – учение и т.д., а также обладающих общностью акустических образов или фонемного состава: *enseignant* – обучение, *justement* – справедливо. Исходя из этих фактов, Ф. де Соссюр приходит к выводу: «Налицо, таким образом, либо общность как по смыслу, так и по форме, либо только по смыслу. Любое слово всегда может вызвать в памяти все, что способно тем или иным способом с ним ассоциироваться» (Соссюр 1977: 157).

В заключение отметим, что если отношения слов в лексике, по мнению Б. Н. Головина, индивидуальны и семантически, отношения слов в морфологии стандартны и прежде всего формальны, то отношения слов в словообразовании – одновременно и стандартно-индивидуальны, и формально-семантически (Головин 1979: 172). Такое положение слов в словообразовании не только вызывает повышенный интерес со стороны практиков и теоретиков лексикографии, но и делает возможным рассмотрение словообразования, правда, с известными оговорками в области лексикологии, для которой оно, как было отмечено выше, не является прямым, непосредственным объектом своего исследования. Этим собственно и объясняется обсуждение здесь вопросов словообразования как возможного структурного подразделения лексико-семантической системы кабардино-черкесского языка.

Необходимо прежде всего отметить, что становление и дальнейшее успешное развитие словообразования как самостоятельной науки в лингвистическом адыговедении неразрывно связано с именем М. А. Кумахова, которому принадлежит ряд фундаментальных монографических исследований, получивших высокую оценку и занявших почетное место в современном отечественном и зарубежном языкознании (Кумахов 1964; 1971; 1989), а также значительные разделы в академических грамматиках современного кабарди-

но-черкесского литературного языка (ГКЧЛЯ 1957; 1971). Опираясь на эти исследования М.А. Кумахова, рассмотрим вкратце основные формы и способы функционирования кабардинской словообразовательной системы, в качестве которых выступают: основосложение, префиксация, суффиксация, смешанный (префиксально-суффиксальный), лексико-семантический (обособление), фонетический способы и конверсия.

Основосложение – наиболее продуктивный способ словообразования в системе имен, с помощью которого создано значительное число лексических единиц в кабардино-черкесском языке. Например:

напэлъэщI – полотенце (*напэ* – лицо + *Iэ* – рука + *лъэщI* – вытирающий);
хъэкIэмэл – овца-меринос (*хъэкIэ* – собачий хвост + *мэл* ~ овца);
къазшырыфэ – желтый (*къаз шыр* – гусенок + *фэ* – цвет);
тхъэмбылыфэ – розовый (*тхъэмбыл* – легкие + *фэ* – цвет);
хъэукIныIэ – ушанка (*хъэукI* – убивающий собаку + *ныIэ* ~ шапка);
уафэхъуэпскI – блеск молнии (*уафэ* – небо + *хъуэпскI* – сверкающий);
напэкIуэщI – страница (*напэ* – лицо + *кIуэщI* – внутренность);
тэмакъкIэщI – вспыльчивый (*тэмакъ* – горло + *кIэщI* – короткий);
фэрэкIнапэ – оспеннолицый (*фэрэкI* – оспа + *напэ* – лицо);
тхъэкIумэкIыхь – заяц, кролик (*тхъэкIумэ* – ухо + *кIыхь* – длинный);
нэгъуджэ – очки (*нэ* – глаз + *гъуджэ* – зеркало);
мафIэгy – поезд (*мафIэ* – огонь + *гy* – телега).

Суффиксация – присоединение суффиксов к корням и основам для образования новых слов. Например: *къэкIын* – расти, *къэкIыгъэ* – растение; *щIэн* – знать, *щIэныгъэ* – знание; *бзаджэ* – хитрый, *бзаджагъэ* – хитрость; *фошыгъу* – сахар, *фошыгъульэ* – сахарница; *шкIэ* – теленок, *шкIэщ* – телятник (хлев); *акъыл* – ум, *акъылыниэ* – глупый; *нэмыс* – воспитанность, нравственность, *нэмысыниэ* – невоспитанный, безнравственный; *насын* – счастье, *насыныниэ* – несчастный; *гущIэгъу* – жалость, милосердие, *гущIэгъуныниэ* – безжалостный, немилосердный; *зэныбжээгъун* – дружить, *зэныбжээгъуныгъэ* – содружество и т. п.

Префиксация – присоединение приставок к корням и основам для образования новых слов. Например: *гъунэгъу* – близкий, *зэгъунэгъу* – соседи; *благъэ* – близкий, *зэблагъэ* – родственники, *ныбжээгъу* – ровесник, товарищ, *зэныбжээгъу* – ровесники, товарищи; *лэжээн* – работать, *хуэлэжээн* – работать для кого-н.; *ээн* – пахать, *гъэвэн* – заставить пахать и др.

Указанные аффиксальные способы наиболее продуктивны в системе глагольного словообразования. О богатстве и многообразии глагольных префиксов в кабардино-черкесском языке можно судить по большим группам родственных слов, образуемых при помощи системы превербов. Например: *щылыын* – лежать где-н., *илъын* – лежать в чем-н., *дэлъын* – лежать между чем-н. или в чем-н., *щIэлъын* – лежать внизу или внутри чего-н., *телъын* – лежать на чем-н., *бгъурылыын* – лежать рядом, подле кого-чего-н., *пэщI-*

пэцІэлъын-лежать против кого-чего-н., *пэщылъын* – лежать перед кем-чем-н., *Іулъын* – лежать у чего-н., *Іурылъын* – лежать между губами у кого-н., *жъэдэлъын*-лежать во рту, между зубами у кого-н., *бгъэдэлъын* – лежать рядом, вблизи кого-чего-н., *кІэщІэлъын* – лежать снизу чего-н.; *кІэрылъын* – лежать сбоку кого-чего-н., лежать вплотную с чем-н., *хэлъын* – лежать в чем-н. (охлажденным со всех сторон), *фІэлъын* – лежать (висеть) сверху на чем-н. (надетым, проткнутым), *пылъын*- 1. лежать вблизи чего-н., соприкасаясь; 2. висеть на чем-н.; *кІуэцІылъын* – лежать внутри чего-н. в сложенном или завернутом положении; *цхъэщылъын* – лежать сверху чего-н., *къуэлъын* – лежать в углу чего-н. и мн. др.

Смешанный (суффиксально-префиксальный) способ словообразования – образование новых слов путем одновременного присоединения приставки и суффикса к производящей основе или к слову в целом. Например: *къэкІухъын* – ходить- обходить вокруг чего-н.; путешествовать; *ешэкІын* – обернуть чем-н. кого-что-н.; *екІуэкІын* – обойти что-н., зайти за что-н.; *зэплъэкІын* – оглянуться назад; *къэлъэтыхъын* – облететь вокруг чего-н.

Лексико-семантический способ (обособление) -образование нового слова в результате изменения значения уже существующего слова путем распада полисемии на омонимы. Например: *кІэ* – 1. хвост; конец; II. подол, пола; III. юбка; *цей* – I. домотканое сукно; II. черкеска; *плІэ* – I. спина; II. блуза; *кІэрахъуэ* – I. вращающийся; II. наган, пистолет; *гъуджэ* – I. зеркало; II. нов. рентген; *щІалэ* – I. молодой- II. парень, юноша; *клагуэ* – I. комолый; II. короткое пальто, куртка, телогрейка; *дэгу* – I. глухой; II. густо заросший (лес, ограг); III. безлюдный (двор, дом); ср. также: *макъ дэгу* – глухой согласный, *шыпсыранэ дэгу* – глухая крапива, *мыІэрысэ дэгу* – пресное, неопределенного вкуса яблоко; *бацэ* – I. лохматый; II. свалившаяся шерсть; *къуацэ* – I. лохматый; II. кустарники; *нэф* – I. слепой; II. тусклый (свет, окно, лампа); ср. также: *кІэтІий нэф* – слепая кишка, *гунэф* – тупой, тупица; *жан*- I. острый (нож, коса); II. живой, подвижный и мн. др.

Конверсия – это один из способов «безаффиксного образования новых слов путем перевода данной основы в другую парадигму словоизменения».

В адыгском языкознании данный способ впервые описан в монографии М.А. Кумахова (1964: 88-96). Здесь автор отмечает, что слабое развитие словообразующих аффиксов в адыгских языках органически связано с отсутствием четкой морфологической дифференциации именных и глагольных основ, вследствие этого «морфологическая нейтральность основ создает возможность образования слов без использования каких-либо словообразовательных аффиксов» (Кумахов 1964: 88). Это довольно широко распространенное в адыгских языках явление М.А. Кумахов называет термином «конверсия», употребляя его как синоним понятия «безаффиксальное словообразование». Сущность его, по мнению автора, «определяется в основном соотношением именных и глагольных основ» (Кумахов 1964: 88). Приведем несколько примеров: *бгъэн* – I. накрывать сплошь; II. строительный материал

для кровли; *тепIэн* – I. накрывать; II. постель; *цытIэгъэн* – I. надевать; II. одежда; *цыгъын* – I. быть надетым, носить на себе; II. одежда; *гъэсын* – I. сжигать; II. горючее, топливо; *зехъэн* – I. носить; II. тот, за кем ухаживают (обычно – о больном, старом человеке); III. соблюдать (ср. *хабзэ зехъэн* – соблюдать обычаи, традиции) и др. значения; *нэтын* – I. давать отсюда (от говорящего); II. радио-, телепередача; *пIын* – I. кормить и воспитывать; II. тот, кого воспитывают, воспитанник; *гъэсэн* – I. учить, воспитывать; II. воспитанник; *пхъацIэ* – I. плотник; II. плотницкая; III. плотничай; *щакIуэ* – I. охотник; II. охота; III. охотья и мн. др.

Фонетический способ – это такой способ словообразования, который осуществляется путем чередования основы. Суть его М.А. Кумахов объясняет следующим образом: «Если основа глагола оканчивается на гласный э, то в сочетании с превербом она обозначает действие, направленное к предмету. При этом преверб выражает конкретную локализацию (внутри, наверху, сбоку) (Кумахов 1964: 147). Например: *цIэшэн* – ввести во внутрь, *цIэшын* – вывести изнутри; *дэшэн* – завести во (двор), *дэшын* – вывести со (двора); *тешэн* – везти наверх (на поверхность), *тешын* – вывезти сверху (с поверхности). Количество примеров можно увеличить.

Выделяют еще **инкорпорацию** (Абита 1949: 262-270), или «включение самостоятельных глагольных основ в состав основ типа – преверб + хъэ» (или *кIы*, *сы*, *хы*), например, *дэтысхъэн* – сесть, садиться между кем-чем-л. (ср. *тысын* – сесть, садиться (Кумахов 1964: 143-146; ГКЧЛЯ 1971: 145-147).

Таким образом, весьма обширны по своему объему, сложны и разнообразны по составу внутренние средства и способы обогащения лексико-семантической системы кабардино-черкесского языка, обладающего неисчерпаемыми возможностями производства слов.

Наряду с внутренними ресурсами, определяющими самобытность языка, мощным источником обогащения и развития кабардинской лексики служат заимствования из других языков. Этот вопрос довольно обстоятельно освещен в ряде работ кабардиноведов (Яковлев 1948; Апажев, Урусов 1957; Мамрешев 1959; Сакиев 1959; Шагиров 1962; Апажев 1963; 1968а; 1977б и др.). Здесь хотелось бы отметить некоторые явления, в частности, инновации, связанные с контактированием языков. До революции кабардинцами и черкесами заимствовано из различных языков около 750- 800 слов, более 50% которых взято из русского языка. Общее число заимствований в наше время составляет, по данным РКЧС, 6500, а по КРС – 3500 единиц. Как показал наш анализ целого ряда двуязычных словарей, аналогичным образом обстоит дело и в других северокавказских языках, в которых каждое шестое слово оказывается заимствованным из русского языка (Апажев 1968; 1977б). Однако эти цифры недостаточно полно отражают действительный размах влияния русского языка. Дело в том, что, во-первых, не все русские заимствования зарегистрированы в изданных словарях, во-вторых, далеко не все словарные единицы, образованные на базе исконного материала, следует считать само-

бытными, скажем, кабардино-черкесскими, осетинскими, татарскими, армянскими, азербайджанскими и т. д. Известно, что значительная часть слов в этих и многих других языках народов СНГ, хотя и состоит из исконных морфем, на поверку оказывается кальками различного рода, обязанными своим возникновением русскому языку. В этом плане весьма показательна терминологическая лексика кабардино-черкесского языка, в которой трудно найти какие-либо существенные изменения за последние 80 лет, так или иначе не связанные с русским языком. Если число прямых заимствований сравнительно нетрудно подсчитать по словарям, то определить в точных цифрах количество калькированных единиц довольно сложно, однако можно с уверенностью утверждать, что число калек с русского очень велико и они составляют значительное богатство в лексике и фразеологии современного кабардино-черкесского литературного языка. Возьмем пример из учебника «Природоведение» на кабардинском языке: *«1919 гъэм, Дзэ плъыжъхэм ирахужъауэ хэ-кум щикIыжым, хужьыдзэхэм тенджыз ФIыцIэм псыцIагъ кхъухъ куэд щIрагъэлъфац, ахэр цужькIэ советскэ псыцIагъцIыхъэхэм къагъуэтац»* – «Когда Красная Армия погнала Белую армию, последняя потопила в Черном море много подводных лодок, впоследствии обнаруженных советскими водолазами». В этом предложении, предназначенном для кабардинских детей-четвероклассников, содержится пять калькированных слов и выражений. В настоящее время через посредство учебников для начальных и средних школ, различных изданий для широких кругов читателей, в особенности через такие мощные средства массовой информации, как газеты, журналы, телевидение, радио, кино, видео, интернет, идет громадный поток новых слов и выражений, значительная часть из которых оседает и закрепляется в литературном кабардино-черкесском языке. Наряду с прямыми заимствованиями наиболее характерны кальки лексические (полные и частичные), семантические, фразеологические, то есть слова и выражения следующих типов: *дуней-еплъыкIэ* – мировоззрение, *сабэзыцIэшэ* – пылесос, *щIыIэлъэ* – холодильник, *бзыцIэныгъэ* – языкознание, *зэман* – время (лингв.) *лIыхъужь* – герой (лит.), *лъабжъэ* – корень (лингв.), *сымаджэн* – болеть, переживать за кого-л., *пыцIэныгъэхэр* – связи, *хуитыныгъэхэр* – свободы, *къарухэр* – силы, *демократическэ къарухэр* – демократические силы, *ижь* – правый (полит.), *сэмэгу партхэр* – левые партии, *къэцытын* – набирать (типогр.), *пхырыхун* – провалиться (на экзаменах, соревнованиях), *щылэцIэ* – имя существительное, *бжыгъэцIэ* – имя числительное, *псалъалъэ* – словарь, *электроету* – электроутюг, *электрапэишхъэу* – электропечь, электроплита, *электронхъэлэшэ* – электроплуг, *электроуэдджынэ* – электрозвонок, *микрохъэку* (микроволновэ хъэку) – микроволновка (микроволновая печь), *тхылыбзэ* – книжный язык, *псалъэуха гуэдзэ* – придаточное предложение, *тедзэн* – напечатать, *къыдэгъ-экIын* – выпустить (издать, опубликовать); *къыцIэгъэкIын* – выпустить (продукцию), выпустить (специалистов); *къэутIыпцын* – отпускать (ассигновать), *утIыпцын* – отпускать (цены), *къэцIтэн* – 1. принять (на работу, учебу)

2. захватить (город, село); 3. принять (новый дом); 4. принять (решение, постановление); *пицыхьэцхьэ* – вечер (мероприятие), *пицыхьэцхьэ-зэлуцлэ* – вечер-встреча; *атлетикэ хьэлэ* – тяжелая атлетика, *промышленность псынцилэ* – легкая промышленность, *гьуцлыклэ цлугьэнэхэр* – цветные металлы, *гьуцлыклэ гьуэтыгьуейхэр* – редкие металлы, *зэманьр уклын* – убить время, *зыгуэрым и цхьэл псы теклэн* – лить воду на чью-л. мельницу, *зэратха шакьэр мыгьуцу* – не успели высохнуть чернила, как; *Авгий и шэцхэр* – авгиевы конюшни, *Дамокл и сэихуэр (джатэр)* – дамоклов меч, *курым цлэ-ныгьэ* – среднее образование и мн. др.

Данный словообразовательный процесс получает значительный размах в последние годы, когда кабардино-черкесский язык, наряду с усвоением заимствований разного рода, активизирует собственные лексические ресурсы и осуществляет своеобразный критический пересмотр и переоценку ранее заимствованных форм и моделей слов и выражений. Если несколько лет тому назад повсеместно можно было наблюдать употребление таких форм, как *оптимистическэ характер, материальнэ ответственность, учебнэ заведенэ, национальна политикэ, нагляднэ пособие, оккупационнэ режим, общественнэ питанэ, детскэ сад, атомнэ энергие, электроэнергие, национальнэ кадрхэр, национальнэ вопрос, тхылъ еджэхэр*- читатели, *телевизор еплъхэр* – телезрители, *радио едалуэхэр* – радиослушатели, *радио нэтынхэр* – радиопередачи и мн. др., то теперь видим: *оптимистическэ хьэл* – оптимистический характер, *материальнэ жэуап* – материальная ответственность, *еджанлэ заведенэ* – учебное заведение, *лэпкэ политикэ* – национальная политика, *нэрыльагьу пособие* – наглядное пособие, *оккупационнэ хабзэ* – оккупационный режим, *общественнэ ерыскы* – общественное питание, *сабий сад* – детский сад, *атом кьару* – атомная энергия, *электрокьару* – электроэнергия, *лэпкэ кадрхэр* – национальные кадры, *лэпкэ луху* – национальный вопрос, *тхылъеджэхэр* – читатели, *телевизореплъхэр* – телезрители, *радиоодалуэхэр* – радиослушатели, *радионэтынхэр* – радиопередачи, *теленэтынхэр* – телерепедачи и др.

Наряду с подобного рода случаями пересмотра способа заимствования, калькирования или улучшения качества перевода слов русского языка на родной язык в настоящее время наблюдается определенная тенденция к замене вообще целого ряда заимствованных слов и словосочетаний исконными и другими соответствиями. Например: *народ-цыхубэ, народнэ депутат* – *цыхубэ депутат, объединеннэ нацэхэр* – *лэпкэ зэгьуэтхэр, председатель* – *тхьэмэдэ, заместитель* – *кьуэдзэ, историк* – *тхыдэтх, инопланетянин* – *уэхьий, январь* – *цыхьылэ, февраль* – *мазае, март* – *гьатхэпэ, апрель* – *мэлыжьыхь, май* – *накьыгьэ, июнь* – *мэкьуэуэгьуэ, июль* – *бадзэуэгьуэ, август* – *шыцхьэулу, сентябрь* – *гьуэгыгьуэ, октябрь* – *жэпуэгьуэ, ноябрь* – *цаклуэгьуэ, декабрь* – *дыгьэгьазэ* и мн. др. Правда, нередки случаи колебания в их употреблении – в написании и произношении. Так, в одной и той же газете, радиопередаче, телепередаче один и тот же месяц называется двояко, а то и тройко: *фавраль* и *мазае, апрель, мэлыжьыхь* и *уэдыжьыхь*; «Союз Незави-

симых Государств» имеет, кроме приведенных нами в главе «Лексикотематическая система», еще несколько вариантов перевода на кабардино-черкесский язык: *Къэрал Щхъэхутхэм я Зэныбжъэгъугъэ* (газета «Адыгэ псалъэ» – «Адыгское слово» от 5 февраля 1992 г.) и *Щхъэхут Къэралхэм я Зэныбжъэгъугъэ* (Там же. 1992, 14 февраля).

Таким образом, обогащение и развитие лексической системы кабардино-черкесского языка осуществляется двумя взаимосвязанными путями: использованием внутренних ресурсов и усвоением иноязычных элементов.

§11. Гипонимия, или лексико-семантическая группа, объединенная родо-видовыми отношениями

Джон Лайонз отмечал, что термин «гипонимия», не ставший еще традиционным в семантике, был создан недавно по аналогии с «синонимией» и «антонимией» (Лайонз 1978: 478). В самом деле, ни в одном из известных у нас специальных словарей и энциклопедий его не было до выхода ЛЭС (1990: 104). Хотя термин и является новым, само понятие гипонимии достаточно традиционно, и оно было признано в качестве одного из конституирующих принципов организации словарного состава всех языков. Часто его обозначают термином «включение». Например, говорят, что «значение» слова *scarlet* «алый» «включается» в «значение» слова *red* «красный»; говорят, что «значение» слова *tulip* «тюльпан» «включается» в «значение» слова *flower* «цветок» и т. д. (Лайонз 1978: 478).

Таким образом, отношения включения, или импликации, которые, с одной стороны, отражают различные по степени обобщенности названия реалий и их классов, иначе говоря, родо-видовые отношения, а с другой стороны, названия объектов и их частей, то есть целого и части, являются одним из универсальных парадигматических отношений между словами всех языков. Импликационные отношения – это отношения семантические, и слова, служащие обозначениями вида и части, находятся в состоянии подчинения по отношению к словам, обозначающим род и целое. Так, слова, служащие для обозначения видов деревьев (*уэздыгъей* – ель, *клеи* – клен, *жыгей* – дуб, *тхуей* – бук и т.д.), находятся в положении подчинения к родовому названию – слову *жыг* «дерево», являющемуся по отношению к названиям вида подчиняющим. Мы наблюдаем аналогичные отношения, с одной стороны, между словами, являющимися названиями частей целого (напр., *лъабжъэ* – корень, *къудамэ* – ветвь и т.п.), с одной стороны, и словами, называющими это целое (*жыг* – дерево). Следовательно, в качестве объединяющего, общего признака у импликационных отношений род – вид, целое – часть выступает одинаковое свойство подчинения вида роду, части целому. Но природа отношений род – вид, с одной стороны, и часть – целое, с другой, обнаруживает и различия. Они состоят в том, что отношение род – вид связано с разными по степени абстрактности представлениями одной и той же реалии или классов реалий в языке, а отношение часть – целое характерно лишь для конкретных

предметов, являющихся качественно разными и не сводимыми друг к другу. Так, слова, служащие для обозначения вида, непременно обладают общим свойством, присущим родовому понятию (напр., *жыггей* – дуб имеет основные свойства *жыг* – дерево), а слово, выражающее часть, свойствами целого обычно не обладает (напр., *лябжьэ* – корень не обладает основными свойствами *жыг* – дерево). «Диагностирующим показателем, с помощью которого можно различать отношения род – вид и часть – целое, является возможность называть видовое понятие словом, обозначающим род, тогда как часть обычно не может быть названа в прямом смысле (не переносном) словом, обозначающим целое» (Плотников 1983: 193).

Слова, связанные отношением импликации, в последние лет 20 все чаще стали называть гипонимами (греч. *гипо* – внизу, снизу, под) аналогично синонимам, антонимам, омонимам, паронимам. Гипонимами называются слова, находящиеся в подчиненном положении по отношению к другим словам. Например, домашнее животное *хъэ* – собака может получить самые различные наименования по степени увеличения, усиления обобщенности: у кабардинцев, например, *Парий* (кличка собаки, ср. русск.: Жучка), *мэлыхъуэхъэ* – овчарка, *хъэ* – собака, *псэуцхъэ* – животное. Одно и то же растение можно назвать травой или бананом, красным цветком или гвоздикой... Р.А. Будагов (1967: 67) приводит слова Паскаля, говорившего: «В известных случаях Париж следует называть Парижем, а в других – его надо величать столицей государства». Это вполне допустимо, так как Паскаль называет вид видом или вид родом. Но нельзя утверждать в прямом (не метафорическом) смысле, что Марсово поле или Эйфелева башня – это Париж. Ср. название романа Э. Хемингуэя, ставшее крылатым: «Праздник, который всегда с тобой» (о Париже).

Подобные группы, или лексико-семантические микросистемы, как правило, имеют свой гипероним, то есть заглавное слово, включающее в себя слова данной группы в качестве видовых понятий или частей целого. Нередко в качестве гиперонима в таких случаях может выступать не только одно слово, но и словосочетание. Так, по мнению Б.А. Плотникова, слова «пенал» и «ручка» объединяются в тематическую группу, имея гиперонимом словосочетание «школьные принадлежности»; «гильза» и «порох» – в тематическую группу с гиперонимом «компоненты боеприпасов», тогда как для слов «пакет» и «молоко», «деньги» и «карман» гиперонимы отсутствуют – каждое из этих слов входит в соответствующую тематическую группу со своими гипонимами; ср.: продукты питания – *молоко, масло, творог, сыр, сметана*; емкость – *бутылка, фляга, ведро, пакет, пачка* и т. п. (Плотников 1983: 138).

По мнению Дж. Лайонза, «гипонимия и несовместимость являются самыми фундаментальными парадигматическими смысловыми отношениями, посредством которых структурирован словарный состав языка» (Лайонз 1978: 478). Как видим, гипонимия может смыкаться с синонимией лексических единиц, находящихся в привативных оппозициях, однако, как советуют некоторые исследователи, предпочтительнее использовать термин «гипонимия» по отношению к тем случаям, когда имеет место четкая и определенная

родо-видовая субординация лексики, строго выраженные отношения согипонимов (Новиков 1982: 242). Таким образом, кроме общеизвестных синонимических и антонимических отношений, между лексическими единицами языка существуют отношения иного типа – родо-видовые, называемые еще гипонимическими отношениями. Это явление связано с тем, что человек может назвать одно и то же явление то видовым, то родовым понятием в зависимости от ситуации, цели и назначения высказывания.

Кроме теоретического значения, изучение гипонимии в языках, в частности в младописьменных, в которых собственно лексико-семантические системы пока еще слабо исследованы, имеет, несомненно, и важное практическое значение. Явление гипонимии довольно широко используется в качестве средства для определения лексических значений в различных словарях, особенно в толковых, тематических и других словарях и энциклопедиях. О важной роли гипонимии можно судить по тому общеизвестному факту, что она (гипонимия) лежит в основе семантической классификации лексики в идеографических словарях, разработанных на материале ряда западноевропейских языков (английского, французского, немецкого, испанского и др.). Семантическая классификация слов в этих лексикографических трудах представляет иерархическое членение словарного состава от глобальных группировок с общим значением «материя», «разум», «воля», «чувства» и др. до убывающих по степени обобщенности лексических групп, вплоть до таких, которые состоят всего лишь из нескольких лексических единиц (Плотников 1983: 193). Важно иметь в виду и то, что хотя гипонимия связана с логикой человеческого мышления и служит привычным и довольно удобным для общения средством, которое позволяет в зависимости от ситуации выбирать для наименования одной и той же реалии более общие или более специальные слова, гипонимические отношения не проявляются во всех языках с одинаковой регулярностью. Так, Лайонз отмечал, что в английском языке нет гиперонима по отношению ко всем цветообозначениям (Лайонз 1978: 480-481), в кабардинском, французском, чешском, словацком и некоторых других отсутствует гипероним к словам «день» и «ночь» (ср. русск.: «сутки»). Довольно часто одна и та же реалья может быть обозначена в ряде языков не согипонимами, как показывает логика, а словами, находящимися между собой в гипонимических (родо-видовых) отношениях. По данным В.Г. Гака, среди глаголов французского языка гораздо больше гиперонимов – слов с высокой степенью абстрактности, обобщенности, чем в английском, немецком или русском языках, в которых действие передается многими глаголами, выступающими по отношению к французскому глаголу гипонимами (Гак 1977: 77). Балли утверждает, что в немецком языке проводится тщательное различие между глаголами *legen* – класть, *stellen* – ставить, *hängen* – вешать, *setzen* – сажать и др., вместо которых «французский язык довольствуется бесцветным словом *mettre* «класть» (Балли 1955: 378). Можно вспомнить, «что в русском языке так же четко, с щепетильностью проводится разграничение понятий «идти» и «ехать», тогда как в кабардино-черкесском, адыгей-

ском, французском, финском они выражаются одним соответствующим словом. Примеры из кабардино-черкесского и русского языков для большей наглядности приведем в виде таблиц.

КИАПСЭ –	- 1. веревка	ЛЪХУЭН -	- 1. родить
	- 2. шнур		- 2. рожать
	- 3. канат		- 3. жеребиться
	- 4. шпагат		- 4. телиться
	- 5. проволока		- 5. пороситься -
	- 6. провод		- 6. котиться
	- 7. бечевка		- 7. щениться
	- 8. проводка		- 8. ягниться
	- 9. трос		- 9. козиться
	-10. струна		
ЛИЭН –	- 1. умереть	ТХЫЛЪ-	- 1. книга
	- 2. скончаться		- 2. билет
	- 3. преставиться		- 3. документ
	- 4. помереть		- 4. справка
	- 5. очокуриться		
	- 6. околеть		
	- 7. сдохнуть		
ФЭ –	- 1. кожа	ПСЭФ	- 1. стельная
	- 2. шкура		- 2. сутелая
	- 3. шкурка		- 3. жеребая
	- 4. мех		- 4. жерёба
	- 5. кожура		- 5. сужереба
	- 6. кожица		- 6. супоросная
	- 7. шелуха		- 7. супоросая
	- 8. лузга		- 8. супорось
	- 9. чешуйка		- 9. суягная
	-10. корка		- 10. сукотная
	-11. цвет	ПСЫ	- 11. скотная
	-12. расцветка		- 12. чреватая
	-13. окраска		- 13. щённая
	-14. масть		
	-15. пленка		- 1. вода
	-16. скорлупа		- 2. река
	-17. колер		- 3. влага
	-18. меховой	КЪУТЭН	- 1. разбить
	-19. кожаный		- 2. сломать
	-20. кожевенный		

Ср. еще: *лункъыбзэ* – ключ и замок; *жъынду* – сова, филин, сплюшка; *къуаргъ* – ворона, грач, галка; *тхъэмахуэ* – воскресенье, неделя; *пицэдэль* – кашне, шарф, галстук; *лэлъэ* – рукавицы, перчатки, варежки; *лътэд* – чулки, носки; *гъуэниэддж* – трусы – штаны, брюки, шорты, плавки, шаровары, лосины; *клагуэ* – тужурка, телогрейка, куртка; *хъндыркъуакъуэ* – лягушка, жаба и мн. др.

Мы здесь фразеологизмов не рассматриваем.

Гипонимия и связанные с нею явления до сих пор в адыгovedении, к сожалению, не обсуждались, и, естественно, требуют дальнейшего углубленного исследования.

§ 12. Конверсия, или лексико-семантическая группа, объединенная обратными отношениями

«Конверсия-образование нового слова путем перевода данной основы в другую парадигму словоизменения» (Ахманова 1966: 202). По А.А. Реформатскому, конверсия – особый вид омонимии, «когда данное слово переходит в другую часть речи без изменения своего морфологического и фонетического состава, напр.: зло – прилагательное среднего рода и зло – наречие. Ср. также существительное «зло». Все эти слова являются омонимами, так как они принадлежат к разным частям речи с разными лексическими значениями, хотя вещественное значение корня у них и совпадает» (Реформатский 1967: 88). «Конверсия» в таком значении довольно широко употребляется в современной научной и учебной литературе.

М.А. Кумахов (1964) использует термин «конверсия» для обозначения одного из распространенных в кабардино-черкесском и адыгейском языках способов образования слов. Имеется много слов, которые при синхроническом анализе выступают как нейтральные, а в диахроническом плане – как производные. Например: *пхъащлэ* – плотник и плотницкая, *щаклуэ* – охотник и охота, *бдзэжъеящэ* – рыболов и рыбалка, *гъуклэ* – кузнец и кузница и мн. др. При этом целый ряд слов выступает в качестве исходных основ, от которых образуются как глаголы, так и существительные: *джэгу* (игра): *джэгун* – играть, *соджэгу* – играю, *мэджэгу* – играет (глаголы) *джэгу*, *джэгур*, *джэгум*, *джэгумклэ* (существительное а разных падежах); *усэ* (стихи): *усэн*, *соусэ*, *мэусэ* (формы глагола), *усэ*, *усэр*, *усэм*, *усэмклэ* (формы существительного); *щлалэ*: прил. *щлалэ* – молодой, сущ. *щлалэ* – парень; *гъэсын* – сжигать, *гъэсын* – топливо; *гъавэ* – вари, *гъавэ* – урожай; *гъэфлэн* – лелеять, *гъэфлэн* – воспитанник, любимец; *дын* – шить, *дын* – шитье, шитво и мн. др. В таком традиционном плане функционирует термин «конверсия» и в ряде языковедческих школ, в частности, в исследованиях представителей Пражской лингвистической школы, например Вахка (1964: 90). Однако в современной лексикологии стало довольно популярным иное значение этого термина. «Конверсия (выражение «обратных отношений» единиц) как лингвистическое явление первоначально обратило на себя внимание в синтаксисе, при рассмотрении

взаимоотношений субъекта и объекта» (Новиков 1982: 214). Это же значение отмечено в словаре О.С. Ахмановой (1966): «Одно из противоположных свойств как составляющих данную категорию». Так, конверсию звонкости представляет глухость, конверсию твердости представляет мягкость и т.д., а в лексике конверсию *дать* представляет *взять* (получить), *продавать* *покупать*, *принимать* (экзамен) – *сдавать* (экзамен) и т.п. Выражение таких отношений более заметно проявляется в грамматическом залоге: *рабочие строят дом* – *дом строится рабочими*. Залоговые отношения были как бы обобщены и увязаны с более широкими универсальными отношениями, что и позволило обнаружить в языках «пары глаголов, находящихся друг с другом в таких же отношениях, как и слова *над* и *под*, *перед* и *после*, *больше* и *меньше*, *старше* и *моложе*. К таким случаям можно отнести: А предшествует Б = Б следует за А. То, что в первом предложении рассматривается с точки зрения А, во втором рассматривается с точки зрения Б» (Есперсен 1958: 186). В дальнейшем это явление распространяется и на область лексикологии, вернее, семасиологии. Дж. Лайонз, анализируя основные семантические отношения лексических единиц, рассматривает конверсию как одну из разновидностей лексической «противоположности» в широком смысле слова (Лайонз 1978: 493–495), что, полагаем, дает основание квалифицировать ее (конверсию именно в семасиологическом понимании) как определенную лексико-семантическую микросистему, отличную от других микросистем этого типа (напр., антонимии, синонимии, полисемии и т.п.). Небезынтересно в этом плане замечание самого Лайонза: «Хотя антонимия и конверсивность должны разграничиваться, между этими отношениями наблюдается определенный параллелизм» (Лайонз 1978: 493). О. Есперсен и Дж. Лайонз отмечают, что в большинстве случаев сдвиг осуществляется путем перевода, преобразования активной конструкции в конструкцию пассивную. Более обстоятельно проблема конверсии в советском языкознании освещена известными семантиками Ю.Д. Апресяном (1974) и Л.А. Новиковым (1982), посвятившими специальные разделы своих монографий этому явлению языка. Дав определение конверсии вообще, лексических конверсивов в частности, Ю.Д. Апресян и Л.А. Новиков далее выявляют структурные и семантические типы конверсивов, отграничивают их от квазиконверсивов как приблизительных, не совпадающих по значению с конверсивами.

Рассматриваемое семантическое явление имеет распространение, естественно, и в кабардино-черкесском языке, но оно не только не исследовано, но и даже не упомянуто ни в одной из лексикологических работ, посвященных адыгским языкам. Рассмотрим несколько примеров из кабардино-черкесского языка. *Дыцэр дыжсыным нэхрэ нэхъ лъапIэц* – Золото дороже серебра – *Дыжсынынр дыцэм нэхрэ нэхъ пудц* – Серебро дешевле золота; *Псыр дыцэм нэхрэ нэхъ лъапIэц* – Вода дороже золота – *Дыцэр псым нэхрэ нэхъ пудц* – Золото дешевле воды; *Кхъужьейр мыIэрысейм нэхрэ нэхъ лъагэц* – Груша выше яблони – *МыIэрысейр кхъужьейм нэхрэ нэхъ лъахъ*

шэц – Яблоня ниже груши; *АбытIэр Яковлевым и ученикц* – Абитов (есть) ученик Яковлева – *Яковлевыр АбытIэм и учитель* – Яковлев (есть) учитель Абитова; *Лингвист цIэрыIуэ В.М. Жирмунскэр биолог А.В. Жирмунскэм и адэц* – Известный лингвист В. М. Жирмунский (есть) отец биолога А.В. Жирмунского – *Биолог А.В. Жирмунскэр лингвист цIэрыIуэ В.М. Жирмунскэм и кьуэц* – Биолог А.В. Жирмунский (есть) сын известного лингвиста В.М. Жирмунского; *Тхылъыр журналым и шIыIу телъц* – Книга лежит над журналом – *Журналыр тхылъым и цIагъ цIэлъц* – Журнал лежит под книгой и т.п.

Приведенные примеры свидетельствуют, что в кабардино-черкесском языке обращается довольно значительное число лексических конверсиров, различных как по структуре, так и по семантике. Среди них можно выделить ряд структурных типов: конверсивы – глаголы (предикаты), например: *къэ-цэхун* – купить – *цэн* – продать; *етын* – отдать – *къеIыхын* – взять; конверсивы – существительные: учитель – ученик; *лIы* – муж – *фыз* – жена; *адэ* – отец – *кьуэ* – сын; конверсивы – прилагательные: *нэхъыжъ* – старше – *нэхъыцIэ* – моложе; *нэхъ быдэ* – крепче – *нэхъ махэ* – слабее и др. части речи.

Лексические конверсивы могут быть систематизированы и типизированы и в ином, семантическом, плане (Апресян 1974: 268-273). В соответствии с природой таких слов они выражают обычно связь, соотношение, соположение, взаимозависимость, взаимодействие и т.п. отношения соответствующих предметов и явлений действительности.

По мнению Ю.Д. Апресяна, конверсивами могут быть не только слова, но и фразеологические единицы, в качестве которых приводятся такие синонимобразные выражения: *Он был на волоске от смерти* – *Смерть смотрела ему в лицо*; *Работа захватила его целиком* – *Он с головой ушел в работу*; *Он заплатит за это* – *Это ему даром не пройдет* и др. (Апресян 1974: 265).

В кабардино-черкесском языке: *Ахэр уэихым хэуац* – *Ахэр уэихым хиубыдац* – Они попали под дождь – *Их захватил дождь*; *Ди ахъшэр дыухац* – *Ди ахъшэр исыклац* – Мы свои деньги израсходовали – *Наши деньги кончились*; *Абы и кьурмакъейм къэс лэжъыгъэ иIэц* – *Абы и лэжъыгъэр кьурмакъейм къос* – букв.: Он имеет работу, доходящую до горла – У него работы по горло; *Хьэсэм удз къытеклац* – *Хьэсэр удзу зэцIэкIэжац* – На грядке выросла трава – Грядка заросла травой; *Вакъэм ятIэ кIэрыпцIац* – *Вакъэр ятIэ хъуац* – Грязь прилипла к обуви – Обувь запачкалась; *Ар куэд хуейц Алим лъэцIэхъэным* – *Ар Алим и кIэпкъым дэлъу ихъыниц* – Ему далеко до Алима – Алим заткнет его за пояс; *Абы нэхърэ Расул зы цхъэкIэ нэхъ лъагэц* – *Расул нэхърэ ар зы цхъэкIэ нэхъ лъахъшэц* – Расул выше него на голову – Он на голову ниже Расула и др. Для того, чтобы разнообразить материал, мы привели, наряду с фразеологизмами, и свободные сочетания слов. В качестве конверсиров могут быть рассмотрены также следующие примеры: *Жалар ерагъу абы кьыгурыIуац* – *Жалар ерагъу абы и цхъэм кыхъац* – Он с трудом понял смысл сказанного – Сказанное с трудом дошло до него; *Ар лъаганIэм егъэшинэ* – *Ар лъаганIэм цошынэ* – Его пугает высота – Он боится

высоты; *Шыр машинэм егъащтэ* – *Шыр машинэм цоцтэ* – Машина пугает лошадь – Лошадь боится машины; *Теклуэныгъэм гур хегъахъуэ* – *Теклуэныгъэм гур цогуфIыкI* – Удача радует сердце – Удаче радуется сердце и т. п.

Наряду с конверсивами в языках выделяют и так называемые квази-конверсивы, частичные различия которых могут нейтрализоваться в контексте или быть несущественными для данного текста. Например: *ЩIымахуэр уащхъуэдэмьщхъуэу къыттеуащ* – Зима застала нас врасплох (сема «неожиданность», «внезапность») – *ЩIымахуэм зыхуэдгъэхъэзыракъым* – Мы не подготовились к зиме (отсутствие такой семы); *Абы и тхылъыр сэ къызытащ* – Он дал мне свою книгу (каузировал (заставил) меня иметь) – *Абы и тхылъыр сэ къысIэрыхъащ* – Его книга досталась мне (перешла в мое владение по какому-то правилу распределения, может быть, случайному).

Соотношение между конверсивами и квазиконверсивами можно сравнить с соотношением между омонимами и паронимами. Кроме того, как видим из приведённых примеров, конверсивы довольно близки к синонимам и антонимам. Однако, как отмечает Л.А. Новиков, взаимодействие конверсивов и синонимов, образование первых на основе вторых становится невозможным из-за различных ролевых структур (соответственно – обращенных и тождественных). Напротив, конверсивы и антонимы тесно взаимодействуют: значительное количество конверсивов строится на основе определенного употребления антонимов (*молодой-старый*: *Иван моложе Петра* – *Петр старше Ивана*) (Новиков 1982: 221). Рассмотренный материал убеждает, что конверсия занимает определенное место среди типов семантических отношений в кабардино-черкесском языке и, несомненно, заслуживает специального исследования. Предпринятая здесь попытка приложения этой недостаточно еще разработанной в отечественной лингвистике семантической теории к материалу семасиологически слабо исследованного младописьменного кабардино-черкесского языка, возможно, не избежала отдельных промахов и упущений. Если быть объективным и к сказанному еще добавить бесспорную сложность рассматриваемой проблемы, то ожидать иных результатов на данном этапе развития адыгской лексикологии и семасиологии было бы нереально.

§ 13 Лексическая синтагматика (валентность слов), или лексико-семантическая группа, объединенная синтагматическими отношениями

Лингвистическое явление, характеристика которого дается ниже на материале кабардино-черкесского языка в сопоставлении с русским, почти не изучено в младописьменных языках. Следует отметить, что при освещении этого явления и его аспектов в сфере лексики и семантики специалистами используется ряд терминов, которые, по словам Т. Виноград (1983: 124), «употребляются в разных смыслах, не всегда совместимых и не всегда понятных». Вот тот ряд терминов, которые нами выбраны из сравнительно не-

большого круга исследований отечественных и зарубежных авторов: синтагматика слова, синтагматические связи слова, лексическая сочетаемость слова, грамматическая сочетаемость слова, синтаксическая сочетаемость слова, валентность слова, сочетаемость слова, окружение лексемы, окружение слова, структура окружения лексемы, синтаксическая валентность, семантическая валентность... Несмотря на заметные достижения в исследовании семантики, до сих пор мы, к сожалению, не имеем ни четкого определения приведенных выше терминов, ни ясного разграничения их между собой. Сопоставление, сравнение данных терминов и существующих десятков и сотен их дефиниций потребуют специального исследования, о чем мы здесь, естественно, не помышляем. Современная семантическая терминология отличается от терминологии других уровней языка большой усложненностью и, к сожалению, меньшей разработанностью. Небезынтересно в связи с этим отметить, что почти ни один из перечисленных терминов не получил сколько-нибудь удовлетворительного разъяснения (а зачастую и вовсе не нашел даже места) ни в одном из отечественных и зарубежных словарей лингвистических терминов, вышедших за последние лет тридцать (Марузо 1960; Вахек 1964; Хэмп 1964; Нечаев 1976; Розенталь, Теленкова 1972; 1976; 1985; РЯЭ 1979), за исключением ЛЭС (1990: 79), РЯЭ (1997: 654). Оставляют желать лучшего и существующие учебники и пособия по циклу общелингвистических дисциплин. Между тем среди многочисленных рифов, возникающих в самых неожиданных местах перед исследователями как старописьменных, так и младописьменных языков, едва ли не наиболее загадочными оказываются трудности, связанные с семантикой и лексической синтагматикой.

Важность изучения законов сочетания слов отмечал еще Л.В. Щерба, который писал: «Несомненно, что при говорении мы часто употребляем формы, которые никогда не слышали от данных слов, производим слова, не предусмотренные никакими словарями, и, что самое главное и в чем, я думаю, никто не сомневается, сочетаем слова... по определенным законам их сочетания...» К этому месту, не дожидаясь конца предложения, ученый делает следующее глубокое и тонкое добавление: «Имею в виду здесь не только правила синтаксиса, но, что гораздо важнее, правила сложения смыслов, дающие не сумму смыслов, а новые смыслы, – правила, к сожалению, учеными до сих пор мало обследованные, хотя интуитивно отлично известные всем хорошим стилистам» (Щерба 1974: 24).

Развивая и углубляя эти мысли Л.В. Щербы, в особенности подчеркивая, к каким нежелательным последствиям приводит незнание законов сочетания слов и смыслов, В. В. Виноградов в одной из своих последних работ отмечал: «Неразграничение или смешение разных структурных отношений или разных уровней в языке, а также отсутствие тщательного анализа их взаимодействия неизбежно ведет к путанице в кругу разных структурно-смысловых языковых единиц. Особенно важен тщательный анализ признаков взаимосвязи и видов взаимодействия лексико-семантических (в том числе и

лексико-фразеологических) уровней с грамматическими». Ученый подчеркивает, что знание правил сложения смыслов, опирающееся отчасти на исследование законов взаимодействий грамматических и семантических уровней слова, с одной стороны, и законов сочетаемости слов, а также сцеплений словосочетаний и фраз, с другой, помогло бы яснее и точнее воспроизводить систему функционирования и соотношения всех этих языковых единиц в структуре языка и в речевой коммуникации. Все это, по мнению В.В. Виноградова, приобретает особенную важность в теории и практике лексикографии. Подтверждая сказанное, автор приводит многочисленные примеры расплывчатых и нечетких семантических характеристик, смещения значений самого слова и образуемых с его участием словосочетаний, а также отсутствия или недостаточности грамматических толкований и квалификаций слов и выражений (Виноградов 1969 б: 5-7).

Недостатки подобного рода, хорошо известные каждому, кто сколько-нибудь знаком со спецификой лексикографической работы, в особенности связанной с созданием толковых словарей национального языка, проистекают, во-первых, из-за слабой изученности проблем семасиологии и ее главного объекта – значения, во-вторых, из-за необычной сложности самой лексико-семантической системы и ее связей и отношений с грамматической системой языка. То, что аналогичные недостатки и вызывающие их причины в увеличенных масштабах имеют место в лексикографических работах по младописьменным языкам, доказывать не приходится.

Говоря о трудностях, с которыми сталкивается семантик при исследовании полисемантического слова, Э.М. Медникова указывала на весьма характерный и вместе с тем важный момент: «Часто ставится вопрос – что в исследовании семантики первично – полисемия слова, т.е. ингерентные свойства, внутренняя способность слова выступать в различных лексико-фразеологических вариантах, или его «валентность», т.е. «периферийные» свойства, определяющие специфику его лексико-фразеологических связей? Следует ли считать, что слово «живой» выступает в следующих контекстах: 1) *живая природа, живые цветы, живая изгородь, живое существо* и т.п.; 2) *живая действительность, живой пример (героизма), изобразить живых людей*; 3) *живой темперамент, живой ребенок, живой ум, живой отклик, живое участие; живое изложение, живо описать (что-нибудь)*; 5) *живое дело, живое начинание*; 6) *живая обида, живое воспоминание, живо почувствовать (что-нибудь)*; 7) *жив одной надеждой* – потому, что само по себе имеет значения: 1) «такой, который живет, обладает жизнью»; 2) «подлинный, сый настоящий», 3) «деятельный, полный жизненной энергии»; 4) «легкий, занимательный, выразительный»; 5) «отвечающий реальным потребностям, жизненный»; 6) «остро переживаемый»; 7) «такой, который существует чем-н., черпает силу в чем-нибудь» – или, наоборот, оно имеет перечисленные значения именно потому, что в лексико-фразеологическом плане сочетается с указанными выше словами?» (Медникова 1974: 44).

Возьмем аналогичный пример из кабардино-черкесского языка. Можно ли считать, что слово *цхъэ*- голова выступает в следующих контекстах: 1) *цхъэ цIэца* – подстриженная голова, *цхъэ упса* – бритая голова, *цхъэ балыджэ*- голова-редька (о бритой голове), *цхъэкъэб* – голова-тыква (о тупом человеке); 2) *цхъэ бжыгъэ* – число голов, *Ицышхуэу цхъэ бжыгъэ мин* – тысяча голов крупного рогатого скота; 3) *цхъэ зыфIэт гур* -- кто-нибудь с головой, *цхъэфI зыфIэт* – с умной головой; 4.) *цхъэ телъхъэн* – накрыть крышу, кровлю, *унэшхуэм и цхъэр зэхъуэкIын* – заменить крышу большого дома, *хэтхэ я унацхъэ къанжэ тес?* – на чьей крыше сорока сидит? (намек: на чьей девушке ты хочешь жениться?) (поговорка); 5) *кIадацхъэ* – крышка кадки, *кIэструлыцхъэ* – крышка кастрюли; 6) *жыгыцхъэм тесын* – сидеть на верхушке дерева, *мэкъу Iэтэм и цхъэр теудын*-свалить (сорвать) верхушку с копны сена; 7) *псыцхъэм нэс кIуэн* – дойти до истока реки, *псынацхъэм деж псыр нэхъ цыщIыIэц* -- у истока родника вода холоднее; 8) *винтыцхъэр фIэ-чац* – головка винта оторвалась, *гъуэщI лунацхъэр къытелътац* – шляпка гвоздя отлетела, *семышкIацхъэхэм дыгъэмкIэ загъазэ* – шляпки подсолнуха поворачиваются к солнцу, *бжыныхуцхъэ* – головка чеснока; 9) *и цхъэр сысейщ, и лъабжъэр ууейщ* – вершки мои, корешки твои; 10) *шэ гъэпцIтам и цхъэр гъэдиин* – дать остыть вскипяченному молоку (чтобы пенка образовалась), *шатэпсым и цхъэр къыцхъэщыгъэжын* – слить верхний слой (пенку) со сливок; 11) *птулъкIацхъэм нартыхужэпкъ IуукIэн* – заткнуть горлышко бутылки кукурузной кочерыжкой; 12) *цхъэр псэумэ, пыIэ цыщIэркъым* – была бы голова целая, а шапка найдется; 13) *цхъэм имытмэ, лъакъуэм имыгъуагъэц* – горе ногам, коли голова пуста; 14) *глаголым цхъэкIэ зехъуэж* – глагол изменяется- по лицам (букв.: по головам); 15) *ицхъэхэм я зэIуцIэ* – встреча в верхах и др. – потому, что существительное *цхъэ* само по себе имеет значения: 1) верхняя часть тела человека, верхняя или передняя часть животного, содержащая мозг; 2) единица счета; 3) ум, рассудок, сознание; 4) человек как носитель каких-н. идей, взглядов, способностей; 5) крыша, верхнее покрытие строения, защищающее его от атмосферных явлений; 6) крышка, верхняя часть какого-н. сосуда, ящика и т. п.; 7) верхушка, макушка, верхняя оконечность чего-н.; 8) верховье, исток, место, откуда начинается водный источник; 9) головка, утолщенная оконечность чего-н.; 10) шляпка, верхняя расширенная часть чего-н., имеющего стержень, ножку и т.п. 11) вершки; 12) сливки; 13) пенка; 14) лицо (грам. термин); 15) верхи (новое) и др. – или, наоборот, слово *цхъэ* имеет перечисленные значения именно потому, что в лексико-фразеологическом плане сочетается с приведенными выше словами? Иначе говоря, можно ли вообще так ставить вопрос: которое из двух этих начал первично? По мнению Э.М. Медниковой, такой абстрактно-философский подход напоминает схоластический спор относительно того, что было раньше – курица или яйцо? Возникает своеобразный заколдованный круг: «полисемия – валентность, валентность – сочетаемость, сочетаемость – полисемия» и вновь «полисемия – валентность» и т.д. Выход

из него автор видит в четком определении и разграничении названных выше понятий и терминов, в соотнесении их с понятиями синтагматики и парадигматики и, наконец, в принципиальном определении характера связи между значением слова и словосочетанием (или, шире, контекстом), в котором это значение реализуется (Медникова 1974: 44-45).

Полисемия как важное условие функционирования языка, по О.С. Ахмановой (1966: 335), - это наличие у одного и того же слова не просто двух и более значений, как обычно трактуется многозначность, а «нескольких связанных между собой значений» (выделено нами. – М.А.). Иначе говоря, один и тот же звуковой комплекс со своим графическим обликом (если речь идет о письменной форме передачи значений) служит обозначением реально различных предметов и явлений, а следовательно, и употребляется в различных по смыслу словосочетаниях. «Лексическая валентность, так же как и полисемия, являющаяся фактом языка, - это поддающееся количественному определению свойство слова реализовать в речи свои синтагматические связи в виде словосочетаний» (Медникова 1974: 46). Значит, полисемантические слова в зависимости от силы притяжения, семантического потенциала (диапазона), валентности создают свой круг словосочетаний – свободных и фразеологических. Это, в свою очередь, означает, что семантика слова наиболее полно раскрывается в парадигматических связях, существующих в языке, и в синтагматических связях, реализующихся в речи. Это подтверждается результатами предпринятой нами попытки лексикографической разработки парадигматических и синтагматических связей нескольких сот наиболее полисемантических слов современного кабардино-черкесского языка в сопоставлении с русским. По типу приведенных выше двух примеров- (рус. *живой* и каб. - черк. *цхъэ*) рассмотрены нами лексико-семантические варианты и синтагматические связи следующих слов обоих языков: бегать – *жэ́н*, *зе́жэ́н*, белый – *хужь*, бить – *еу́эн*, *у́эн*, близкий – *гъу́нэгъу*, большой – *ин*, братъ – *къэ́цтэ́н*, бросить – *хы́фIэдзэ́н*, вести – *шэ́н*, везти – *шэ́н*, весь – *псори*, вид – *теплэ́э*, видеть – *лэ́агъу́н*, вещь – *хъэ́тшы́п*, вода – *псы*, войти – *хыхъэ́н*, *цIыхъэ́н*, взять – *кэ́цтэ́н*, время – *зэ́ман*, вольный – *ху́ит*, выйти – *къы́кIы́н*, *къыхэкIы́н*, вынести – *къыхэхы́н*, говорить – *псэ́лэ́н*, глухой – *дэ́гу*, голос – *макъ*, гореть – *исы́н*, дать – *еты́н*, делать – *цIэ́н*, дело – *Iуэ́ху*, давить – *пIы́тIы́н*, день – *маху́э*, держать – *Iы́гъы́н*, дом – *унэ́*, дорога – *гъу́эгу*, душа – *псэ́*, жизнь – *гъа́цIэ́*, земля – *цIы́*, идти – *кIу́эн*, корень – *лэ́абжэ́э*, корпус – *пкъы́*, круг – *къэ́ухъ*, место – *цIы́пIэ́*, мелкий - *жэ́гъей* и *чэ́нжэ́*, мир – *мамы́р*, нести – *хы́н*, низкий – *лэ́ахъи́э*, нос – *пэ́*, один – *зы́*, оставить – *къэ́гъэ́нэ́н*, -остаться – *кэ́э́нэ́н*, острый – *жан* и *сы́р*, открытъ – *Iухы́н*, отпустить – *утIы́тшы́н*, писать – *тхэ́н*, *тхы́н*, плавать – *есы́н*, поднять – *Iэ́ты́н*, показать – *гэ́лэ́эгъу́эн*, полный – *из*, положение – *цы́тыкIэ́*, пройти – *кIу́эн*, *кIуэ́цIры́кIы́н*, простой – *кы́зы́рыгуэ́кI*, *кы́зы́рыкIуэ́*, прямой – *заху́э*, пустой – *нэ́цI*, работа – *лэ́жы́гъэ́э*, резать – *у́пцIэ́тэ́н*, рука – *Iэ́*, сам – *езы́р*, свет – *нэху́*, свет – *дуней*, сердце – *гу́*, сидеть – *цы́сы́т*, сила – *къа́ру*, сильный – *лэ́эц*, слабый – *махэ́*, сладкий –

ІзфІ, смотреть – *еплъын*, стоять – *цытын*, носить – *зехъэн*, сухой – *гъуцэ*, твердый – *быдэ*, тело – *Іэпкълъэпкъ*, темный – *фІыцІэ*, *кІыфІ*, тень – *ныбжэ*, теплый – *хуабэ*, тонкий – *псыгъуэ*, тупой – *дзагуэ*, тяжелый – *хъэлъэ*, тянуть – *екъун*, убить – *укІын*, уйти – *ІукІын*, ум – *акъыл*, урок – *дерс*, учить – *егъэджэн*, хвост – *кІэ*, часть – *Іыхъэ*, честь – *цІыхъ*, чистый – *къабзэ*, читать – *еджэн*, чувство – *зэхэцІэ*, широкий – *бгъуэ*, ядро – *купцІэ*, язык – *бзэ* и *бзэгу*, яйцо – *джэдыкІэ*, ясный – *налуэ* и др. – всего около 400 единиц. Среди них наиболее полисемантическими оказались в русском языке: *бить*- 12, *гореть*- 10, *дело*- 11, *выйти*- 10, *нести*-10, *поднять* – 14, *пройти*- 16, *свободный* – 10, *сила* – 12, *смотреть* – 10, *сидеть* – 10, *идти* – 26, *резать* – 12, *стоять* – 10, *сухой* – 11, *тянуть* – 14, *язык* – 10 и др. Данные ЛСВ приводятся по СО, что несколько отличается от данных ТСУ, БАС, МАС, СОШ, БТС.

Как известно, одним из весьма слабых мест в двуязычных словарях по младописьменным языкам является разработка семантической структуры слов, в которых составители обычно отмечают далеко не все лексико-семантические варианты. Тем не менее в КРС обнаруживается немало слов, в семантической структуре которых авторами выявляются 4-5 значений, нередко и до 8-11 ЛСВ. В числе таких оказались: *еуэн* (бить, ударить) – 10, *къабзэ* (чистый) – 11, *гъэувын* (ставить)-5, *къешэкІын* (водить)- 5, *къикІын* (выходить)-6, *пэж* (правда)-5, *псалъэ* (слово)-6, *псы* (вода)-6, *пхъэ* (дрова) – 5, *тельхъэн* (класть)- 6, *фэ* (кожа)-6, *хэлын* (лежать)-6, *хуабжэу* (сильно) – 5 и мн. др. Мы далеки от мысли считать приведенные данные точным отражением объективной картины. Напротив, при более тщательном рассмотрении подавляющее большинство их обнаруживает иную семантическую структуру. Разумеется, это не результат развития значений слов за последние 47 лет, прошедших после издания словаря, хотя, естественно, определенные смысловые изменения за это время и произошли в семантической системе кабардино-черкесского языка.

Итак, можно считать, что одним из видов или типов проявления системных связей слов является закономерность их сочетания друг с другом, то есть синтагматические отношения. Они также обусловлены системой языка в целом, однако по сравнению с ассоциативными, или парадигматическими, «связями они больше прикреплены к контексту и зависят от него. Синтагматические связи раскрываются в процессе реализации значений слов как их валентностных способностей именно в определенных лексических сочетаниях. Лексическая сочетаемость-- это своего рода связь значений, которые опираются на их предметно-логический смысл, синтаксическая сочетаемость – закономерность соединения слов друг с другом в речи.

В области изучения одного из универсальных свойств языковых единиц, в качестве которых выступают синтагматические отношения, достигнуты значительные результаты, характеризующие синтаксический уровень адыгских языков (Яковлев, Ашхамаф 1941; Яковлев 1948; Кумахов 1989). Вопросы синтаксической сочетаемости слов в адыгских языках впервые мно-

госторонне освещены в монографии М. А. Кумахова, который выделяет 9 основных типов словосочетаний: 1) существительное + прилагательное (*шыбжый плъыжь* – красный перец, *гъуэжъуэ* – желтуха); 2) существительное + числительное (*мазибгъу* – девять месяцев, *эы унэ* – один дом); 3) существительное + существительное (*мывэ фланыцI* – каменный уголь, *гъуыцI гуэлыпынIэ* – железная кровать); 4) глаголы с посессивными аффиксами (*цIалэм и цей* – черкеска юноши, *хъыджэбзым и бостей* – платье девушки); 5) существительное + местоимение (*си унэ* – мой дом, *мы Iуэхур* – это дело); 6) существительное + причастие (*пэным цIэсыр* – сидящий в комнате, *тхылъ еджэ цIалэр* – юноша, читающий книгу); 7) глагол + существительное (*уод бостей* – шьешь платье, *совэ цIыр* – пашу землю); 8) глагол + наречие (*дэнэ укIуэрэ* – уйдёшь ли, *дэнэ* – куда идёшь?, *нобэ къокIуэ – къокIуэ nobэ* – приезжает сегодня); 9) словосочетания с послелогом. Например: *нобэ лъандэрэ цысыц* – весь сегодняшний день сидит, нарт *гугъу ещI* – о нартах рассказывает, *шэд-жагъуэ нэужьым къокIуэ* – после обеда приходит (Кумахов 1989: 299-331).

Известно, что для каждого языка существуют специфические сочетательные потенции частей речи. В этом плане важно отметить, что в адыгских языках, как можно судить, по данным М.А. Кумахова, не наблюдается словосочетаний типа: существительное + наречие (ср.: *чай вприкуску, яйца всмятку, продажа в рассрочку, дорога в никуда, кофе по-турецки, шагилык по-карски, лакумы по-чегемски, разговор по-кабардински, шаг назад, путь вниз, вид сверху, сдвиг вправо*; существительное + существительное типа: *честь труду, слава герою, мир народам, землю крестьянам; пятна на платье, следы на снегу, кровь на лице* и т.п. Небезынтересно отметить, что отдельные из последних типов под влиянием русского языка получают определенное распространение в литературном языке, в частности в языке газет, журналов. Ср. *гуащIэдэкIым цIыхъ* «слава труду», *тхылъыр – цIыхубэм* «книги – в массы», *гъавэр – къэралым* «хлеб – государству» и другие, которые пока еще воспринимаются как искусственно сконструированные синтаксические единицы.

Что касается изучения синтагматических отношений на лексическом и семантическом уровнях, то в адыгском языкознании эта проблема специально не рассматривалась. Между тем ее исследование имеет важное теоретическое и практическое значение, особенно оно представляет значительный интерес для лексикологии в целом и толковой лексикографии в частности (Апажев 1994: 4-8). В связи с тем, что комбинации слов в тексте осуществляются по определенным синтаксическим правилам, а «сочетаемость каждого отдельного слова в пределах допускаемых последними моделей обусловлена его собственной семантикой», различают синтаксическую и лексическую сочетаемость слов, причем «синтаксическая сочетаемость слова определяется его лексико-грамматической характеристикой, лексическая сочетаемость – его индивидуальным значением» (Шмелев 1973: 160).

В отличие от синтаксического уровня на лексическом уровне сочетаемость проявляется в избирательности лексем; ср.: «оказать услугу, внима-

ние» при недопустимости «оказать заботу, интерес» (ЛЭС 1990: 483), для последних имеется своя избирательность: «проявить заботу, интерес».

В ряде мест данной, работы мы, рассматривая отдельные вопросы лексико-семантической системы, касаемся лексической сочетаемости. Здесь необходимо остановиться на этом вопросе более подробно. Лексическая сочетаемость теснейшим образом связана с такими сугубо прагматическими вопросами: Как сказать? Можно ли так сказать? Как лучше сказать? Можно ли такое-то существительное сочетать с таким-то существительным, прилагательным, наречием и т.д.? К сожалению, наши толковые словари далеко не всегда отвечают на эти вопросы. Не созданы еще лексиконы, которые более или менее полно отражали бы валентностные способности слов. Возьмем конкретный пример. В кабардино-черкесском языке глагол *етын* – «дать» лексически сочетается с целым рядом существительных, тогда как каждое из этих существительных, то есть их эквивалентов, в русском языке сочетается со своим «избранным» глаголом. Например:

- *объявленэ* -**дать** объявление, дорогу, право
- *судым* – **предать** суду, военному трибуналу
- *выговор* – **объявить** выговор, благодарность
- *орден*- **наградить** орденом, медалью

ЕТЫН - *званэ* - **присвоить** звание (почетное, ученое)

- *премэ* – **присудить** премию, ученую степень
- *повесткэ* – **вручить** повестку
- *сыхъэт* – **давать** часы (уроки)

Слово *тхъэцIын* – мыть сочетается с существительным *хъэкъуцIыкIу* – посуда, *напэ* – лицо, *Иэ* – рука, *вакъэ* – обувь, *машынэ* – машина, ср. новое: *пызIцIэр тхъэцIын* – обмыть новую шапку (перен.). Переходные глаголы *гъэпскIын* – купать, *жъыцIын* – стирать, неперех. *жъыцIэн* – стирать вообще свободно сочетаются с различными частями речи, как и в русском языке. Ср.: *сабийр* *гъэпскIын* – купать ребенка, *шыр* *гъэпскIын* – купать коня, *джанэр жъыцIын*- стирать сорочку и мн. др. Однако глаголы того же семантического круга – *лъэсын* «мыть», *хуцIын* «мыть» – обнаруживают заслуживающее внимания лексикографа своеобразие. Дело в том, что *лъэсын* сочетается только с существительными: *хугу* – пшено, *прунж* – рис, *унэлъэгу* – пол, *вакъэ* – обувь, *бжэцIхъэIу* – порог и нек. др., а *хуцIын* – только с *цIхъэ* – голова. Ср. перен.: *и цIхъэр хуцIын* – устроить кому-н. головомойку.

Лексическая сочетаемость слова тесно связана с его семантической структурой и обуславливается богатством или бедностью семантики слова. Выше, в разделе «Полисемия», приводились *примеры*, подтверждающие сказанное. Рассмотрим здесь еще несколько примеров. В КРС дано всего три значения глагола *зехъэн* – носить, которые сопровождаются двумя примерами в выходной части (дом и одежда), призванными, по мнению автора словарной статьи, проиллюстрировать синтагматические отношения или валентно-

стные способности этого слова в современном кабардино-черкесском языке. Между тем, как показывает беглый анализ, связи у этого глагола, его сочетательные способности оказались несравненно более широкими, как и сама его семантика. Покажем это на примере, который приводится ниже в виде словарной статьи «Кабардинско-русского словаря».

Зехъэн 1. *жъым пццлэщэ гъуар зэрехъэ* – ветер разносит сухие листья; 2. *ныбэкцлэ зехъэн* – носить плод под сердцем (о ребенке); 3. *пацилэ, жъакцлэ зехъэн* – носить усы, бороду; 4. *цэщэ, цэлъын, нэгъуджэ, вакъэ зехъэн* – носить оружие, кольцо, очки, обувь; 5. *унэццлэ, цлэ лъанцлэ зехъэн* – носить фамилию, почетное звание; 6. *ятцлэ зехъэн* – обмывать, побелить (дом, помещение); 7. *фадэм зэрехъэ* (о состоянии тошноты после опьянения) ср.: разносит, тошнит; 8. *хабзэ зехъэн* – соблюдать обычаи, традиции, *адыгагъэ зехъэн* – соблюдать адыгский этикет; 9. *къулыкъу зехъэн* – нести службу, *къэрал зехъэн* – руководить государством; 10. *сымаджэ зехъэн* – ухаживать за больным, *сабий (ллыжъ, фызыжъ) зехъэн* – ухаживать за ребенком (стариком, старухой); 11. *цэнэ зехъэн* – обслуживать пиршественный стол, ухаживать за гостями, разносить блюда, подавать на стол; 12. *бзаджэнаджагъэ, мыхъумыццлагъэ зехъэн* – творить, совершать нечто безнравственное, *залымыгъэ зехъэн* – чинить несправедливость; 13. *бзэгъу зехъэн* – доносить, ябедничать, *псалъэ зехъэн* – сплетничать; 14. *кцлэ зехъэн* – (разг.) наводить беспорядок, вызывать беспокойство, взбудоражить окружающих; ср. прост.: мутить, бузить; 15. *унагъуэ зехъэн* – вести домашнее хозяйство, *гуэху зехъэн* – вести делопроизводство (может быть, допустима интерпретация данного ЛСВ как оттенка значения пункта 9); 16. *гуэхур зехъэн*– (юр.) вести дело. Возможны и другие оттенки.

Еуэн 1. перех. бить, побить, ударить кого-что-л.; *напэм, еуэн* – ударить, бить по лицу; *бгъым джэдыкцлэ йоуэ* (поговорка) – бьет яйцами по скале, ср.: бьет из пушки по воробьям; 2. неперех. бить, пробить; *сыхъэтыр къоуэ* – часы бьют, *сыхъэтипццыр къеуащ* – часы проббили десять; 3. неперех. 1) издавать звуки, звон ударами; *уэзджынэ къоуэ* – колокольчик звенит; 2) бить, ударить; *тхъэгъуи еуэн* – бить в колокол; 3) хлопать в ладоши; *цэгъу йоуэ* – хлопает в ладоши; 4. неперех. стрелять; *нэцанэ еуэн* – стрелять по мишеням, *мэзджэд лъэтам еуэн* – стрелять по взлетевшему фазану; 5. жалить, ужалить, укусить, (о змее, насекомых – осе, пчеле и др.); *блэ эзуар аркъэным цоццтэ* (посл.) – ужаленный змеей аркана боится; *сыт къоуар – бжэз хъэмэ хъэдыгъуанэ?*– букв.: что тебя ударило (укусило)?, вместо правильного; кто тебя ужалил (укусил)?; 6. прихватить, побить что-л. морозом; *мыццрысэм (кцлэртлофым) ццылэ еуащ* – яблоки (картофель) побил морозом; 7. навредить, испортить что-л.; *хъун хъуэн* (о траченном молью), *хъун хъуащ (еуащ)* – моль поела; 8. играть на каком-л. музыкальном инструменте, исполняя что-л.; *цэпэщынэ, пианинэ, мандолинэ еуэн* – играть на балалайке, пианино, мандолине; *вальс еуэн* – играть вальс; 9. косить что-л.; *мэкъу, мэш еуэн* – косить сено, просо; 10. рубить что-л.; *мэз, чы еуэн*–рубить лес, хворост; 11. перен. выступить против кого-л. с критикой; *ар начальным еуащ* – он

выступил против начальника с критикой. Кроме того, известны устойчивые сочетания, тяготеющие к фразеологизмам, в которых реализуются другие, не отмеченные здесь, лексико-семантические варианты рассматриваемого слова. Ср.: *хуабэ еуэн* (о тепловом ударе); *хуабэ кьеуац сабийм* – теплом ударило ребенка; *дыгъэ еуэн* «1) подвергнуться солнечному удару, вызвать болезненное состояние у человека и животных, обусловленное нарушением мозговых функций в результате непосредственного действия солнечных лучей на голову» (СО-22: 190); 2) сильно подействовать солнечными лучами, обгореть сверху (о фруктах, овощах и т. п.); *гум еуэн* – причинить страдание, сердечную боль; *тхъу еуэн* – бить масло; *псыдыуэ еуэн* – присосаться (о пиявке); *бадзэ еуэн* – 1) гнать, отгонять мух; 2) перен. бездельничать; *пхъэпс еуэн* – строгать рубанком, фуганком и т.п.; *лъы еуэн* – сделать кровопускание; *шоткIэ еуэн* – чистить щеткой, наводя глянец; *сабэ еуэн* – 1) выбивать пыль, выколачивать пыль (из ковра, одежды); 2) стряхнуть, сбивать, счищать пыль с поверхности чего-л.; *щыблэ еуэн* – об ударе молнии; *щыблэр жыгым еуац* – молния ударила в дерево; *ерэч еуэн* – обработать шкурку, овчину, кожу особым скоблежным инструментом; *Iэмал еуэн* – прибегать к хитрости, уловкам, обхитрить кого-л.; *сэхусэплэ еуэн* – подкраситься (подкрасить губы, щеки, веки, ресницы); *мэкъу еуэн* – косить (букв. бить сено), ср.: рус. диалект бить сено.

Рассмотренные факты могут создать впечатление, что кабардинцы и черкесы постоянно повторяют одно и то же полисемантическое слово там, где русские оперируют различными словами. Однако описанное соотношение этих языков нередко бывает и обратным, причем вместо одного повторяющегося полисемантического русского глагола кабардино-черкесский язык может выставить не один десяток неповторяющихся лексем той же части речи со своими специфическими сочетательными свойствами и возможностями. Приведем несколько примеров в виде схем, что облегчает восприятие и дает возможность более наглядно представить особенности лексической сочетаемости слов в сопоставляемых языках.

- 1) шапку – *пыIэр щхъэрытIэгъэн*
- 2) пальто – *бэлътор щытIэгъэн*
- 3) обувь – *вакъэр лъытIэгъэн*
- 4) фартук – *кIэпхыныр Iупхъуэн*
- 5) бусы – *щыгъэр пщIэхэльхъэн*
- 6) кинжал – *къамэр шIэпхэн, кIэрыщIэн*
- 7) перчатки – *Iэльэр IэрытIэгъэн*
- 8) погоны – *дамэтельхэр тельхъэн*
- 9) орден – *орденыр хэльхъэн*
- НАДЕТЬ – 10) очки – *нэгъуджэр Iульхъэн*
- 11) серьги – *тхъэкIумэ тхъэгъухэр ильхъэн*
- 12) галстук – *пщэдэлыр дэльхъэн*
- 13) брошь – *бгъэхэлур хэлун*
- 14) перстень – *Iэльыныр IэрытIэгъэн*

- 15) (вставные) *зубы* – *дээр* **лүлхьэн**
- 16) *шлею* -- *шытенхуэр* **тепхуэн**
- 17) *попону-* – *шытенхуэр* **тепэн**
- 18) *ярмо* – *бжьыр* **тельхьэн (текхуэн)**
- 19) *калоши на туфли* – *туфлэм* **клэлош текхуэн**
- 20) *на палец,* – *лэпхуамбэм* **флэлун, флэлхьэн**
- 21) *коньки* – *лээрыжэхэр* **щлэпхэн** и нек. др.

Здесь особого внимания заслуживает специфика употребления, сочетания глаголов с названиями одежды, обуви, головных уборов и украшений. Глагол, как правило, включает название облачаемого объекта: *лэытлэггэн* «надеть на ногу», *цхьэрытлэггэн* «надеть на голову», *лэрытлэггэн* «надеть на руку, палец», *пицлэхэлхьэн* «надеть на шею» и т.д.

Как легко заметить, весь иллюстративный материал здесь и далее составлен из нейтральной лексики, без привлечения маркированных единиц типа разг. -неодобр.: *орденыр* **клэрылун** – нацепить орден, *пылэр* **цхьэрылун** – напялить шапку и другие, которые могли бы увеличить число соответствий. Рассмотрим кабардино-черкесские соответствия русскому «идти».

- 1) *цлалэр* **маклүэ** – юноша **идет**
- 2) *хьыбар* **кьоклүэкл** – молва **идет**
- 3) *зэлүцлэр* **йоклүэкл** – встреча **идет**
- 4) *пацлэр* **йоклү** – усы **идут**
- 5) *уэиш* **кьошх** – дождь **идет**
- 6) *уэс* **кьос** – снег **идет**
- 7) *уэ* **кьох** – град **идет**
- 8) *лэы* **кьокл** – кровь **идет**
- 9) *щлотлгыскл, щлелгяфэ* – **идет** ко дну
- 10) *шхыным* **ехь** – на еду **идет**
- 11) *цхьэм* **иклъркьым** – из головы **не идет**
- 12) *цхьэм* **кыхьэркьым** – в голову **не идет**
- 13) *бжыггэм* **ыхьэркьым** – в счет **не идет**
- 14) *псыр* **кьоклүэ** – вода **идет**
- 15) *лугуэр* **йокл** – дым **идет**
- 16) *хьунщ, сыарэзыщ,* – **идет**, да, согласен, ладно
- 17) *мэ дахэ* **кьыклэрех** – от него **идет** аромат
- 18) *мэ кьыжьэдех-* запах **идет** изо рта
- 19) *мэ кьыклүэцлех-* запах **идет** изнутри
- 20) *мащэм бамэ* **кьрех** – вонь **идет** из ямы.
- 21) *гьуцл* **лунэр** **блыным хохьэ** – гвоздь **идет** в стену
- 22) *шырыкьур* **лыхьэркьым** – сапог **не идет** на ногу
- 23) *луданэр* **флэхьэркьым** – нитка **не идет** в иголку
- 24) *и жеин* **кьаклүэркьым** – сон **не идет**

25) *зэманым докIу* – *идет* с веком наравне

26) *Иуэхур зауэм хуокIуэ* – дело *идет* к войне и нек. др.

Рассмотрим еще слово «снять» с его кабардинскими эквивалентами, общее число которых составило 37 не дублирующих друг друга единиц.

книгу с полки – *тхылъыр полкэм къехъхын*

шапку – *пыIэр щхърыхын*

одежду – *цыгъыныр щыхын*

обувь – *вакъэр лъыхын*

пальто с вешалки – *бэлътор фIэдзапIэм кыфIэхын*

фаргук, очки – *кIапхыныр, нэгъуджэр Iухын*

телефонную трубку – *телефон трубкэр кыитехын*

швы – *зэрадыжа Iуданэхэр кыыхъхыжын*

кинжал – *къамэр щIэхын, кIэрытIэтыкIын*

перчатки, кольцо – *Iэлъэр, Iэлъыныр Iэрыхын*

орден, медаль – *орденыр, медалыр кIэрыхын*

фото, фильм, копию – *сурэт, фильм, копие техын*

погоны, эполеты – *дамэтелъхэр техын, кыитехын*

брошь, булавку – *бгъэхэлур, мастэкъуанишэр хэхын*

серьги, браслет – *тхъэкIумэ тхъэгъухэр ихын*

СНЯТЬ-галстук, кашне – *пщэдэлъыр дахын*

хомут, уздечку; бусы, портупею – *...пщIэххын*

коньки – *лъэрыжэхэр щIэтIэтыкIын*

строительные леса – *теуванIэхэр Iухыжын*

войска – *дзэхэр кыыIушыжын, къеджэжын*

подкову с коня – *шым налыр щIэхын*

удила с коня – *шым цхуэлур жьэдахын*

комнату – *фэтэр къэщтэн*

урожай – *гъавэр къехъэлIэжын*

вражеского часового – *бий часовойр укIын, пхын*

картину со стены – *сурэтыр блыным кыыкIэрыхын*

свое предложение – *предложенэм кыегъэгъээжын*

яблоки с дерева – *мыIэрысэр кыыпычыжын*

арбузы, огурцы, помидоры – *...кыыщIэчыжын*

пенку с молока – *шащхъэр кыытелъэщIыкIын*

кукурузу – *нартыхур кыыдэчын*

первач с самогона – *аркъэ этеже тегъэжын*

студентов с занятий – *студентхэр еджэным кыытечын*

с работы – *лэжъапIэм кыытегъэкIын, кыыIугъэкIын*

с учета – *учетым кыыхэдзыжын, кыыхэгъэкIыжын*

показание – *показанэ кыыIыхын*

голову с плеча – *щхъэр фIэхын*

Глаголы подобного рода, избирательно сочетающиеся с именами существительными, обслуживающие определенные, «избранные» слова (нередко даже единственное слово), нами условно называются «глаголами одноразового использования», в отличие от свободно сочетающихся с другими словами единиц, то есть «глаголов многоразового использования». Это положение можно экстраполировать и на другие типы лексической сочетаемости слова в сопоставляемых языках.

В таком же порядке нами проанализированы лексическая синтагматика и семантика наиболее полисемантических слов кабардино-черкесского литературного языка в сопоставлении с русским Перечень этих слов с сокращениями приведен выше. Обнаруженные при этом совпадения и расхождения убеждают нас в том, что необходимо исчерпывающе описать всю лексическую систему в предложенном плане и на основе этого составить новый тип толкового и толково-двуязычного словаря с национально ориентированными, антиинтерференционными параметрами, с параллельным толкованием значений, описанием функционирования слова в речи, его сочетательных, валентностных способностей, «лексической совместимости» с другими словами внутри одной языковой системы, а также «семантической совместимости / несовместимости» слов одного языка со словами другого языка. Своеобразие лексической сочетаемости слов удастся обнаружить полнее и глубже при контрастивно-типологическом исследовании: то, что вполне естественно, традиционно в одном языке, часто недопустимо, а иногда и немыслимо в другом (ср.: *лошадь сидит; старик пил сигарету; мальчик пьет борщ; что это идет навстречу мне – волк или овчарка? что укусило ребенка? что тебя ужалило? что родила соседка? что вытоптало весь наш огород? что повалило нашу кукурузу?* и т. п.). Исходя из кабардино-черкесского материала, по-видимому, следует несколько иначе подойти к традиционному делению существительных на одушевленные и неодушевленные вообще и к специфике их лексической сочетаемости с различными словами в частности.

Своеобразие кабардино-черкесского языка в области лексической сочетаемости слов, помимо всего прочего, объясняет в определенной мере тот факт, что одной из сложных, трудных сфер в этом языке, в частности для тех, кто изучает его как неродной, оказываются не только грамматические категории сами по себе, на что обычно ссылаются, а их переплетение с особыми закономерностями лексической сочетаемости слов, при котором многочисленные единицы еще более индивидуализированы, чем, например, в русском и некоторых других индоевропейских языках, и обладают высокой степенью конкретности действий. Надо думать, что это обстоятельство занимает не последнее место в формировании национальной самобытности кабардино-черкесского и ближайше родственного адыгейского языков, проявляющейся в известной их афористичности и лаконичности.

М.И. Фомина отмечает, что «лексическая сочетаемость нередко влияет на развитие новых значений слов; сначала только в пределах определенных

словосочетаний, а затем-семантической структуры слова в целом, что влечет за собой изменения в лексических группах (парадигмах)» (Фомина 2001: 15). Далее автор ссылается на развитие парадигматических и синтагматических связей слова «география», являющегося, на наш взгляд, весьма показательным как для русского, так и для кабардино-черкесского и многих других языков. Остановимся на нем поподробнее. Еще недавно «география» означала в наших языках лишь «систему естественных и общественных наук, изучающих природные и производственные территориальные комплексы и их компоненты». Соответственно оно входило в следующий круг словосочетаний: *физическэ географие, экономическэ г., географьер джын* – изучать г., *географие урок* – урок г., *г. кабинет* и мн. др. Как свидетельствуют исследования по неологии и данные неологических словарей (НСЗ 1971; 1973, 1984, 1995), многочисленные материалы современной прессы и литературы на русском, кабардино-черкесском и других языках, одно за другим стали появляться такие сочетания, как: *география командировок, география сортов подсолнечника (гречихи, кукурузы), география членов ООН, география соревнования, география новых предприятий, география совместных российско-финляндских предприятий, география нашего влияния* и мн. др. Одновременно это коснулось, что не менее показательно, и строгой научной терминологии, где слово «география», как снежный ком, обрастало все новыми и новыми связями, что порождало и новые словосочетания, закрепившиеся даже в универсальных и специальных энциклопедиях. Здесь не безынтересно проследить как синтагматику слова «география», так и расстановку акцента на обозначаемом этим словом понятии за последнее столетие – по данным русских энциклопедических словарей. Из обширных по объему статей энциклопедий мы берем лишь первые предложения, в которых, как правило, содержится семантизация соответствующего термина. Мы не привлекаем к рассмотрению составные термины, включающие в себя прилагательные «географический, -ая, -ое, -ие».

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1892. Т. 8. *География* значит «описание или «изображение земли». *География растений* – иначе фитогеография или геоботаника.

Большая энциклопедия /Под ред. С.Н. Южакова. СПб., 1902. Т. 6. *География* – «землеописание», наука о земле, «землеведение». География в искусствах аллегорически изображается в виде женщины с квадрантом и циркулем в руках и земным глобусом у ног. *География животных* – учение о распределении животных на земле... и о законах, управляющих этим распределением. *География растений*; см. фитогеография.

Большая советская энциклопедия. М., 1929. Т. 15. *География* буквально значит: описание земли. На самом деле география занимается описанием не земли, а земель и стран. Правильным русским переводом слова Г. было бы «страноведение». *География военная* – специальная отрасль общей географической науки... *География животных*, или *зоогеография*... *География меди-*

цинская, топография медицинская, нозогеография, учение о географическом распространении болезней на земном шаре. *География растений, ботаническая география, фитогеография, геоботаника...*

Большая советская энциклопедия. М., 1952. Изд. 2-е. Т. 10. *География* – комплекс тесно связанных наук, охватывающий физическую Г. и экономическую Г. *География в школе* – один из основных учебных предметов в советской школе... «*География в школе*» – географический журнал. *География военная* – отрасль военной науки. *География животных* – то же, что и зоогеография. *География почв* – раздел почвоведения. *География растений* – раздел ботаники.

Большая советская энциклопедия. М., 1971. Изд. 3-е. Т. 6. *География* – система естественных и общественных наук, изучающих природные и производственные территориальные комплексы и их компоненты. *География ветеринарная* – исследует влияние географической среды на здоровье и продуктивность животных и распространение болезней животных. *География военная* – изучает современные военно-политические, военно-экономические, физико-географические условия и оперативное оборудование возможных сухопутных и морских театров военных действий (ТВД), отдельных стратегических районов, стран и их влияние на подготовку и ведение военных действий. *География животных* – то же, что зоогеография. *География историческая* – изучает физическую, экономическую и политическую географию прошлого той или иной страны или территории. *География медицинская* – наука, изучающая географическое распространение болезней и патологических состояний человека... *География мирового хозяйства* – отрасль экономической географии, занимающаяся изучением территориального размещения мирового хозяйства в целом и его отраслей по общественно-экономическим формациям, по отдельным странам и крупным районам, а также закономерностей, определяющих тенденции размещения мирового хозяйства. *География обслуживания* – изучает размещение и территориальную организацию различных видов культурного и социально-бытового обслуживания населения, необходимых в процессе общественного воспроизводства. *География политическая* – изучает территориальную расстановку и соотношение политических сил как внутри стран, так и между отдельными странами и группами стран в связи с их социально-экономической структурой, вопросы территориального формирования стран и государств, их государственных границ, исторических областей, административного устройства. *География почв* – раздел почвоведения. *География природных ресурсов* – изучает размещение и структуру отдельных видов и терр. сочетаний естественных ресурсов, проблемы их экономической оценки и национального хозяйства. *География промышленности* – отрасль экономической географии... *География растений* – фитогеография... *География сельского хозяйства* – отрасль экономической географии, изучающая размещение с. х. -ва, его факторы и закономерности. *География транспорта* – отрасль экономиче-

ской географии, изучающая терр., размещение транспорта и перевозок, его закономерности, условия и особенности развития транспорта... *География трудовых ресурсов* – отрасль географии населения, изучающая размещение трудовых ресурсов, региональные различия в их составе и использовании. *География физическая. География экономическая.* Ср. также: *лингвогеография* и др.

Кроме названных, мы обнаруживаем немало таких сочетаний в энциклопедических словарях географических терминов, которые довольно широко известны и в современной газетно-публицистической литературе: *география внешней торговли, география городов, география коммерческая, география сельских поселений, география железнодорожного транспорта, география автомобильного, сухопутного, водного, речного, озерного, морского, воздушного* и т.п. *транспорта* (ЭСГТ 1968: 78-82).

Приведенные факты наглядно и убедительно демонстрируют, как быстро развивается наука, в частности комплекс географических наук, как широко распространяются научные термины в жизни и получают прочное место в языке науки, а затем и в общелитературном языке. Действительно, многие из них вообще появились совсем недавно. До революции немногие кабардинцы и черкесы знали, что такое география, некоторые пользовались арабской формой этого термина – *джогурафье*. В послереволюционное время география становится одной из популярных научных дисциплин, и, пожалуй, все приведенные сочетания, за редкими исключениями, известны и употребительны в современном кабардино-черкесском языке.

Возникает тот же вопрос: что здесь первично – полисемия слова «география» или его валентность, парадигматика или синтагматика? Что же здесь важнее – то, что многозначность слова «география» обусловила способность его употребления со столь большим кругом слов, понятий, или, наоборот, сочетание слова «география» с данными словами, понятиями оказало влияние на развитие таких значений в слове «география»? Что послужило толчком, первопричиной развития – семантика или сочетаемость? Невозможно разделить эти две стороны функционирования слова, как два неразрывно связанных процесса (развитие значения и расширение сочетательных возможностей), протекающих в слове одновременно, постоянно взаимодействуя, взаимовлияя, взаимообогащая, взаимодопняя.

Механизм взаимодействия двух этих начал (парадигматики и синтагматики) в слове очень сложен. По-видимому, в семантике слова потенциально содержится данная способность, а речевая практика реализует эту потенцию, употребляя слово в контексте вначале, может быть, несколько необычно, далее необычное становится привычным, наконец, и популярным. Развивая новую сему, новое значение в себе, слово одновременно закрепляет за собой способность притягивать к себе те или иные слова. И поэтому, естественно, каждый опытный лексикограф, выявляя все значения слова и, как бы по совету Л. В. Щербы, «не мудрствуя лукаво», ищет иллюстрации, подбира-

ет авторитетные подтверждения в виде словосочетаний с данным словом, постоянно контролируя себя и задаваясь одним и тем же вопросом: говорят ли так кабардинцы и черкесы, выражаются ли так русские? Если лексикограф не нашел таких словосочетаний, шире – контекстов, в которых реализуются эти новые семы, значит, он не объяснил, не раскрыл всех значений слова или не доказал наличия у этого слова приписываемых ему значений.

Некоторые исследователи все же допускают наличие примата в данном процессе. Э.М. Медникова как будто бы склонна в качестве примата выставить полисемию. Правдоподобно, но едва ли это доказуемо. Это, однако, не означает, что доказуемо обратное. Скорее всего, оба эти начала развиваются одновременно в акте речи, где как будто первый толчок идет все же от практики употребления слова, но само-то употребление слова, его сочетание с новым словом, по-видимому, будет невозможно, если в самой семантике слова нет (хотя бы в потенциальном состоянии) этой семы, воплощаемой, актуализируемой в данном контексте.

Благодаря такому употреблению у слова «география» появилось не только в русском, но и в кабардино-черкесском и других языках новое значение (или оттенок значения) – «границы размещения, распространения чего-кого-л.», которое закрепилось в лексической синтагматике, а затем повлекло за собой изменения в парадигматических отношениях, например, при образовании нового ряда слов, близких по значению: *география, граница, место область, район, регион, территория, ареал...* Это новое значение зарегистрировано в первом русском неологическом словаре (НСЗ 1973: 121).

Словари кабардино-черкесского языка еще не отмечают это значение слова «география», однако в устной речи интеллигенции и молодежи нами замечены случаи его употребления. Например: *Спонсор хуэныкбъуэхэм я географием зеубгъу* – Расширяется география нуждающихся в спонсорах; *Къэбэрдей-Бэлъкъэр телевидением и географием зиубгъуащ* – Расширилась география Кабардино-Балкарского телевидения; *Университетымрэ Педколледжымрэ къэзухахэм я географием уцелъкIэ, уи псэр мэгуфIэ, уи гум хохъуэ, уи зэхэцIэхэм залэм* – Когда познакомишься с географией выпускников университета и педколледжа, душа радуется, сердце наполняется чувством гордости (примеры взяты из устных выступлений на студенческом собрании, из телепередач и бесед с учащимися педколледжа г. Нальчика).

Таким образом, контекст способствует расширению семантики слова, а семантика слова – расширению контекстуальных возможностей (связей) слова, что обусловлено диалектическим единством парадигматики и синтагматики слова.

Итак, в данной главе была предпринята попытка рассмотреть словарный состав кабардино-черкесского языка с точки зрения семасиологической. На основе проведенного анализа материала автор приходит к выводу о возможности дополнить традиционно выделяемые в адыгских языках четыре типа объединения слов: полисемия, омонимия, антонимия, синонимия

(Яковлев 1948: 129-131; Шагиров 1962: 38-47; Апажев 1963: 93-138; Дзасежев 1964: 8-13; Шаов 1988: 148-165; Гяургиев, Дзасежев 1991: 9-17) – еще восемью типами группировки лексических единиц (Апажев 1988б: 6 – 16), что делает нашу типологию несколько отличной от некоторых классификаций слов, предложенных в русистике в последнее время (Денисов 1980; Новиков 1982; Кочнева, Луцкая, Морковкин 1984: 47 – 56). Дальнейшее развитие семасиологии, отечественной и зарубежной, и ее творческое приложение к кабардино-черкесскому и в целом адыгскому материалу позволят глубже проникнуть в специфику организации лексико-семантической системы в этих языках и выявить в них еще другие типы объединения слов.

Хотелось бы обратить внимание на то, что учение о лексико-семантической системе помогает глубже, разностороннее описать содержательную сторону лексического состава со всеми присущими ему категориями и явлениями, а также объективно существующих отношений и типовых связей между лексическими единицами. Более того, теория о лексико-семантических категориях – одна из научно-методических основ лексикографии, в особенности толковой лексикографии.

В заключение отметим, что итогом исследования лексико-семантической системы может быть создание словарей семасиологического типа, построенных по принципу «от слова к понятию», как, например, толковые, омонимические, паронимические, и словарей ономасиологического типа, организованных по принципу «от понятия к слову», как, например, тематические, идеографические, синонимические, антонимические, аналогические. Необходимо также разработать на материале адыгских языков новый тип многоаспектного словаря, который сочетал бы в себе одновременно все параметры названных выше лексикографических произведений. Первой в отечественной и зарубежной лексикографии удачной попыткой создания такого словаря явился комплексный учебный словарь «Лексическая основа русского языка», подготовленный под руководством проф. В.В. Морковкина (об этом словаре см.: Апажев 2000: 361-367).

ГЛАВА ПЯТАЯ. ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

§1. Предварительные замечания

Проблема изучения стилистического расслоения лексики является одной из актуальных задач исследователей кабардино-черкесского языка, как и других младописьменных языков. Это объясняется тем, что в названных языках, во-первых, еще недостаточно четко выкристаллизовались сами экспрессивно-стилистические различия, во-вторых, там, где они наметились (обозначились), к сожалению, слабо показана специфика их проявления, в результате мы не имеем еще системных описаний и глубоких обобщений. Тем не менее можно, как нам представляется, говорить о некоторых определенных тенденциях формирования и становления лексических групп, объединяемых общими экспрессивно-стилистическими свойствами и обладающих идентичными лексико-семантическими признаками и функциональными характеристиками.

Лексические единицы языка, как известно, связываются друг с другом, образуя группировки не только как части речи или как словообразовательные гнезда, не только как тематически объединенные или семантически близкие, но и как лексемы, ассоциируемые с социальной средой, в которой они преимущественно или исключительно функционируют. Именно подобного рода ассоциации имел в виду А.И. Герцен, когда писал: «Простой смертный носит рубашку, а барин – сорочку, один спит, другой почивает, один пьет чай, а другой изволит его кушать» (Цит. по Звегинцеву 1962:272).

Наличие той или иной стилистической окраски, привносимой в текст по воле и усмотрению автора, объясняется, по общепринятому мнению лингвистов, желанием адекватно передать ситуацию и произвести определенный эффект на адресата-читателя и слушателя. Этот эффект создается различными средствами, в частности, выбором слов и построением предложения. Учение о средствах создания такого рода эффекта называют стилистикой. В ясной и компактной форме эта мысль выражена у Х. Касареса, которая в переводе О.С. Ахмановой звучит так: «Стилистика имеет предметом, как известно, анализ и оценку тех элементов, которые присоединяются в языке к нейтральному, логическому, собственно интеллектуальному выражению мысли» (Ахманова 1958:27-28)⁴.

В современных развитых литературных полифункциональных языках столетиями складывались такие объединения слов, которые отражают все стороны бытовой жизни и общественной деятельности создавших их народов. В результате эти языки оказались идеально приспособленными не только потенциально, но и актуально к выполнению многообразных обществен-

⁴ Ср. перевод Н.Д. Арутюновой: «Как известно, целью стилистики является анализ и оценка элементов, сопутствующих в речи логически нейтральному, чисто интеллектуальному сообщению» (Х. Касарес. Введение в современную лексикографию. Пер. с испанского Н.Д. Арутюновой. Ред., предисловие и примечания Г.В. Степанова. -М., Изд-во иностранной литературы, 1958. - С.116)

ных функций и выражению сложных в структурно-семантическом и экспрессивно-стилистическом отношении понятий. В этих языках созданы и письменно закреплены в классических художественных произведениях, научных трудах по всем отраслям знания и общественно-политических текстах лексические, в том числе терминологические богатства, исчисляемые сегодня сотнями тысяч единиц, которым под силу сформулировать любые понятия и суждения современной системы науки и общественной жизни. Они не только закреплены в текстах, т.е. их наличие можно подтвердить многочисленными контекстами; они лексикографически описаны неоднократно: в энциклопедиях – универсальных и специальных, в филологических словарях самых различных типов и назначения, составленных на высоком уровне и содержащих детальную стилистическую и экспрессивную их характеристику. В русском литературном языке эти лексические богатства обычно подразделяются на три группы: межстилевая, разговорная и книжная лексика. Каждая из них, в особенности последние две имеют несколько подгрупп. Так, например, разговорная лексика представлена двумя разновидностями: литературно-разговорной и разговорно-бытовой со включением в последнюю просторечной лексики. Книжная лексика – тремя: научной, официально-деловой и газетно-публицистической (Розенталь 1968, Шанский 1972, Калинин 1978, Гужва 1978, Фомина 1990; Розенталь и др. 1991, 2001). В отношении количества разновидностей, особенно книжной лексики мнения ученых расходятся. Некоторые авторы выделяют шесть стилевых разновидностей письменной (книжной) речи (Шуба 1979), другие – пять (Демиденко и др. 1979).

Что же касается лексики современного кабардино-черкесского литературного языка как младописьменного и поэтому существенно отличающегося от старописьменных литературных языков, то следует подчеркнуть, что она не обладает еще столь большим объемом и такой разветвленной системой функциональных стилей.

В 1974г. в ближайше родственном кабардино-черкесскому адыгейском литературном языке Ж. Шаов выявил два функциональных стиля: просторечный и письменный. Последний автором подразделен на три подстиля: художественный, научный и публицистический (Шаов, Кубов 1974:14-19).

В 1979 г. З.Ю. Кумахова и М.А. Кумахов предложили новую классификацию функциональных стилей обоих адыгских языков. По мнению авторов, в этих языках, можно сказать, выкристаллизовались три функциональных стиля: устно-поэтический, литературно-художественный и научно-публицистический (Кумахова, Кумахов 1979:8).

Наконец, Ю.А. Тхаркахо представил свою классификацию, включающую пять стилей: устно-поэтический (или фольклорный), обиходно-бытовой, литературно-художественный, газетно-публицистический и стиль учебно-педагогической и научной литературы (Тхаркахо 1982:27).

Однако вопрос о стилистическом расслоении лексики кабардино-черкесского и адыгейского языков еще недостаточно исследован.

Представляется правомерным выделить в лексике кабардино-черкесского литературного языка следующие три основных стилистических пласта или группировки: нейтральная, устная (разговорная) и письменная (книжная) лексика.

§2. Нейтральная лексика

К нейтральной, или межстилевой лексике относятся слова, служащие немаркированными наименованиями конкретных предметов: *цIаххуэ* – хлеб, *удз* – трава, *мыIэрысэ* яблоко, *гъуэгъу* – дорога, *шы* – лошадь, *жэм* – корова, *хъэ* – собака и др.; явлений природы: *уэих* – дождь, *уэс* – снег, *жъы* – ветер, *уэспс* – роса, *махуэ* – день, *жэщ* – ночь, *пцэдджыжъ* – утро и др.; наименования частей тела человека и животных: *Iэ* – рука, *лъакхуэ* – нога, *нэ* – глаз, *цхъэ* – голова, *фэ* – кожа, *гу* – сердце и др.; термины родства: *анэ* – мать, *адэ* – отец, *кхуэ* – сын, *пхъу* – дочь и др.; важнейшие глаголы действия, движения, состояния: *кIуэн* – ходить, *жэн* – бежать, *лъэн* – прыгать, *лъэтэн* – лететь, *псэун* – жить, *жеин* – спать, *гупсысэ* – думать, *цытын* – стоять, *тIысын* – садиться, *тхэн* – писать и др., все без исключения местоимения: *сэ* – я, *уэ* – ты, *ар* – он, она, оно; *дэ* – мы, *фэ* – вы, *хэт* – кто, *сыт* – что, *адрей* – другой, *зыгуэр* – кто-то и др.; все без исключения числительные: *зы* – один, *тIу* – два, *цы* – три..., *пцIы* – десять, *тIоущI* – двадцать, *цэ* – сто, *мин* – тысяча и др.; обозначения основных признаков предметов и действий: *хужъ* – белый, *фIыцIэ* – черный, *плъыжъ* – красный, *хуабэ* – теплый, *цIыIэ* – холодный, *лъэщ* – сильный, *махэ* – слабый, *куу* – глубокий, *чэнж* – мелкий (неглубокий), *хъурей* – круглый, *плIимэ* – квадратный, *цимэ* – трехугольный, *псын-цIэу* – быстро, *хуому* – медленно, *дахэу* – красиво, *фIыуэ* – хорошо, *изу* – полно, *губзыгъэу* – умно, *гурыIуэгъуэу* – понятно и др. В межстилевую лексику включается также основная масса служебных частей речи. Нейтральная лексика, хотя и характеризуется немаркированностью, нулевой стилистической и экспрессивной окраской, является базой для образования и пополнения лексических систем других функциональных стилей литературного языка. При этом пополнение самой нейтральной лексики кабардино-черкесского языка происходит не только за счет внутренних ресурсов, но и путем заимствования: *стэчан* – стакан, *лошкIэ* – ложка, *кIурушкIэ* – кружка, *сэбэп* – польза, *насын* – счастье, *тенджыз* – море, *ахышэ* – деньги, *акъыл* – разум и др.

§3. Лексика стиля устной речи

Данная лексика представлена двумя разновидностями: разговорно-бытовой (просторечно-обиходной) и фольклорной лексикой.

1. На фоне рассмотренной выше нейтральной лексики отчетливо выделяются слова разговорно-бытовой лексики. К числу их можно отнести следующие лексические единицы с негативной окраской: *джэдэн* – тащиться, переться, *кхъэ* –

вэн – болтать, *исыкIын* – 1. убраться, уйти восвояси; 2. опьянеть; *IynIэн* – убрать, покончить с кем-н., кокнуть; *кIэцIэуэн* – раскритиковать кого-н., *пыхун* – провалиться (на экзаменах, состязаниях), *игъэсыкIын* – израсходовать (деньги, имущество), *мацIэ* – очень много; *бэзэр* – шум, беспорядок; *кIэкIэн* – болтать безумолчно, *бажэ* – хитрый, *шыд* – глупец, *дыгъужь* – алчный, *Iэц* – невоспитанный, *хъэбз* – сучка (о женщине легкого поведения) и мн. др.

Как легко заметить, приведенные слова, за редкими исключениями, имеют своим источником нейтральную лексику, где они не обладают данной экспрессивно-стилистической нагрузкой, функционируя лишь в основных (прямых) значениях. Ср.: *къэвэн* – вариться, кипеть, *исыкIын* – выгореть, *бажэ* – лиса, *кIэцIэуэн* – ударить снизу, *пыхун* – провалиться сквозь что-н. (лед, крышу), *IynIэн* – прикрыть, закрыть; *кIэкIэн* – стрекотать (о сороке), *мацIэ* – саранча, *бэзэр* – базар, рынок; *шыд* – осел, *дыгъужь* – волк, *Iэц* – скотина, *хъэбз* – сучка (о собаке), *игъэсыкIын* – каузатив от *исыкIын* выгореть».

Сюда же относятся слова и выражения с адгерентными свойствами: *фIохъусыжI* – *С приездом!* (выражение явного несогласия, возражения собеседнику. Ср. с русск.: Привет! Как бы не так!); *ихъэгъэва!* – вареная голова! (ответ на повторяющийся вопрос: Что принес? Что купил?...); *ШыкIуртIым!* – Сосновые шишки! (идентично: Что спрятал? Что в руке? Покажи, что у тебя в кармане?...); *Куэдэ ФIыц!* – Очень хорошо!; Ну и пусть! *Хъэдырыхэ!* – На тот свет! (ответ на назойливые расспросы: Куда идете?); *ТхъэкIумэ яцэ, жи!* – Уши, говорят, продают! (тому, кто надоедливо пристает с вопросом: А что сказали?); *Тэрч кхъуэ зпыросыкI, жи!* – Говорят, что свинья через Терек переплывает! (то же). Хотя количество подобных явлений довольно и значительно, они, к сожалению, лингвистически еще не описаны.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что стилистические пласты лексики создаются далеко не всегда собственно словами – лексемами, а лексико-семантическими вариантами (ЛСВ). Многочисленные полисемантические слова нейтрального стиля становятся разговорными, просторечными, книжными или специальными терминами... «Стилистическое расслоение слова при наличии у него ряда значений – явление несколько более типичное, чем стилистическое единство многозначного слова» (Калинин 1978:169).

В ряде случаев изменение произношения слов может привести к изменению их стилистической принадлежности. Так, например, нейтральные для современного кабардино-черкесского литературного языка такие слова и названия, как офицер, генерал, Америка, Япония и т.п., могут приобрести просторечный характер. Ср.: *офицер* – *Iэфицар*, *генерал* – *инэрал*, *фельдшер* – *фершыл*, *революцэ* – *ервэлуцэ*, *Америка* – *IамрыкI*, *Япония* – *Япон*, *Ростов* – *Арэстоф*, *Англия* – *Инджлыз*, *Франция* – *Франдж* и мн. др. Это явление наблюдается и в местных топонимических названиях. Ср. разговорные (просторечные): *Третэ Къызбрун*, *Второй Лэсчэн*, *Нижнэ Къулькъужын*, *Верхнэ Шэдджэм* и т.п. с рекомендуемыми официальными формами: *Къызбрун Ещанэ*, *Лэсчэн ЕтIуанэ*, *Къулькъужын Ицхъэрэ*, *Шэдджэм Итцэ*. Сюда же следует отнести

такие разговорные, неофициальные названия учреждений, органов управления, как *Дом совет, Дом культурэ, Совет министр* и др. вместо официально принятых: *Советхэм я унэ, Культурэм и унэ, министрхэм я Совет* и мн. др.

2. Лексика кабардино-черкесского фольклора довольно многочисленна, и поскольку она не ограничивается одной лишь устной поэзией, а характеризует произведения всех жанров устного народного творчества, то правильнее, на наш взгляд, назвать соответствующий стиль фольклорным, но не устно-поэтическим. Приведем несколько примеров: *алъп* – сказочный конь, *абрэ мывэ* – камень огромной величины и тяжести, *афэ* – кольчуга, *хасэ* – совет (нартов), *иныжэ* – великан, *тхьэлухуд* – фея, *хур* – гурия, *жсын* – джинн, *жсын хужэ* – джинн белый (добрый), *жсын флыцлэ* – джинн черный (злой), *абрагъуэ* – великан, *алмэсты* – снежный человек, *губгъуэ нанэ* – баба-яга, *нэжсгъуцлэйдзэ* – колдунья, *уащхъуэ мывэцхъуэкланэ* – клятва, *жан-шэрхъ* – стальное колесо, *хэтлэ-хасэ* – вид борьбы, *тхьэгурымагъуэ* – предсказатель, маг и мн. др. Данная лексика обстоятельно рассмотрена в работах М.А. Кумахова и З.Ю. Кумаховой (1979, 1995, 1998).

§4. Лексика книжного стиля речи

Внутри книжной лексики современного кабардино-черкесского литературного языка более или менее отчетливо выделяются две группировки: научно – педагогическая и газетно-публицистическая. Известно, однако, и другая точка зрения, согласно которой можно выделить еще третью группировку, характеризующую якобы автономно функционирующий «литературно-художественный стиль» адыгских языков. На наш взгляд, достаточных оснований для выделения литературно-художественного стиля в самостоятельный стиль современного кабардино-черкесского литературного языка не имеется. Дело в том, что в языке художественной литературы мы находим разновидности всех стилей, и каких-либо специфических черт, кроме общепринятых, нормативных явлений и их вариантов, присущих другим стилям, здесь не обнаруживается. В связи с этим мы не можем не присоединиться к мнению тех лексикологов, согласно которым включение т.н. «художественного стиля» в число функциональных стилей не является обоснованным. «Иногда в число функциональных стилей ошибочно включают так называемый «художественный стиль» (язык художественной литературы), но язык художественной литературы содержит элементы всех стилей как эстетически организованные изобразительные средства литературного произведения» (Новиков и др. 1987:109; 1999:277).

Рассмотрим названные выше две группировки слов лексико-стилистической системы современного кабардино-черкесского литературного языка.

1. Научно-педагогическая лексика складывается в основном в послеоктябрьскую эпоху, хотя отдельные научные термины, конечно, были известны кабардинцам и черкесам еще до революции. Об этом свидетельствуют, как бы-

ло показано выше, словарные материалы отечественных и иностранных ученых, в частности лексикографические груды Ш.В. Ногмова (1830-е гг.) и Л.Г. Лопатинского (1890 г.) Для данной лексики характерны прежде всего терминологические системы, довольно широко представленные в современном кабардино-черкесском литературном языке. Кроме того, для рассматриваемой лексики, особенно научной, обычны различные служебные, вводные (модальные) слова, а также обороты речи, как правило, редко встречающиеся в других стилях. Например: *япэрауэ* – во-первых, *етлуанэрауэ* – во-вторых, *абы кьыхэкIэ* – ввиду этого, вследствие этого, в связи с этим; *абы цхьэкIэ* – поэтому, по этой причине, благодаря этому; *сыт цхьэкIэ жьыпIэмэ* – потому что, так как, ибо; *псалъэм патицIэ* – например, к примеру, к слову, скажем; *зэрыжытлауи* – как было сказано, как мы сказали; *зы лъэнукуэуэкIэ* – с одной стороны, *мыдрей лъэныкуэуэкIэ* – с другой стороны, *нэгъуэицIу жьыпIэмэ* – иначе говоря, иными словами; *къаптицтэмэ* – взять, к примеру, *арауи* – итак, таким образом; *си гугъэм-кIэ* – по-моему мнению, *дызэригугъэмкIэ* – по нашему мнению, на наш взгляд, как мы думаем (полагаем); *абы и зэранкIэ* – по вине этого, по этой причине; *пэжси* – правда, да; *дауикI* – конечно, разумеется; *кьызырэуицIэкIымкIэ* – как выясняется, как выходит; *гурылуэгъуэиц* – понятно, ясно; *хэзыгъэгъуазэ* – введение, вступление; *кIэух псалъэ* – послесловие, заключение; *гъэунэхуныгъэ* – опыт, эксперимент; *ицIэныгъэ* – *къэхутакIуэ лэжьи* – научно-исследовательская работа, *гъэсэныгъэ лэжьи* – воспитательная работа, *унэ лэжьи* – домашнее задание, *внекласснэ еджэныгъэ* – внеклассное чтение, *упражненэ гъэзэицIэн* – выполнить упражнение, *уравнена зехэлъхьэн* – составить уравнение, *склонять ицIын* – склонять; *спрягать ицIын* – спрягать, *цхьэ* – лицо (грам.), *зэман* – время (грам.), *лъабжьэ* – корень (лингвистич.), *гъэбэгъуэн* – умножать (мат.), *хуэгъуэиын* – делить (мат.), *хэлъхьэн* – прибавить (мат.), *кьыхьын* – вычесть (мат.) и мн. др.

Говоря о лексике научного подстиля, необходимо подчеркнуть, что подавляющее большинство современной терминологии кабардино-черкесского языка заимствовано из русского литературного языка. Но здесь небезынтересно отметить другое, а именно, то, что отдельные кабардинские слова, вошедшие в русскую терминологическую лексику и известные представителям соответствующих наук, напр., танец «кабардинка», шапочка «кабардинка», лошадь «кабардинка» и «кабардинец» (Даль, БАС), овес «кабардинец», кукуруза «кабардинец», жук «кабардензис», лечебная соль «нартшуг», техническая глина «нальчикин», минеральная вода и источник «нарган» и др. (Апажев 1977:11-19) стали обратными заимствованиями для кабардино-черкесского языка.

2. Газетно-публицистическая лексика – одна из самых многочисленных и подвижных в лексико-стилистической системе кабардино-черкесского литературного языка, разнообразнее и глубже других влияющая на всю речевую практику кабардинцев и черкесов. Трудно найти какую-нибудь стилистическую разновидность языка, куда бы не проникли слова и

выражения газетно-публицистического стиля. Это объясняется тем, что в газете, прессе в целом, сталкиваются и как бы перемешиваются самые разные стилистические пласты лексики литературного языка, ибо почти всеохватна тематика и безгранично широк диапазон интересов газеты и современных читателей. В первые годы национальной кабардино-черкесской письменности, в условиях отсутствия достаточного количества учебников и различных пособий, газета на родном языке явилась важной рассадницей грамотности, культуры, а также научных, общественно-политических, технических, общекультурных терминов, новых русских, советских заимствований. Как убедительно свидетельствует анализ этого слоя заимствований, по газетам легко восстанавливаются не только пути и способы проникновения, этапы освоения, но и сама траектория полета многих сотен новых русских слов и тысяч интернациональных терминов, исходной точкой, своеобразной стартовой площадкой которых в основном явилась газета, вооружаемая в свою очередь из неисчерпаемых лексических запасов русского литературного языка. Ограничимся небольшим количеством примеров: *бэнэныгъэ* – борьба, *зэц/эхъееныгъэ* – движение (общественное), *гъац/эеплъыкIэ* – взгляды, *дуней еплъыкIэ* – мировоззрение, *хуитыныгъэхэр* – свободы, *хэыныгъэхэр* – выборы, *къарухэр* – силы, *жэрдэм* – инициатива, *ухуэныгъэ* – строительство, *ижь* – правый (полит.), *сэмэгъу* – левый (полит.), *хужь* – белый (полит.), *унэтIыныгъэ* – направление, *тегъэгъушхуакIуэ* – вдохновитель, *зэдэIэпыкъуныгъэ* – взаимопомощь, *ныкъуэкъуэгъу* – конкурент, *ядернэ Iэцэ* – ядерное оружие, *къэралцIыб политикэ* – внешняя политика, *къэрал гъунапкъэ* – государственная граница, *идеологичеснэ лэжыгъэ* – идеологическая работа, *къару узэдахэр* – вооруженные силы, *зауэ тхыдэ* – военная история, *хэыныгъэ системэ* – избирательная система, *демократичеснэ хэыныгъэхэр* – демократические выборы, *хъуницIакIуэ зауэ* – грабительская война, *демократизацэ* – демократизация, *зэхъуэкIыныгъэ* – перестройка, *зэхъуэкIыныгъэм и бий къарухэр* – антиперестроечные силы, *административнэ* – *бюрократическэ* аппарат и др.

Таким образом, лексика кабардино-черкесского литературного языка представляет собой систему стилистически или экспрессивно-стилистически взаимосвязанных единиц, образовавшихся (сложившихся) на базе нейтрального, общеупотребительного лексического слоя и сгруппировавшихся вокруг трех названных выше стилей. За короткий период своей письменной истории, равной всего лишь 80-летию (с 1924), сложились эти стилистические пласты кабардино-черкесского и адыгейского литературных языков, что, несомненно, следует рассматривать как значительный шаг вперед в развитии не только национальных языков, но и национальных культур. Между тем известно, что функциональные стили формируются лишь «в развитых языках наций, хотя зачатки отдельных функциональных стилей встречаются уже в глубокой древности. Так, в древнерусском языке существовала достаточно развитая деловая письменность – предшественница современного официально – делового стиля. К этому периоду относится и появление первых публицистиче-

ских и художественных произведений» (Демиденко и др. 1979:79). В современных адыгских языках до сих пор не сложилась, к сожалению, система официально-делового стиля. Этому препятствовали и препятствуют еще недостаточное внимание к национальным языкам, особенно в городских школах, учреждениях, предприятиях, почти полное отсутствие делопроизводства на родных языках. Эта тенденция, начавшаяся с конца 20-х годов столетия, продолжается и по настоящее время.

Недостаточная разработанность лексики кабардино-черкесского языка с точки зрения стилистической или экспрессивно-стилистической все еще дает о себе знать. Это, прежде всего, заметно отрицательно отразилось на характере построения словарных статей, форме подачи и качестве толкования целых массивов лексики и фразеологии в Русско-кабардино-черкесском (1955), Кабардинско-русском (1957), как и Русско-адыгейском (1960) и Адыгейско-русском (1975) и кратких словарях (1991, 1992), в меньшей степени в новом толковом «Словаре кабардино-черкесского языка» (М., 1999). Одним из серьезных недостатков в этом плане, очевидно, следует признать отсутствие в них логически стройной системы стилистических помет. К сожалению, в названиях словарях, как впрочем, и многих подобных им двуязычных словарях по другим языкам народов России, обычно не достаёт таких важных помет, как И (что используется при подаче равноправных, равноценных вариантов слов, форм), ДОП. (при наличии возможности допущения, разрешения иного варианта употребления, произношения, написания, ударения), НЕ РЕК. (когда та или иная форма не рекомендуется), НЕПРАВ. (когда приведенная форма признается еще или уже неправильной), ГРУБО НЕПРАВ (когда данная форма выходит за рамки литературного языка и квалифицируется как грубое нарушение его норм) и др. По нашему мнению, такая система помет, принятая в лексикографической практике во многих языках мира, совершенствует формы толкования, усиливает нормативную направленность словаря, помогает читателям замечать сложности и тонкости языка, учит их умению пользоваться этими тонкостями, в целом повышает качество и авторитет словаря и одновременно отражает характер, направление и степень изменения и тенденции развития языка.

Без отмеченных характеристик невозможно более или менее полно представить реальную картину состояния лексико-стилистической системы какого бы то ни было национального языка.

В заключение попытаемся показать наличие многообразных и довольно выразительных стилевых разновидностей современного кабардино-черкесского литературного языка реально существующими в нем различными вариантами одного вопросительного предложения с более или менее идентичной передачей их на русском языке.

1. *Щхъэ укъэкIуа?*
2. *Сыт щхъэкIэ укъэкIуа?*
3. *Сыт ухуейт?*

4. *Сытыт укъыцІэкІуар?*
5. *Сытым укъытхуихъа?*
6. *Уимыхабзэххэу дауэ укъэкІуа?*
7. *Дауэ укъэгъуэца?*
8. *Сыт мурадкІэ укъытхуэкІуа?*
9. *Сыт Іуэхум укъытекІухъа?*
10. *Уи къэкІуэныр сытым КъыхэкІа?*
11. *Щхъэ мыбы укъэкъэкІуэнкІэ хъуа?*
12. *Сыт укъыцІэкІуам и цхъэусыгъуэр?*
13. *Хэт (сытым) и фІыцІэ мыбы укъызэрыкІуар?*
14. *Сыт мыбы цыпфІэкІуэдар?*
15. *Щхъэ мыбы укъэджэда?*
16. *Сыт мыбы укъэзыхуар?*
17. *Емынэм укъыхуа мыбы?*
18. *Емынэ-талора мыбы укъэзыхуар?*

Данными формами далеко не исчерпывается количество возможных вариантов, фактически функционирующих в разных стилях современного кабардино-черкесского литературного языка. Приведенные варианты приблизительно так можно передать средствами русского языка;

1. Зачем ты пришел?
2. Для чего ты пришел?
3. Чего ты хотел?
4. Чего же ты пришел?
5. С чем ты к нам пожаловал?
6. Каким ветром тебя занесло?
7. Ты случайно (часом) не заблудился?
8. С какой целью ты к нам пришел?
9. По какому делу ты сюда пришел?
10. С чем связан твой приход сюда?
11. Что могло привести тебя сюда?
12. В чем причина твоего прихода?
13. Чему мы обязаны твоим (столь высоким) посещением?
14. Что ты здесь потерял?
15. Чего ты приперся сюда?
16. Что тебя сюда пригнало?
17. Какого дьявола (черта) ты сюда пришел? (Букв.: Чума ли тебя сюда загнала?).
18. За каким чертом (дьяволом) ты сюда явился? (Букв.: Чума или холера тебя сюда загнали?).

Подобранные русские соответствия, возможно, не везде корректно передают стилистические нюансы кабардинских вариантов. Первые два варианта, по-видимому, можно считать для современного кабардино-черкесского литературного языка нейтральными, а варианты третий и четвертый трудно уже квалифицировать как нейтральные, они, скорее, выражают вежливое или дружеское (смотря по обстоятельствам) отношение. Пятый, шестой и седьмой варианты, очевидно, представляют собой формы уважительные с некоторым оттенком ласкательности, дружески-непринужденного отношения (но без фамильярности). Восьмой, девятый, десятый, одиннадцатый и двенадцатый варианты, пожалуй, можно квалифицировать как книжные, официальные (холодные). Тринадцатый вариант, вне всякого сомнения, является еще более официальным, да же высоким. Последние варианты (14-18) – грубые или грубопросторечные, но допустимые в литературном языке: здесь нет явных нарушений норм литературного языка. Приведенная интерпретация, возможно, не единственная, скорее, даже могут быть другие оценки и несколько иная квалификация данных вариантов. Главное в том, что они, действительно, имеются в языке, искусственно не созданы, специально не сконструированы.

Завершая главу, отмечим, что одним из естественных практических результатов исследования лексико-стилистической системы должно быть, с одной стороны, создание стилистического словаря литературного языка и словарей ортологического характера. С другой стороны, рассмотрение стилистической дифференциации лексики в контрастивно-типологическом плане может оказать существенную помощь в создании двуязычных антиинтерференционных словарей, которые, прогнозируя возможные отступления от норм стандартизованного языка, содержали бы корректные предупреждения против нарушения этих норм (Апажев 1992, 1994).

В заключение хотелось бы обратить внимание читателя на то, что в данной работе автор имплицитно исходит из концепции, согласно которой словарный состав всякого национального языка может быть интерпретирован как совокупность четырех взаимосвязанных группировок слов, а именно лексико-грамматической, лексико-тематической, лексико-семантической и лексико-стилистической (Апажев 1988:6-16; 1992:62-259). Выше приведена схема, показывающая место последней группировки в общей лексической системе и ее стилистическую дифференциацию в современном кабардино-черкесском языке.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в данной работе мы рассмотрели проблему системности лексики, являющейся одной из основополагающих не только в адыгской, но и во всей отечественной и зарубежной лингвистике. Отмечалось, что у разных авторов по-разному решается эта проблема: одни, признавая системность языка в целом, отвергают ее наличие в лексике, другие, принимая идею системности лексики, недостаточно ясно демонстрируют, в чем, наконец, состоит эта системность и какова специфика ее проявления в лексике. Существует ряд определений лексической системы, разделяемых большинством ученых. Однако, когда дело доходит до конкретного содержания и составных элементов лексической системы, мнения ученых существенно расходятся. Все это свидетельствует об отсутствии удовлетворительной типологии лексических единиц языка. Как видно из всего изложенного выше, наша типология основывается на понимании лексической системы как совокупности четырех взаимосвязанных макрогруппировок слов: лексико-семантической, лексикотематической, лексико-грамматической и лексико-стилистической, анализ которых позволяет сделать следующие выводы.

I. Одним из главных итогов рассмотрения лексических группировок кабардино-черкесского и русского языков следует считать необходимость учета системных связей и отношений как для правильного понимания и употребления значений слов и терминов, так и для полного, без потерь и досадных пропусков, охвата всех лексических микросистем, что первостепенно важно при создании толковых, тематических, идеографических, терминологических и других типов словарей. Так, семантику русского термина «роман» правильно можно понять, лишь сопоставив его со словами «повесть», «новелла», «рассказ» и др. Если сопоставить данную микросистему в четырех языках – русском, английском, финском и кабардино-черкесском, – то нельзя не заметить несомненной близости этой группы в русском и кабардино-черкесском, с одной стороны, и существенное отличие ее в английском и финском языках, с другой. Подобного рода явления заслуживают повышенного внимания исследователей еще и потому, очевидно, что значительные расхождения обнаруживают генетически связанные русский и английский, тогда как сходство демонстрируют генетически совершенно различные русский и кабардино-черкесский, с одной стороны, английский и финский, с другой. Подобные факты важно учесть в лексикографической работе и в практике преподавания языков.

Системный характер организации лексики проявляется и в том, что изменение семантической структуры и стилистической окраски русских слов может повлиять аналогичным образом не только на заимствования из русского же языка, но и на исконные слова кабардино-черкесского языка. Например, *къэщыпын* означало «собирать» (яблоки, орехи и т. п.), приобрело новое значение «набирать» (типограф.), *сымэджэн* – болеть получило новое значение «переживать за кого-н.», *пыхун* – провалиться сквозь что-л., новое зна-

чение «потерпеть неудачу» (на экзаменах, соревнованиях); ср. также: *ІэІэм*, – голосование, *хэһыныгъэ* – выборы и мн. др.

Трудно переоценить роль системного подхода к словарному составу в лексикографической деятельности. Выше на многочисленных фактах было показано, как игнорирование системного характера организации лексики пагубно отражается не только на формировании словника, но и на всем качестве самого словаря.

Благодаря системному анализу словарного состава кабардино-черкесского языка и построенной на его основе тематической классификации нам удалось обнаружить свыше полутораста единиц активной лексики, оставшихся за пределами КРС и относящихся к таким важным группам слов, как соматическая и цветообозначающая лексика; названия одежды, обуви, головных уборов, украшений; пищи, напитков, предметов быта; названия, обозначающие понятия, связанные с растениями, домашними животными, конской сбруей, упряжью; слова и термины из области этнографии, народной медицины, географии, филологии, традиционных, и современных профессий, общественно-политической жизни, а также довольно заметное число отдельных слов; наконец, ряд междометных и звукоподражательных слов. Они полнее учтены в Словаре 1999 г., хотя, к сожалению, не везде.

Кроме того, выявлены многочисленные случаи нарушения системного подхода к раскрытию семантической структуры слова, вследствие чего словари далеко не всегда фиксировали все ЛСВ слова, нередко из них регистрировались менее существенные. Отмеченные недостатки не позволяют нашим словарям выступать в роли подлинных орудий культуры, какими они по сути дела должны были бы быть в руках читателей.

Таким образом, системный подход к лексике дает возможность выявить пропуски как отдельных слов, так и целых микросистем. При сочетании данного подхода с сопоставительным методом можно легче и быстрее обнаружить пробелы в зарегистрированной в словарях лексической системе, что менее очевидно для исследователя-монолингва и поэтому более трудно для выявления. Как отмечала Е.А. Земская, «...свежий взгляд тех ученых, для которых русский язык неродной, взгляд не «изнутри», а «извне» позволяет порой увидеть явления, ускользающие от внимания лингвистов-носителей русского языка, вскрыть не замеченные ранее закономерности» (Земская 1985: 6). Не в меньшей степени это касается младописьменных языков, лексика которых в контрастивном плане изучена весьма слабо и таит в себе немало еще неизвестного.

II. Из изложенного можно также заключить, что системность лексики проявляется в том, что слова объединяются в различные группировки, хотя в этих группировках слов необходимо различать, с одной стороны, собственно языковые и, с другой – привходящие внеязыковые факторы. Так, возьмем для примера самое обычное слово *лэкъум* – пышка. Какие ассоциации оно вызывает у нас и с какими словами оно системно связано? У одних оно может вызывать *джэдыкІэрытц*, *тхъурыжь*, *хъырышын*, *хъэлыгъэ*, *цІахъгуэ* и т.п., то есть

различные виды хлебных изделий. У других слово *лэкѹм* будет ассоциироваться совершенно с иными словами, а именно: *чрес* – тrefы, крести, *трамэ*, – черви, *флыцлэжэ* – пики и, конечно, *лэкѹм* – бубны, которые, кстати сказать, оказались за пределами РКЧС и КРС. Аналогично этому, слово *цлалэ*, возможно, у одних будет ассоциироваться со словами *цлалэ цлыклу* – мальчик, *цауэ* – парень, жених, *лы* – мужчина, муж, *лыжэ* – старик и т. п., у других же – *хьыджэбз* – дама, *дадэ* – король, *туз* – туз, *лэкѹм хьыджэбз* – бубновая дама... и, конечно, *цлалэ* – валет. Все это свидетельствует об определенной упорядоченности (системности) лексики, о существовании словарного состава языка, по выражению В. В. Виноградова, «кучками», то есть связными скоплениями, сгущениями, а не одиночно, разрозненно, хаотично. По составу «кучки» эти обычно немногочисленны, и, что нам показалось весьма интересным количество единиц в них, как считают некоторые, выражается «священным числом» 7 ± 2 . Попытка обоснования этого положения предпринята, например, в ряде работ П.Н. Денисова, согласно мнению которого «вокруг этого «священного числа» вращается и среднее количество самых ходовых частей речи, и среднее количество синтаксических функций, и среднее количество производных в словообразовательном гнезде, и среднее количество слов в смысловой группе, и среднее количество значений в многозначном слове, и среднее количество способов номинации, и среднее количество эмоционально-экспрессивных регистров слова и высказывания. Все это, действуя в стройном ансамбле, позволяет строить и декодировать фразы «крупнопанельным» методом» (Денисов 1988: 16; ср.: Миллер 1964: 192-225, где это священное число трактуется иначе).

III. На протяжении всей части проводится мысль о важности разграничения двух разных явлений в лексике языка – собственно лингвистического и экстралингвистического, что подтверждалось многократно фактами как кабардино-черкесского, так и русского языков. Такие лингвистические, собственно семасиологические категории, как полисемия, синонимия, антонимия, омонимия, паронимия, конверсия и другие, образуют свои специфические группировки, микросистемы, обоснованию правомерности выделения которых в самостоятельные группы посвящена специальная глава. Все эти микросистемы образуют в совокупности одну большую систему – макросистему, которую называем лексико-семантической системой. Что же касается слов, обозначающих материальную среду и предметы материальной культуры (части тела, орудия труда, флора, фауна, одежда и т.п.), то мы, в отличие от некоторых авторов, не находим возможным и логически оправданным включение их в ту же лексико-семантическую систему наравне с синонимами, антонимами и т.п. категориями собственно лингвистического характера, так как они, будучи обозначениями предметов и явлений действительности, образуют свою специфическую, экстралингвистическую систему, соответствующую предметно-логической классификации явлений окружающего мира. Поэтому предпочтительнее называть эту систему в лингвистике лексико-тематической.

IV. Если слово, как видим, основная единица и грамматики, и словаря, значит, в грамматике – это совокупность не только его форм и выражаемых ими грамматических значений, но и всех лексико-грамматических классов (частей речи), а в словаре – совокупность всех его лексических значений (ЛСВ) и всех типов объединения слов и их стилистических функций. Такой подход к лексическим единицам позволит лексикологам и лексикографам более объективно, многосторонне представить проблему системности лексики и «вместо довольно отвлеченных утверждений о системности (или несистемности) лексики вообще... выдвинуть более обоснованные предложения о различном характере системных связей внутри различных лексических групп» (Шмелев 1973: 190).

V. В последние десятилетия термины «структура», «система», «поле» и другие весьма часто употребляются в языковедческих публикациях (возможно, и в данной работе), вследствие чего у неопытного читателя может сложиться впечатление, что эти категории вовсе неведомы традиционному языкознанию и что они стали объектом лингвистики лишь в наше время. Такое мнение было бы крайне неверным и столь же несправедливым. В действительности, как отмечают многие, «традиционное языкознание эмпирически всегда исследовало эти категории, причем зачастую глубже» (Щур 1974: 210).

VI. В работе почти повсеместно, в особенности в главах, посвященных лексико-тематической и лексико-семантической системам, много внимания уделялось вопросам контрастивно-типологического рассмотрения лексики и семантики кабардино-черкесского и русского языков. Это объясняется тем, что данный вопрос остается все еще слабо разработанным (именно в плане лексическом и семантическом) в кавказоведении и русистике. Между тем контрастивно-типологический аспект приобретает особенную актуальность в наше время, когда многоязычие провозглашается одним из основных научных направлений у нас (Солнцев 1989: 7), где, по мнению авторов одной из программных работ последнего времени, «ощущается недостаток специалистов... по проблемам языковых связей и типологических сопоставлений», в связи с чем и ставится задача стимулировать сопоставительно-типологические исследования по русскому и другим национальным языкам» (Шведова и др. 1987: 397, 401). На наш взгляд, без глубокого типологического исследования контактирующих языков во всех их структурных проявлениях (уровнях) не может быть и речи о компетентной разработке новых эффективных методов обучения национально-русскому, русско-национальному и другим типам би-, три-, полилингвизма. Сказанным руководствовался автор, рассматривая в этой работе ряд вопросов контрастивно-типологической лексикологии и семасиологии.

Перейдем к рассмотрению некоторых итогов сопоставительного исследования лексики. Мы видели, что в ряде тематических групп в наших языках количество слов одинаковое. Но значит ли это, что данные языки и по богатству и мощи одинаковы хотя бы в тех сферах, где замечено подобное совпадение? Едва ли. Контрастивная семасиология требует учета количества не только самих слов,

но и значений. Так, число соматизмов в кабардино-черкесском языке вдвое больше (303), чем в русском (155), однако порождающей силы (генеративной способности) намного меньше: 303 порождают 372 ЛСВ, а 155 – 389 ЛСВ. Мимо таких фактов не могут пройти лексикологи и лексикографы, не должны пройти методисты и учителя. Или возьмем заимствования, семантика которых часто полностью не осваивается. При сравнении семантических структур слов, общих в обоих языках, замечаем, что в кабардинском языке в ряде случаев они имеют несколько иные значения, чем в русском. Речь идет, в частности, о русских словах, заимствованных кабардино-черкесским языком, или словах западноевропейского, тюркского, арабского, иранского и иного происхождения, имеющих различную степень распространения в обоих языках. Например, такие пары, как *штэвр* – четверть, *бэ́лтоку* – платок, *жэ́рькуей* – жаркое, *лошкIэ* – ложка, *изложенэ* – изложение, *лафкIэ* – лавка, *определенэ* – определение, *семышкIэ* – семечко, *куэ́зыр* – козырь, *пэш* – печь, *матушкIэ* – матушка, *милицэ* – милиция, *кIэлындор* – коридор, *кхъуэщын* – кувшин, а также *совет*, *власть*, *урок*, *загон*, *вывод* и мн. др. обнаруживают существенные семантические расхождения. Это довольно распространенное явление в кабардино-черкесском языке, и оно освещено в литературе (Апажев 1963а: 52-59). Приведенные и другие факты свидетельствуют о том, что богатство лексической системы состоит не в одном лишь обилии слов, подлинное богатство ее, выразительная сила и мощь заключаются в богатстве и разнообразии выражаемых словами значений и в сочетании значений.

В связи с изложенным ставится вопрос о порождающей способности или семантическом потенциале (диапазоне) слова. Аналогично известным в современной отечественной и зарубежной лингвистике терминам «семантическая полифоничность» (Морковкин 1970: 70), «семантическая ценность слова» (Даумене 1978: 135), «семантическая сила» (Филлмор 1983: 91), «статистическая ценность, методическая ценность» (Морковкин и др. 1985: 11), «словообразовательный потенциал» (ССТ. Т. 2: 440), «диапазон синтаксических возможностей» (Золотова 1988: 17) и другим лингвистическим понятиям мы приняли термин «семантический потенциал (диапазон) слова», под которым подразумевается количество ЛСВ на одну лексическую единицу. Семантический потенциал слова того или иного языка может быть определен, понятно, лишь при условии полного охвата исследованием семантической структуры всей совокупности лексических микросистем, зарегистрированных в толковых словарях данного языка. Насколько нам известно, современное отечественное и зарубежное языкознание такими сведениями не располагает. Разумеется, подобная работа под силу лишь целому коллективу исследователей, и предлагаемые ниже сведения – результат наших скромных занятий – не претендуют на решение столь объемной задачи.

В настоящее время мы располагаем данными о семантическом потенциале слова в русском и кабардино-черкесском языках, полученными на основе сплошного обследования семантической структуры единиц всех словарных статей двух лексикографических работ – СО и КРС. Наша попытка дала следующие результаты. Как известно, -в 9-м и последующих стереотип-

ных изданиях СО зарегистрировано 57000 единиц, из которых, по нашему подсчету, семантизировано С.И. Ожеговым, а затем Н.Ю. Шведовой 37 750 заголовочных (черных) слов, остальные же 19250 слов квалифицируются автором и редактором как производные и не подвергнуты семантизации (дефиниции); ввиду этого мы вынуждены были включить их в число моносемантических единиц, количество которых, согласно нашим данным, составило 27 854. Таким образом, однозначных слов в СО оказалось 47104, остальные 9896 слов являются разной степени полисемантическими единицами. В итоге мы имеем от 57000 слов 72 296 ЛСВ, что дает семантический потенциал, равный 1,27. Как было отмечено выше, в различных лексико-тематических группах этот показатель различен. Так, в системе соматической лексики и цветообозначений он равен соответственно 2,23 и 2,16, а в лексике флоры и фауны – 1,33 и 1,29. В кабардино-черкесском языке, исходя из КРС, охватившего 20000 слов, получили семантический потенциал, равный 1,21. Это значит, что 20000 единиц порождают 24 200 ЛСВ. Семантический потенциал в разных лексико-тематических группах и здесь различен: в терминологии родства и цветообозначений он несколько выше и выражается соответственно 1,48 и 1,38, а в лексике флоры к фауны заметно ниже, то есть 1,08 и 1,13, Аналогично обстоит дело и в других группах (Апажев 1992: 314-316).

По данным Словарь Т.Ф. Ефремовой (2000), 136 тыс. русских слов порождают 250 тыс. ЛСВ, что дает семантический потенциал, равный 1,84 (250.000:136.000).

Представленная картина, понятно, не может оставаться неизменной. Можно заранее предположить, что при сплошной проверке словарных статей БАС, МАС и Толкового словаря кабардино-черкесского языка мы получим несколько иные результаты. Так, в СКЧЯ (1999г.) из 31000 слов двужначных, по нашему подсчету, оказалось 3864 слов, трехзначных – 522, четырехзначных – 140, пятизначных – 36, шестизначных – 17, семизначных – 11, восьмизначных – 2 (*гъэувын, къэубыдын*), десятизначных – 2 (*къэгъэнэн, зэтекъутэн*), одиннадцатизначных – 1 (*пыццэн*). Итого, многозначных в кабардино-черкесском языке, по данным СКЧЯ, 4596 слов, однозначных – 26404. Следовательно, СПС равен 1,18 (т.е. 36660 : 31000), что, к сожалению, оказалось ниже данных КРС 1957 (1,21), авторы которого глубже проникли в семантику языка.

VII. Все отмеченные случаи соответствия или расхождения в характере и способах национально-языкового отражения реальной действительности разными народами (начиная, казалось бы, с одного из самых конкретных объектов, каким является тело человека, и кончая абстрактными понятиями из области социологии и философии), свидетельствуют не о различных формах и законах мышления, а лишь о специфических национальных особенностях, природных, социально-экономических, культурно-исторических условиях их жизни и деятельности, предопределяющих своеобразие восприятия и обозначения (наращения, называния) явлений и предметов окружающего мира средствами языка. Уточним свою мысль. То, что для одного народа является важным и требующим тщательного разграничения, детализации, для другого народа может оказаться малосущественным, вто-

ростепенным и не требующим к себе пристального внимания и придиричвого разграничения, расчленения с соответствующим четким обозначением. Так, для русского языка и его носителей существенно, например, разграничение лишь двух положений лошади (стоять и лежать), а какое еще положение она может принимать, уже не существенно и не заслуживает специального наименования. Возможно, что русское языковое сознание не допускает существования другого положения лошади. Поэтому по-русски принято говорить только: *лошадь стоит*, *лошадь лежит*. А между тем в некоторых языках, в частности в кабардино-черкесском, оказывается важным разграничение не только двух отмеченных положений лошади, но еще и третьей «позы» – *лошадь сидит*. Последнее обычно вызывает улыбку и недоумение у русских и некоторых других: как это лошадь может сидеть, приподняв передние ноги и опираясь на задние, как лиса, кошка или собака?! Оказывается, сидеть лошадь может, не приподняв, а наоборот, поджав под себя ноги, при этом не касаясь земли головой, а держа ее бодро. Такое положение лошади языковое сознание кабардинца и черкеса никак не связывает с лежанием. «Лошадь лежит» для кабардинца означает, что она касается земли не только животом или одним из боков, но и головой, причем ноги не поджаты, а вытянуты во всю длину. Хозяина, заставшего свою лошадь в таком положении, обычно охватывает беспокойство, ибо нормальная, здоровая лошадь, пусть даже спящая, по разумению хозяина-кабардинца, должна сидеть. Знатоки утверждают, что здоровая лошадь очень редко лежит, обычная ее поза – сидячая или стоячая. Поэтому русская фраза «лошадь лежит» далеко не всегда корректно будет перевести на кабардино-черкесский язык *шыр цылыщ*. Если речь идет о здоровой лошади, то непременно требуется другой перевод – *шыр цысы*. Сказанное относится к целому ряду домашних животных – коровам, волам, верблюдам, овцам, козам и т.п. Мы так подробно останавливаемся на этом явлении ввиду его заметного интерферирующего влияния на русскую речь кабардинцев и черкесов.

Из изложенного как будто вытекает, что кабардино-черкесский язык вычленяет в явлениях и предметах больше, так сказать, деталей или расчленяет действительность на более мелкие кусочки, чем это делается русским языком. Такое заключение было бы поспешным обобщением. Есть факты, свидетельствующие и об обратном. Возьмем понятие, тесно связанное с животным миром. Кабардино-черкесский язык, как и адыгейский, обходится одним словом *псэф* там, где русский язык пользуется целой лексикосемантической системой: *жеребая*, *щённая*, *стельная*, *супоросая*, *суягная*, *сукотная*, *чреватая*, *сукочая* и т. п.

VIII. Расхождения (как и совпадения), подобные вышеприведенным примерам, обнаружить бывает довольно трудно, а иногда и невозможно без системного сопоставительного анализа. Причины этих расхождений могут быть различными в каждом конкретном случае, но главная, очевидно, состоит в том, что, несмотря на объективность действительности и единство действующих в ней закономерностей (в частности, единство законов мышления), каждый язык по-своему членит и отображает окружающий мир, и разные народы в зависимости от условий жизни, традиции, исторического опыта акцен-

тируют внимание либо на тех или иных явлениях, предметах, реалиях, либо на их частях, кусочках, элементах, деталях. Подобные расхождения важно предусмотреть в русско-национальных и национально-русских словарях, качество которых и в настоящее время оставляет желать лучшего. К сожалению, мы нередко забываем одно из главных положений лексикографической теории Л.В. Щербы, согласно которому «слова одного языка в большинстве не просто соответствуют словам другого языка, а находятся с ними в весьма сложных и многообразных отношениях» (Щерба 1939: 6). Из-за невнимания к этому положению, мы имеем такие двуязычные словари, к которым читатель обращается далеко не всегда с полной уверенностью найти искомое.

IX. Сопоставляя морфемную структуру слов русского и кабардино-черкесского языков, нетрудно обнаружить преобладание в первом единиц с однокорневой морфемой и сравнительно незначительное число сложных образований, тогда как во втором эти два типа структуры слова конкурируют между собой, а в ряде лексико-тематических групп преобладают многокомпонентные образования – единицы с двумя и более корневыми морфемами. Казалось бы, должно быть наоборот: чем древнее письменность, чем развитее литературный язык, чем шире и интенсивнее его контакты с другими языками, тем больше в нем должно быть многокомпонентных единиц, то есть слов с несколькими корневыми морфемами. Оказывается, что ни древность письменности, ни степень развитости литературного языка, ни широкие и интенсивные языковые контакты здесь либо ни при чем, либо имеют несущественное значение. Решающую роль в этом играют национальная специфика языка и соответствующие ей изначальная структура и внутренняя организация, сохраняющиеся, несмотря на длительное воздействие со стороны многих иностранных языков. По мнению Б.Х. Балкарова и Х.Ш. Урусова (устное сообщение), обилие сложных слов в адыгских языках – следствие ограниченного числа словообразовательных аффиксов. Можно допустить, что этому способствует и сам строй адыгской фонетики, не допускающий употребления нескольких корней с самостоятельными ударениями в одном слове. Иначе говоря, корни, образующие сложное слово, сохраняя из нескольких ударений лишь одно (на последнем корне), должны слиться в одно фонетически и интонационно цельнооформленное слово. Свободное слияние корней в акцентологически цельное единство способствует возникновению большого числа сложных образований.

Приведем несколько примеров: *хъэукIныIэ* – ушанка, *псынэпс* – родниковая вода, *бжэндэхъуджэдыкIафэ* – светло-голубой, *къаэшырыфэ* – светло-желтый, *IэпхъуэмбэжъахIэ* – мизинец руки, *нэпэIэлъэщI* – полотенце, *IэбжъанэласкIэ* – заусенец и др. Или: {(фо + шыгъу) + псы} + лъэ} + шхуэ.

X. В специальной литературе последних лет появилось несколько нетрадиционных классификаций типов группировки слов. Так, Д.Н. Шмелев (1977: 49-149, 183-233) рассматривает 7 лексико-семантических групп, П.Н. Денисов (1980: 119) выделяет 10 типов, причем, наряду с синонимами, антонимами и

другими группами, сюда включена и лексико-тематическая группа. В научно-методической работе коллектива авторов предлагается 10 типов лексико-методических групп, куда также вошла лексико-тематическая группа (Кочнева, Луцкая, Морковкин 1984: 47-56). Предлагаемая нами типология лексических микросистем состоит из четырех макросистем: лексико-грамматической, лексико-стилистической, лексико-тематической и лексико-семантической, причем последние две группировки, принципиально различаясь между собой, охватывают соответственно 115 тематических групп и 12 лексико-семантических категорий (Апажев 1988: 6-16; 1992: 62-259; 2000: 25-214).

XI. Если попытаться показать, как связывается каждая лексическая единица со всеми описанными здесь типами лексических объединений или какими нитями, она входит в те или иные группировки, то можно продемонстрировать это на примере слова *дахэ* – красивый.

1. *Дахэ* по своей семантике многозначно и образует ряд ЛСВ, что проявляется в следующих примерах: *теплэ дахэ* – вид красивый, привлекательный, *макэ дахэ* – голос приятный, благозвучный, *луэху дахэ* – дело благородное, *псалэ дахэ* – слова ласковые, приятные, *игу дахэ хуэцзын*, поласкать кого-н. и мн. др.

2. *Дахэ* входит в антонимическую пару: *дахэ* – красивый, *лей* – безобразный, *дахэ* – благородный: *лей* -низменный (напр. *мурад* – цель).

3. *Дахэ* является членом синонимической группы: *еклу* – стройный, *пкыыфлэ* – статный, *дэгьуэ* – прелестный, *лыагьугьуафлэ* – симпатичный, *тхэлухудо*- красавица и др.

4. *Дахэ* участвует в образовании конверсии: а) может выступать не только в роли прилагательного (*унэ дахэ*-дом красивый), но и в роли субстантивированного слова (*Дахэ и цлагэ фо цлэлыц* – Под красивым мед лежит – пословица); б) как предикат в предложении может представлять конверсию (выражение «обратных отношений») *лей* – безобразный, также выступающего в качестве предиката, образуя тем самым одну из разновидностей лексической «противоположности» в широком смысле слова. Например: *Япэрей сурэтыр нэхэ дахэц этлуанэрейм нэхэрэ* – Первая картина красивее, чем вторая – *Этлуанэ сурэтыр нэхэ лейц япэрейм нэхэрэ* – Вторая картина хуже (безобразнее), чем первая.

5. *Дахэ* выступает как член родо-видовых (гиперонимно-гипонимических) отношений. Например: *цыхум и цытыкклэ* – *цыхум и теплэ* – *цыхум и сурэт* – *цыху дахэ*, то есть качество – вид – внешний вид (облик) – красивый.

6. *Дахэ* образует одну из разновидностей омонимии – омоформу *даха* – бывший красивым с другой формой *даха* от глагола *дэхын* – вынести и вырезать, а также с русским *даха*- шуба (произносится *даха*). Ср. также: *Дахэ* – каб. жен. имя и название *Дахэ и псынэ* – родник Дахи и др.

7. *Дахэ* может выступать как пароним: *дахэр* *лэплэклэ дах*, *лейр* *лээсу яишэ* – красивую (девушку) на руках (вы) носят, а безобразную пешком ведут. Ср. русск.: *красив* – *курсив*, *красиво* – *Куросиво* и т.п.

8. *Дахэ* входит в словообразовательное гнездо: *гээдэхэн* – украшать, *хуэгээдэхэн* – перен. поддерживать, *зыхуэгээдэхэн* – красоваться перед кем-н., перен. заискивать, *дахаггэ* – красота, *дахэу* – красиво и др.

9. *Дахэ* благодаря своим синтагматическим отношениям вступает в многочисленные словосочетания: *хьиджэбз дахэ* – красивая девушка, *сурэт дахэ* – красивая картина, *удз гээггэ дахэ* – красивый цветок, *уэрэд дахэ* – красивая песня, *пцыхьэллэ дахэ* – красивый сон, *псалгэ дахэ* – (в прямом и переносном смысле) красивые слова и мн. др.

10. *Дахэ* входит в семантическое поле, образуемое словами: *дахаггэ* – красота, *теплэ* – вид, облик, *тхьэлухуд* – красавица, *дэггэуэ* – статный, *зэкфуж* – хорошо сложенный, *даггэуэниэ* – безупречный, *гурыхь* – перен. приятный, *фафлэ* – благовидный, приличный с виду, *фэниэ* – невзрачный и др.

11. *Дахэ* – член ассоциативного поля: *цыху* – человек, *цыхубз* – женщина, *хьиджэбз* – девушка, *сабий* – ребенок, *пкьы* – бюст, корпус, *Іепкльэпкь* – тело, фигура, *хэку* – родина, *сурэт* – картина, *дуней* – жизнь, *нэ* – глаза, *псалгэ* – слова, *бостей* – платье и мн. др.

12. *Дахэ* входит во многие фразеологические обороты: *дахэжылэ фцымыщлэ* – говорит красиво, да делает криво; *дахэм кьимыхьар Іейм кыхьыркьым* – чего не добился по-хорошему, по-плохому не добьешься; *уеплэмэ, – дахэцц, зэггэпхмэ банэцц* – посмотришь – красиво, раскроешь – внутри колочки; *дахэ псори дахэкьым* – не всё красивое – красиво; *дахэу ямыбза дахэу ядыркьым* – что не выкроено ладно, то не шьется складно и мн. др.

13. *Дахэ* по стилистической функции и эмоционально-экспрессивной окраске входит в нейтральную, немаркированную лексику, как, например: *хужь* – белый, *ин* – большой, *цыху* – маленький, *бггэуэ* – широкий и др.

14. *Дахэ* по своему значению и употреблению, по предметно-логической отнесенности включается в лексико-тематическую группу слов, обозначающих признак предмета, а именно внешний вид, переносно, как мы уже видели, и внутреннее свойство предмета или явления. Например: *дахэ* – красивый, *лгэггэуэуафлэ* – симпатичный, *псыггэуэ* – тонкий, *лгэггэ* – высокий, *пцэр* – полный, *ггум* – толстый перен.: *дахэ* – добрый, хороший (*гуэху дахэ* – хорошее, доброе дело, *псалгэ дахэ* – ласковое слово, доброе пожелание) и мн. др.

15. *Дахэ* как обозначение признака или качества предмета входит в лексико-грамматическую систему или класс прилагательных или подкласс качественных прилагательных: *дахэ, губзыггэ* – умный, *узыниэ* – здоровый, *захуэ* – прямой, *плгыжэ* – красный, *кьуаниэ* – кривой, *налуэ* – ясный, *кьабзэ* – чистый, *нэху* – светлый и мн. др.

Все это показывает, в каких безгранично сложных и многообразных отношениях между собой находятся слова в системе языка.

Учет всего этого в практике научного исследования языков и в методике их преподавания может оказать существенную помощь в повышении культуры родной и русской речи в школе и вузе.

Одним из наиболее распространенных способов реализации сопоставительного изучения лексики считается создание двуязычных словарей. Однако, как показывает практика, обычный тип таких словарей с традиционно-алфавитным расположением лексем не позволяет выявить системные связи семантических групп в сопоставляемых языках. Это вызывает необходимость РИШЫХ подходов к описанию лексики, при использовании которых обеспечивается точность в установлении адекватных эквивалентов сопоставляемого материала двух языков. Рассмотренные в работе языковые явления свидетельствуют о том, что не только общность, но и специфика организации лексических групп сравниваемых языков может быть полностью выявлена, только если факты лексики сопоставляются в системе. Этим объясняется столь значительное внимание, которое уделяется в данной работе проблеме системности в лексике.

Исследователи проблем языковых контактов выделяют целый ряд принципов сопоставительного изучения языков в целях как научно-теоретических, так и лингводидактических. Это принципы сравнимости; системности; терминологической адекватности; достаточной глубины сравнения; учета степени родства и типологической близости; учета положительного и отрицательного переноса лингвистических знаний; двусторонности сравнения; учета функциональных стилей; территориальной неограниченности; синхронности; простоты; сокращения; учета территориальных диалектов родного языка; учета фацилитации и межъязыковой интерференции (Ярцева и др. 1988: 8-11). Из них особо следует выделить принцип системности (о котором довольно подробно сказано в работе) и учет фацилитации и межъязыковой интерференции (термин **флцилятация** от латин. *facilis* «легкий, удобный». При изучении неродного языка родной язык может помогать, может и затруднять его усвоение, иногда родной язык нейтрален в этом процессе. В первом случае говорят о фацилитации, а во втором – об интерференции. Когда языки сопоставляются в лингвистических целях, необходимо учитывать оба явления. Благодаря этому принципу научно-лингвистической основой обучения / изучения неродного языка стала сопоставительная лингвистика, важной составной частью которой является сопоставительная семасиология.

Основная цель данной работы состоит в том, чтобы внушить молодому учителю, обучающему детей неродному языку, что он должен не только свободно владеть лексико-фразеологическим богатством языка, глубоко понимать его структуру, но и ясно представлять себе методически релевантные сходства и различия между родным и неродным языками, прогнозировать фацилитационные и интерферентные явления, знать причины появления и пути преодоления последних в такой сложной области языка, как лексическая семантика.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АДД	– Автореферат докторской диссертации
АКД	– Автореферат кандидатской диссертации
БРЭ	– Изд-во «Большая Российская энциклопедия»
ВТ	– Сб. «Вопросы терминологии»
ВШ	– Изд-во «Высшая школа»
ВЯ	– Журн. «Вопросы языкознания»
ГИИНС	– Государственное изд-во иностранных и национальных словарей
ГИХЛ	– Государственное изд-во «Художественная литература»
ИАН	– Журн. «Известия Академии наук»
ИЛ	– Изд-во «Иностранная литература»
КБНИИ	– Кабардино-Балкарский научно-исследовательский ин-т
КЧНИИ	– Карачаево-Черкесский научно-исследовательский ин-т
ЛСВ	– Лексико-семантический вариант
НЗЛ	– Новое в зарубежной лингвистике
НЛ	– Новое в лингвистике
РР	– Журн. «Русская речь»
РЯ	– Изд-во «Русский язык»
РЯШ	– Журн. «Русский язык в школе»
СДС	– Семантический диапазон слова
СЛЯ	– Серия литературы и языка
СМОПКС	– Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа
СПС	– Семантический потенциал слова
СЭ	– Изд-во «Советская энциклопедия»
УЗ	– Ученые записки
ЯЧ	– Сб. «Языкознание в Чехословакии»

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абаев 1970: Абаев В.И. Отражение работы сознания в лексико-семантической системе языка // Ленинизм и теоретические пробелы языкознания. – М.: Наука, 1970. – С.232-262.
2. Абита 1949: Абита М.Л. Инкорпорация в кабардино-черкесском языке // ИАН СССР.1949. – т. УП. Вып.3. – С.262-270.
3. Абитов, Апажев, Багов и др.: Абитов М.Л., Апажев М.Л., Багов Н.А. и др. Словарь кабардино-черкесского языка. 31.000слов / Гл.ред. П.М. Багов. – М., 1999. – 860 с.
4. Абрамов 1900: Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. – СПб., 1900; 2-е изд.1904; 3-е. -1911. 4-е. -1915; 5-е. – М.: Русские словари, 1994. – 502 с.
5. Акуленко и др. 1969: Акуленко В.В. и др. Англо-русский и русско-английский словарь «ложных друзей переводчика». – М., 1969. – 384 с.
6. Апажев 1963а: Апажев М.Л. Вопросы влияния русского языка на кабардинский. Фонетика, лексика, семантика. – Нальчик, 1963. – 152 с.
7. Апажев 1963б: Апажев М.Л. (Проблемы исследования русской лексики в кабардино-черкесском языке) // Вопросы описательных грамматик языков Северного Кавказа и Дагестана. Материалы объединенной научной сессии Ин-та языкознания АН СССР и КБНИИ. – Нальчик, 1963. – 156 с.
8. Апажев 1968а: Апажев М.Л. Влияние Октябрьской революции и русского языка на развитие структуры и изменения функций языков народов Северного Кавказа // Сб.научных трудов аспирантов КБГУ. – Нальчик, 1968. – С.194-204. – Вып. 2.
9. Апажев 1968б: Апажев М.Л. Адыгские слова в русском языке // Гуащхэмахуэ. 1968. №3. – С.72-77.
10. Апажев 1977: Апажев М.Л. О русско-северокавказских языковых контактах и некоторых вопросах лексикографии // Структурно-типологические особенности русского и кавказских языков. – Грозный, 1977. – С.3-23.
11. Апажев 1982: Апажев М.Л. Влияние русского языка на семантическую структуру кабардино-черкесских слов // Тез. докл. региональной научной конф. «Роль русского языка в жизни народов Северного Кавказа и развитие их литературных языков». – Грозный, 1982. – С.39-40.
12. Апажев 1988: Апажев М.Л. Проблема системности в лексике и типология лексических микросистем языка // Аспект – Aspekti. – Хельсинки, 1988. – №2. – С.6-16.
13. Апажев 1992а: Апажев М.Л. Проблемы кабардинской лексики. – Нальчик: Эльбрус, 1992. – 336 с.
14. Апажев 1992б: Апажев М.Л. Лексико-семантическая система в русском и кабардино-черкесском языках// Вопросы изучения русского языка. Межведомственный сб. – Нальчик: КБГУ, 1992. – С.3-8.

15. Апажев 1994: Апажев М.Л. Проблема лексической сочетаемости (На материале кабардино-черкесского и русского языков) // Вестник КБГУ. – Нальчик, 1994. – С.4-8. – Вып.1.
16. Апажев 1999: Апажев М.Л. К вопросу об именном синкретизме в кабардино-черкесском языке // Современные проблемы кавказского языкознания и фольклористики: Тезисы док. Международной научной конф., посвященной 100-летию со дня рождения К.С. Шакрыл. – Сухум, 1999. – С.16-17.
17. Апажев 2000а: Апажев М.Л. Современный кабардино-черкесский язык: лексикология. лексикография. – Нальчик: Эльбрус, 2000. – 408 с.
18. Апажев 2000б: Апажев М.Л. Лексикология современного кабардино-черкесского языка. – Нальчик: КБГУ, 2000. – 131 с.
19. Апажэ 2000в: Апажэ М. Адыгэбзэм и налкътналмэс хъумапIэ // Адыгэ псалъэ. Дек. и 28-м 2000 гъ.
20. Апажев 2001: Апажев М.Л. Сокровищница кабардино-черкесского языка // Кабардино-Балкарская правда. 4 янв. 2001г.
21. Апажэ 2002: Апажэ М.Л. Адыгэ бзэщIэныгъэм и ехъулIэныгъэ ин // ЩIэплъыпIэ –Горизонт. Литературный альманах. 2002. – №3. – С.117-125.
22. Апажев 2002: Апажев М.Л. Толковый словарь кабардино-черкесского языка и его значение для адыгского языкознания // Вестник КБИГИ. – 2002. – №9. – С.220-233.
23. Апресян 1974: Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – М.: Наука, 1974. – 368 с.
24. АРС 1975: Адыгейско-русский словарь. – Майкоп, 1975. – 440 с.
25. Ахманова 1957: Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. – М.: Учпедгиз, 1957. – 368 с.
26. Ахманова 1958: Ахманова О.С. О стилистической дифференциации слов // Сб. статей по языкознанию. Проф. МГУ акад. В.В. Виноградову в день его 60-летия. – М.: МГУ, 1958. – С 24-39.
27. Ахманова 1966: Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: СЭ, 1966. – 608 с.
28. Ахманова 1974: Ахманова О.С. Словарь омонимов русского языка. – М.: Сов.энциклопедия, 1974. – 448 с.; 2-е изд. -1976; 3-е изд. – 1986.
29. Балкаров 1961: Балкаров Б.Х. О работе по созданию общественно-политической терминологии кабардинского языка // ВТ. – М.: Наука, 1961. – С.144-148.
30. Балли 1955: Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: ИЛ, 1955. – 416 с.
31. Балли 1961: Балли Ш. Французская стилистика. – М.: ИЛ, 1961. – 394с.
32. БАС1948-1965: Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. – М. -Л.: АН СССР, 1948-1965 (сокращенно: Большой академический словарь).
33. Бельчиков 1962: Бельчиков Ю.А. Общественно-политическая лексика В.Г. Белинского. – М.: Изд-во МГУ. 1962. – 132 с.

34. Бербеков и др. 2001: Бербеков Б., Бижоев Б., Утижев Б. Фразеологический словарь кабардино-черкесского языка для школьников. – Нальчик, 2001. – 240 с. (на каб. яз.).
35. Бережан 1984: Бережан С.Г. Обусловленность словарного значения его грамматическими особенностями // Слово в грамматике и словаре. – М.: Наука, 1984. – С.51-60.
36. Биржакова и др. 1972: Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века: языковые контакты и заимствования. -Л.:Наука, 1972. -432с.
37. Блох 1986: Блох М.Я. Теоретические основы грамматики. – М.: ВШ, 1986. – 160 с.
38. Бондарко 1984: Бондарко А.В. О системно-структурной организации грамматических категорий слова // Слово в грамматике и словаре. – М.: Наука, 1984. – С.23-28.
39. Брокгауз, Ефрон 1892: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – СПб., 1892. – т.8.
40. БСЭ 1929: Большая советская энциклопедия. – М., 1929. – т.15.
41. БСЭ 1952: Большая советская энциклопедия. Изд. 2-е. – М., 1952. – т.10.
42. БСЭ 1971: Большая советская энциклопедия. Изд. 3-е. – М., 1971. – т.6.
43. БТС- Большой толковый словарь русского языка. 130.000 слов. – СПб: Норинт, 1998. – 1536 с.
44. Будагов 1965: Будагов Р.А. Введение в науку о языке. – 2-е изд., перераб., доп. – М.: Просв., 1965. – 492 с.
45. Будагов 1967: Будагов Р.А. Литературные языки и языковые стили. – М.: ВШ, 1967. – 376 с.
46. Будагов 1972: Будагов Р.А. Закон многозначности слов // РР. 1972. – №3. – С.137-141.
47. Будагов 1978: Будагов Р.А. Система и антисистема в науке о языке // ВЯ. – 1978. – №4. -С.3-17.
48. Булаховский 1952: Булаховский Л.А. Курс истории русского литературного языка. В 2-х томах. – Киев, 1952
49. Булаховский 1954: Булаховский Л.А. Введение в языкознание. ч. 2: Семасиология. Лексикология. Лексикография. Этимология слов. – М.: Учпедгиз, 1954. – 175с.
50. Варбот 1979: Варбот Ж.Ж. Табу // РЯЭ. 1979. – С.345-346.
51. Васильев 1981: Васильев Л.М. Семантика русского глагола. – М.:ВШ, 1981. -184 с.
52. Вахек 1964: Вахек Й. (при участии Й. Дубского). Лингвистический словарь Пражской школы. – М.: Прогресс, 1964. -351 с.
53. Введенская 1971: Введенская Л.А. Словарь антонимов русского языка. – Ростов-на-Дону, 1971. – 168 с.
54. Виноград 1983: Виноград Т. К процессуальному пониманию семантики // НЗЛ. – М.: Радуга, 1983. – Вып.12. – С.123-170.

55. Виноградов 1938: Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVIII -XIX вв. – 2-е изд. – М.: Учпедгиз, 1938. – 448 с.; 3-е изд.1983. – 529 с.
56. Виноградов 1940 : Виноградов В.В. О грамматической омонимии в современном русском языке // В.В. Виноградов. Избранные труды по русской грамматике. – М.: Наука, 1975. – С.13-32.
57. Виноградов 1947: Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. – М. – Л.: Госучпедгиз, 1947. – 784 с., 2-е изд. – М.: ВШ, 1972. – 616 с.
58. Виноградов 1953: Виноградов В.В. Предисловие к книге: Л.П. Якубинский. История древнерусского языка. – М.: Учпедгиз, 1953. – С.15-16.
59. Виноградов 1957: Виноградов В.В. Проф.Л.П. Якубинский как лингвист и его «История древнерусского языка » // Л.П. Якубинский. История древнерусского языка. – М.: Учпедгиз. 1957. -С.3-40.
60. Виноградов 1960: Виноградов В.В. Об омонимии и смежных явлениях // ВЯ, 1960. – № 5. – С.3-17.
61. Виноградов 1967: Виноградов В.В. Об омонимии в русской лексикографической традиции // Историко-филологические исследования: Сб. статей к 70-летию акад. Н.И. Конрада. – М.: Наука, 1967. – С.51-57.
62. Виноградов 1969 а: Виноградов В.В. Процессы устранения омонимии в русском литературном языке XVIII -XIX вв // УЗ Калининск. пед.ин-та. – Калинин, 1969. – С.7-13. – Т.66. – Ч.1.
63. Виноградов 1969 б: Виноградов В.В. О взаимодействии лексикосемантических уровней с грамматическими в структуре языка // Мысли о современном русском языке: Сб. статей / Под ред. акад. В.В. Виноградова / Сост.А.Н. Кожин. – М.: Просв., 1969. – С.5-23.
64. Ворт и др. 1970: Ворт Д.С. , Козак А.С., Джонсон Д.Б. Русский словообразовательный словарь : 1500 корней = 100.000 слов. – Нью-Йорк, 1970. – XXIV, 750 с. (Название на англ.яз.).
65. Г 1952: Грамматика русского языка. В 2-х т. Т.1: Фонетика. Морфология. – М.: АН СССР, 1952. – 720 с.
66. Г 1970: Грамматика современного русского языка. – М.: АН СССР, 1970. – 768 с.
67. Г 1980: Русская грамматика. В 2 т.Т.1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. – М.: Наука, 1980. – 784 с.
68. Гак 1977: Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. На материале французского и русского языков. – М.: Междунар. отношения, 1977. – 320 с.
69. Гегель 1970 : Гегель Г.В. Наука логики. В 3-х томах. Т.1 – М.: Мысль, 1970. – 501 с.
70. ГКЧЛЯ 1957: Грамматика кабардино-черкесского литературного языка. – М.: АН СССР, 1957. – 240 с.

71. ГКЧЛЯ 1970: Грамматика кабардино-черкесского литературного языка. – Фонетика. Морфология. – М.: Наука, 1970. – 216 с.
72. Головин 1979: Головин Б.Н. Язык // Березин Ф.М., Головин Б.Н. Общее языкознание. – М.: Просв., 1979. – С.7-294.
73. Горбачевич 2001: Горбачевич К.С. Краткий словарь синонимов русского языка / Отв. Ред. С.А. Кузнецов. – М.: Астрель – АСТ, 2001. – 608 с.
74. Гужва 1978: Гужва Ф.К. Современный русский литературный язык. ч.1. – Киев: ВШ, 1978. – 248 с.
75. Даль 1880-1882: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. 2-е изд. 200.000 слов. – СПб., 1880-1882.
76. Даль 1903-1994: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. Изд. 3-е 220.000 слов. / Под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. – СПб.-М., 1903-1909.
77. Даль 1957: Даль В.И. Пословицы русского народа. 2-е изд. / Предисловие М.А. Шолохова. – М.: ГИХЛ, 1957. – 902 с.
78. Даунене 1978: Даунене З.П. Специфика единого лексического минимума для национальной ср. шк. // Проблемы учебной лексикографии и обучения лексике. Сб. статей /Под ред. П.Н. Денисова и В.В. Морковкина. – М.: РЯ, 1978. – С.132-137.
79. Демиденко 1979: Демиденко Л.П. , Козырева Т.Г., Хмелевская Е.С., Козырев И.С. – Минск: ВШ, 1979. – 192 с.
80. Денисов 1980: Денисов П.Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. – М.: РЯ, 1980. – 254 с.
81. Денисов 1984 : Денисов П.Н. Место и роль самых многозначных слов в лексической системе языка // Слово в грамматике и словаре. – М.: Наука, 1984. – С.142-158.
82. Денисов 1988: Денисов П.Н. Полисемия и классификация лексики // Словарные категории. Сб.статей / Отв.ред. Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1988. – С. 15-22.
83. Дзасежев 1964: Дзасежев Х.Э. Современный кабардино-черкесский язык. – Черкесск, 1964. – 228 с. (на каб.яз.).
84. Дорошевский 1973: Дорошевский В. Элементы лексикологии и семиотики. – М., 1973. – 288 с.
85. Евгеньева и др. 1970-1971: Евгеньева А.П. и др. Словарь синонимов русского языка. В 2-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – Л.: Наука, 1970-1971: т.1. – 680 с.; т.2. -856 с.
86. Евгеньева и др. 1975: Евгеньева А.П. и др. Словарь синонимов. Справочное пособие / Под ред. А.П. Евгеньевой. – Л.: Наука, 1975. – 648 с.
87. Ефремова 2000: Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка: Толково-словообразовательный. В 2-х т. – М., 2000.
88. Жирмунский 1960: Жирмунский В.М. Выступление на дискуссии // О соотношении синхронного анализа и исторического изучения языков. – М.: АН СССР, 1960. – С.70-75.

89. Зализняк 1977: Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. – М., 1977. – 880 с.
90. Звегинцев 1957: Звегинцев В.А. Семасиология. – М.: Изд-во МГУ, 1957. – 324 с.
91. Земская 1985: Земская Е.А. Зарубежная русистика 70-х-начала 80-х годов // НЗЛ. – М.: Прогресс, 1985. Вып. 15. – С.5-25.
92. Золотова 1988: Золотова Г.А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса / Отв.ред. Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1988. – 440 с.
93. Иванова 1982: Иванова В.А. Антонимия в системе языка. – Кишинев, 1982. – 148 с.
94. Калинин 1978: Калинин А.В. Лексика русского языка. – М.: МГУ, 1978. – 232 с.
95. Караулов 1976: Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. – М.: Наука, 1976. – 338 с.
96. Караулов 1980: Караулов Ю.Н. Частотный словарь семантических множителей русского языка / Отв. ред. С.Г. Бархударов. – М.: Наука, 1980. – 208 с.
97. Караулов 1981: Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. – М.: Наука, 1981. – 367 с.
98. Караулов и др. 1982: Караулов Ю.Н., Молчанов В.И., Афанасьев В.А., Михалев Н.В. Анализ метаязыка словаря с помощью ЭВМ. – М.: Наука, 1982. – 96 с.
99. Караулов и др. 1983: Караулов Ю.Н. и др. Русский семантический словарь. Опыт автоматического построения тезауруса: от понятия к слову / Под ред. С.Г. Бархударова. – М.: Наука, 1983. – 566 с.
100. Карданов 1963: Карданов Б.М. Кабардинско-русский фразеологический словарь. 3500 единиц. – Нальчик, 1963. – 232 с.
101. Карданов 1968: Карданов Б.М. Кабардинско-русский фразеологический словарь. 5600 единиц. – Нальчик: Эльбрус, 1968. – 342 с.
102. Карданов 1973: Карданов Б.М. Фразеология кабардинского языка. – Нальчик: Эльбрус, 1973. – 248 с.
103. Касарес 1958: Касарес Х. Введение в современную лексикографию. – Пер. с испанского Н.Д. Арутюновой. – Ред., предисловие и примечания Г.В. Степанова. – М.: ИЛ, 1958. – 354 с.
104. Кацнельсон 1972: Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. – Л.: Наука, 1972. – 216 с.
105. Кешоков 1956: Кешоков А.П. Стихи и поэмы. – Нальчик: Кабардинское книжное изд-во, 1956. – 544 с. (на каб. яз.).
106. Кешоков 1960: Кешоков А.П. Чудесное мгновение. Кн. 2. – Нальчик. 1960. – 280 с. (на каб.яз.).
107. Китайско-русский словарь / Под ред. И.М. Ошанина. – изд.3-е. Более 70.000 слов и выражений. – М.: ГИИНС, 1959. – 1102 с.

108. Кокова 2003: Кокова Т.Б. Проблемы системного анализа отраслевой лексики кабардино-черкесского языка (на материале названий одежды). АКД. – Нальчик: КБГУ, 2003. – 18 с.
109. Колесников 1978: Колесников Н.П. Словарь антонимов русского языка. 2-е изд. Тбилиси, 1978. – 532 с.
110. Коменский 1957: Коменский Я.А. Мир чувственных вещей в картинках или изображение и наименование всех предметов в мире и действий в жизни. Изд.2-е: перевод с латин. Ю.Н. Дрейзина / Под ред. и со вступ. статьей А.А. Красновского. – М.: Учпедгиз, 1957. – 352 с.
111. Косериу 1963: Косериу Э Синхрония, диахрония, история //НЛ. – М.: Прогресс, 1963. – Вып.3. – С.143-446.
112. Кочнева и др. 1984: Кочнева Е.М., Луцкая Н.М., Морковкин В.В. Системная организация и систематизация лексики при обучении русскому языку иностранных студентов-филологов // Теория и практика обучения русскому языку иностранных студентов-филологов. – М.: РЯ, 1984. – С.47-56.
113. КРО 1957: Кабардино-русские отношения в XVI -XVIII вв. В 2-х т. – М.: АН СССР, 1957. – Т.1. – 378 с.; Т.2. – 424 с.
114. КРС 1957: Кабардинско-русский словарь / Апажев М.Л., Багов Н.А., Багов П.М. и др.; Под ред. Б.М. Карданова. – М.: ГИИНС, 1957. – 576 с.
115. Куашев 1950: Куашев Б.И. Мой труд. – Нальчик: Кабардинское книжное изд-во, 1950. – 116 с. (на каб.яз.).
116. Кузнецов 1960: Кузнецов П.С. Русская диалектология. Изд. 3-е. М.: Учпедгиз, 1960. – 184 с.
117. Кузнецова 1963: Кузнецова А.И. Понятие семантической системы языка и методы ее исследования (из истории разработки данной проблемы в современном языкознании). – М.: МГУ, 1963. – 58 с.
118. Кузнецова 1989: Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка. – М.: ВШ, 1989. – 216 с.
119. Кумахов 1964: Кумахов М.А. Морфология адыгских языков. – Нальчик: КБ Кн. изд-во, 1964. – 272 с.
120. Кумахов 1971: Кумахов М.А. Словоизменение адыгских языков. – М.: Наука, 1971. – 342 с.
121. Кумахов 1981: Кумахов М.А. Сравнительно-историческая фонетика адыгских (черкесских) языков. – М.: Наука, 1981. – 288 с.
122. Кумахов 1989: Кумахов М.А. Сравнительно-историческая грамматика адыгских (черкесских) языков. / Отв.ред. Н.З. Гаджиева. – М.: Наука, 1989. – 384 с.
123. Кумахова, Кумахов 1979: Кумахова З.Ю., Кумахов М.А. Функциональная стилистика адыгских языков. – М.: Наука, 1979. – 360 с.
124. Лайонз 1978: Лайонз Дж. Введение в структурную лингвистику: Пер. с англ. / Под ред. и с предисловием В.А. Звегинцева. – М.: Прогресс, 1978. – 544 с.

125. Лопатинский 1891 а: Лопатинский Л.Г. Краткая кабардинская грамматика // СМОМПК. – Тифлис, 1891. Вып. XII. Отд. II. С. III-46.
126. Лопатинский 1891 б: Лопатинский Л.Г. Русско-кабардинский словарь с указателем // СМОМПК. – Тифлис, 1891. Вып. XII. -Отд. II. С. 47-184. Указатель кабардинских слов: С. 185-299.
127. Лурия 1979: Лурия А.Р. Язык и сознание. – М.: МГУ, 1979. – 320 с.
128. Львов 1978: Львов М.Р. Словарь антонимов русского языка. Более 2000 антонимических пар. – М.: РЯ, 1978. – 400 с.; 2-е изд., испр., доп. – 1984. – 382 с.; 4-е изд. – 1988. – 381 с.
129. ЛЭС 1990: Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: СЭ, 1990. – 685 с.
130. Люлье 1846: Люлье Л. Словарь русско-черкесский или адигский, с краткою грамматикою сего последнего языка, одобренный имп. С. - Петербургскою Академиею наук. – Одесса, 1846. – IX+26+244 с.+ 2 с. опечаток.
131. Мамрешев 1959: Мамрешев К.Т. К вопросу о принципах заимствования в кабардинском языке // УЗ КБНИИ. – Нальчик, 1959. – т. XIV. – С. 121-142.
132. Манликова 1989: Манликова М.Х. Ассоциативный словарь русской этнокультуроведческой лексики / Под. Ред. Л.А. Шеймана. – Фрунзе: Мектеб, 1989. – 118 с.
133. Марузо 1960: Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. – М.: ИЛ, 1960. – 436 с.
134. МАС- Словарь русского языка. В 4-х томах / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: АН СССР, 1957-1961; 2-е изд., доп. 1981-1984. (сокращенно: Малый академический словарь).
135. Мастепанов 1969: Мастепанов С.Д. О собирании и публикации пословиц и поговорок Кабардино-Балкарии // Провербиум. – Хельсинки, 1969. № 12. – С. 312-318.
136. Медникова 1974: Медникова Э.М. Значение слова и методы его описания. – М.: ВШ, 1974. – 202 с.
137. Миллер 1964: Миллер Дж. А. Магическое число семь плюс или минус два. О некоторых пределах нашей способности перерабатывать информацию // Инженерная психология. Сб. статей. Пер. с англ. / Под. ред. Д.Ю. Танова и В.П. Зинченко. – М.: Прогресс, 1964. – С. 192-225.
138. Минина 1975: Минина Н.Н. Поле семантическое // БСЭ. – Изд. 3-е 1975. – Т. 20. – С. 517.
139. Молотков и др. 1968: Молотков А.И. и др. Фразеологический словарь русского языка. – М.: СЭ, 1968. – 544 с.
140. Морковкин 1970: Морковкин В.В. Идеографические словари. – М.: МГУ, 1970. – 70 с.
141. Морковкин и др. 1985: Лексические минимумы современного русского языка / Морковкин В.В., Сафьян Ю.А., Степанова Е.М., Дорофеева И.В.; Под. ред. В.В. Морковкина. – М.: РЯ, 1985. – 608 с.

142. Нечаев 1976: Нечаев Г.А. Краткий лингвистический словарь. – Ростов-на-Дону, 1976. – 184 с.
143. Новиков 1963: Новиков Л.А. О семантическом переоформлении заимствованных слов в русском языке // РЯШ. – 1963. – № 3. – С. 7-9.
144. Новиков 1966: Новиков Л.А. Логическая противоположность и лексическая антонимия // РЯШ. – 1966. – №4. – С. 79-87.
145. Новиков 1973: Новиков Л.А. Антонимия в русском языке (семантический анализ противоположности в лексике). – М.: МГУ, 1973. – 292 с.
146. Новиков 1982: Новиков Л.А. Семантика русского языка. – М.: ВШ, 1982. – 272 с.
147. Новиков и др. 1987: Современный русский язык: Теоретический курс. Лексикология / Л.А. Новиков, Иванов В.В., Кедайтене Е.И., Тихонов А.Н.; Под. ред. Л.А. Новикова. – М.: РЯ, 1987. – 160 с.
148. Новиков и др. 1999: Новиков Л.А., Зубкова Л.Г., Иванов В.В. и др. Современный русский язык: Учебник: Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис / Под. ред. Л.А. Новикова. – СПб.: Лань, 1999. – 864 с.
149. Ногма 1956: Ногма Ш.Б. Филологические труды. В 2-х томах. – Нальчик, 1956-1959.
150. Ногмов 1947: Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа. – Нальчик, 1947. – 160 с.
151. НСЗ 1971: Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х гг. / Под. ред. Н.З. Котеловой и Ю.С. Сорокина. – М.: СЭ, 1971. – 544 с.
152. НСЗ 1973: Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х гг. 2-е, стереотипное изд. / Под. ред. Н.З. Котеловой и Ю.С. Сорокина. – М.: СЭ, 1973. – 544 с.
153. НСЗ 1984: Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х гг. / Под. ред. Н.З. Котеловой. – М.: РЯ, 1984. – 808 с.
154. НСЗ 1997: Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-х гг. / Под. ред. Е.А. Левашева. – СПб.: Изд-во «Дм. Буланин», 1997. – 904 с.
155. Плотников 1984: Плотников Е.А. Основы семасиологии / Под. ред. А.Е. Супруна. – Минск.: ВШ, 1984. – 223 с.
156. Покровский 1959а: Покровский М.М. Семасиологические исследования в области древних языков // М.М. Покровский. Избранные работы по языкознанию. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – С. 63-170.
157. Покровский 1959б: Покровский М.М. Избранные работы по языкознанию. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – 384 с.
158. Протченко 1975: Протченко И.Ф. Лексика и словообразование русского языка советской эпохи: Социолингвистический аспект. – М.: Наука, 1975. – 224 с.

159. Протченко 1984: Протченко И.Ф. Русский язык: проблемы изучения и развития. – М.: Педагогика, 1984. – 222 с.
160. Пшуков 1982: Пшуков Х.Х. Полисемия и омонимия в кабардинском языке. – Нальчик, 1982. – 88 с.
161. Пшукова 1999: Пшукова М.Х. Лексико-семантическая система кабардино-черкесского языка. АКД. – Нальчик: КБГУ, 1999. – 20 с.
162. РАС 1960: Русско-адыгейский словарь / Под. ред. Х.Д. Водождокова. – М.: ГИИНС, 1960. – 1100 с.
163. Реформатский 1961: Реформатский А.А. Что такое термин и терминология // ВТ: Материалы Всесоюзного терминологического совещания. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 46–54.
164. Реформатский 1967: Реформатский А.А. Введение в языковедение. – М., 1967. – 442 с.
165. РКПТС 1955: Русско-кабардинский политико-терминологический словарь / Ред. М.Л. Абитов. – Нальчик, 1951. – 114 с.
166. РКЧС 1955: Русско-кабардино-черкесский словарь / Сост. Б.М. Карданов. А.Т. Бичоев. – М.: ГИИНС, 1955. – 1054 с.
167. Рогава 1951: Рогава В.Г. О некоторых образцах вульгарно-материалистического толкования истории абхазского и адыгских языков // Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании. Сб. статей. Ч. 1. – М.: АН СССР, 1951. – С. 404–418.
168. Рогава 1956: Рогава В.Г. К вопросу о структуре именных основ и категориях грамматических классов в адыгских (черкесских) языках. – Тбилиси: АН ГССР, 1956. – 155 с.
169. Розенталь 1968: Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка. – М.: ВШ, 1968. – 416 с.
170. Розенталь, Теленкова 1972: Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. – М.: Просв., 1972; 2-е изд. – 1976; 3-е изд., 1985. – 400 с.
171. РЯСО 1968: Русский язык и советское общество: Социолингвистическое исследование. Лексика / Под ред. М.В. Панова. – М.: Наука, 1968. – 188 с.
172. РЯЭ 1979: Русский язык: Энциклопедия / Гл. ред. Ф.П. Филин. – М.: СЭ, 1979. 432 с.
173. РЯЭ 1997: Русский язык: Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. – М.:, БРЭ – Дрофа, 1997. – 704 с.
174. Сазонова 1989: Сазонов И.К. Русский глагол и его причастные формы. Толково-грамматический словарь. – М.: РЯ, 1989. – 590 с.
175. Сакиев 1959: Сакиев М.М. Тюркская и арабская лексика в кабардино-черкесском языке // Труды КЧНИИ. – Черкесск, 1959. – Вып. 3. – С. 105–121.
176. САН 1977: Словарь ассоциативных норм русского языка / Под. ред. А.А. Леонтьева. – М.: МГУ, 1977. – 192 с.
177. СКЧЯ 1999 см.: Абитов, Апажев, Багов и др. 1999.

178. Смирницкий 1954: Смирницкий А.И. К вопросу о слове (проблема «тождества слова») // Труды ин-та языкознания. – М., 1954. Т.4.
179. Смирницкий 1956: Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. – М., 1956. – 260 с.
180. Смирнов 1910 : Смирнов Н.А. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху // Отд. Русского языка и словесности. Т.88. – № 2. – СПб., 1910. – С.27-360.
181. СО 1949-1989 : Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1949; 21-е изд. – 1989. – 921 с.
182. Солнцев 1989: Солнцев В.М. Национально- языковые отношения в СССР: состояние и перспективы // РР.1989. – №6. -С.3-8.
183. Сорокин 1965: Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка в 30-90-гг. XIX в. – М.-Л.: Наука, 1965. – 566 с.
184. Сороколетов 1970: Сороколетов Ф.П. История военной лексики в русском языке (XI-XVII вв.). – М.: Наука, 1970. – 280 с.
185. Соссюр 1933: Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. – М., 1933. – 272 с.
186. Соссюр 1977: Соссюр Ф. Труды по языкознанию. Пер. с фр. / Под ред. А.А. Холодовича. – М.: Прогресс, 1977. – 696 с.
187. СОШ 1992: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992. – 960.; изд.4-е, доп. – М.: Азбуковник, 1997. – 944 с.
188. ССТ 1984-1985 см.: Тихонов 1984-1985.
189. Супрун 1975 : Супрун А.Е. Лексическая система и методы ее изучения / Под ред. А.Е. Супруна. – Минск: Изд-во БГУ, 1975. – С.5-22.
190. Титова 1975: Титова Л.Н. Киргизско-русский ассоциативный словарь. – Фрунзе: Мектеб, 1975. – 96 с.
191. Тихонов 1984-1985: Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. В 2-х томах. – М.: РЯ, 1984- 1985: т.1. – 856 с.; т.2. – 886 с.
192. ТСУ: Толковый словарь русского языка. В 4-х т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М., 1935-1940.
193. Тхаркахо 1982: Тхаркахо Ю.А. Становление стилей и норм адыгейского литературного языка. – Майкоп, 1982. -192 с.
194. Урусов 1980: Урусов Х.Ш. Морфемика адыгских языков. – Нальчик: Эльбрус, 1980. – 402 с.
195. Урусов, Захохов 1982: Урусов Х.Ш., Захохов Л.Г. Орфографический словарь кабардино-черкесского языка. 90.000 сл. –Нальчик: Эльбрус, 1982. – 1336 с.
196. Уфимцева 1972: Уфимцева А.А. Лексика // Общее языкознание. Внутренняя структура языка. – М.: Наука, 1972. – С.394-455.
197. Филин 1957: Филин Ф.П. О лексико-семантических группах слов // Езиковедски изследованиа в чест на академик Стефан Младенов. – София, 1957. – С.523-538.

198. Филипец 1978: Филипец Й.О. О конфронтации частных семантических систем в словарном составе двух разных языков // ЯЧ. Сб. статей / Под ред. А.Г. Широковой. – М.: Прогресс, 1978. – С.372-388.
199. Филлмор 1983: Филлмор Ч. Основные проблемы лексической семантики // НЗЛ. 1983. Вып.12. – С.74-122.
200. Фомина 1990: Фомина М.И. Современный русский язык. Лексикология. – 3-е изд. М.: ВШ, 1990. – 415 с.
201. Хан-Пира 1999: Хан-Пира Эр. Привносит ли лексиколог системность в лексику // Русская речь. 1999. – №2. – С.47-52.
202. Хуранов 1927: Хуранов Б.Л. Русско-кабардинский словарь. – М., 1927. – 80 с.
203. Хэмп 1964: Хэмп Э. Словарь американской лингвистической терминологии. – М.: Прогресс, 1964. – 264 с.
204. Шагиров 1962: Шагиров А.К. Очерки по сравнительной лексикологии адыгских языков. – Нальчик, 1962. – 214с.
205. Шагиров 1971: Шагиров А.К. Основные вопросы синхронного и сравнительно- исторического анализа лексики адыгских языков. АДД. – М., 1971. – 52с.
206. Шагиров 1977: Шагиров А.К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. В 2-х томах. – М.: Наука, 1977.
207. Шагиров 1989: Шагиров А.К. Заимствованная лексика в абхазо-адыгских языках. – М.: Наука, 1989. – 191с.
208. Шанский 1972: Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. – М.: Просв., 1972. – 328с.
209. Шаов, Кубов 1974: Шаов Ж., Кубов Б. Стилистика адыгейского языка. – Майкоп, 1974. – 123 с. (на адыгейском яз.).
210. Шведова и др. 1987: Шведова Н.Ю., Шмелёв Д.Н., Лопатин В.В. и др. Русский язык как средство межнационального и международного общения // ИАН СССР. СЛЯ. – 1987. т. 46. – №5. – С. 391- 401.
211. Шерцль 1883- 1884: Шерцль В. О словах с противоположными значениями (или о так называемой энантиосемии) // Филологические записки. – Воронеж, 1883. – Вып. V-VI. – С. 1- 39; 1884. – Вып. 1. – С. 41- 84.
212. Шмелев 1964: Шмелев Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка. – М.: Просв., 1964. – 244с.
213. Шмелев 1973: Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (На материале русского языка). – М.: Наука, 1973. – 280с.
214. Шмелев 1977: Шмелев Д.Н. Современный русский язык: Лексика. – М.: Просв., 1977. -336с.
215. Шомахов 1961: Шомахов А. Амират игу темыхуар // Гуащхэмахуэ. 1961. – №5. – С.76-78.
216. Шуба 1979: Современный русский язык. ч.1 /Под ред. П.П.Шубы. – Минск: Изд-во БГУ, 1979. –320 с.

217. Щерба 1939: Щерба Л.В. Предисловие ко 2-му изданию (1939) // Л.В. Щерба, М.И. Матусевич. Русско-французский словарь. 50.000 слов / Под ред. Л.В.Щербы. – изд.11-е. – М.:РЯ, 1983. – С.6-9.
218. Щерба 1974: Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – 428 с.
219. Щур 1974: Щур Г.С. Теория поля в лингвистике. – М.: Наука, 1974. – 256с.
220. Энгельс 1955: Энгельс Ф. Диалектика природы // К.Маркс, Ф.Энгельс. Соч. Изд. 2-е. т.20. – М.: Политиздат, 1955.
221. ЭСГТ 1968: Энциклопедический словарь географических терминов. – М., 1968. – 437с.
222. Южаков 1902: Большая энциклопедия / Под ред. С.Н. Южакова. – СПб., 1902. т.6. – 794с.
223. Яковлев 1927: Яковлев Н.Ф.Материалы для кабардинского словаря. Вып.1. – М., 1927. – 133с.
224. Яковлев 1948: Яковлев Н.Ф. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – 372 с.
225. Яковлев, Ашхамаф 1941: Яковлев Н.Ф., Ашхамаф Д.А. Грамматика адыгейского литературного языка. М.-Л.: АН СССР, 1941. – 464 с.; 1л.табл.
226. Якубинский 1968: Якубинский Л.П. Избранные работы. Язык и его функционирование. – М.: Наука, 1986. – 208 с.
227. Ярцева и др. 1988: Методы сопоставительного изучения языков / Отв. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Наука, 1988. – 96 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Лексика как система и ее семасиологическая характеристика	7
Глава I. Проблема системности лексики и типология лексических микро- систем языка	7
Глава II. Лексико-грамматическая система	21
Глава III. Лексико-тематическая система	27
Глава IV. Лексико-семантическая система	43
§1. Предварительные замечания	43
§2. Полисемия	44
§3. Омонимия	55
§4. Паронимия	60
§5. Синонимия	62
§6. Антонимия	70
§7. Семантическое поле	76
§8. Ассоциативное поле	79
§9. Лексико-фразеологическая группа	83
§10. Лексико-derivационная группа	85
§11. Гипонимия, или лексико-семантическая группа объединенная ро- довидовыми отношениями	92
§12. Конверсия, лексико-семантическая группа объединенная обратны- ми отношениями	96
§13. Лексическая синтагматика (валентности слов), или лексико-семан- тическая группа, объединенная синтагматическими отношениями	99
Глава V. Лексико-стилистическая система	117
§1. Предварительные замечания	117
§2. Нейтральная лексика	119
§3. Лексика стиля устной речи	119
§4. Лексика книжного стиля речи	121
Заключение	127
Список условных сокращений	138
Библиография	139

УЧЕБНОЕ ИЗДАНИЕ

Апажев Мухамед Локманович

**ЛЕКСИЧЕСКАЯ СЕМАСИОЛОГИЯ
КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКА
В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМ**

Компьютерная верстка *Е.Х. Гергоковой*
Корректор *Е.Г. Скачкова*

Изд. лиц. Серия ИД 06202 от 01.11.2001.
В печать 26.04.2004. Формат 60х84 1/16. Печать трафаретная.
Бумага газетная. 9.07 усл.п.л. 10.5 уч. -изд.л.
Тираж 100 экз. Заказ № _____ .
Кабардино-Балкарский государственный университет.
360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173.

Полиграфическое подразделение КБГУ.
360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173.